

А. О. ЭКСКВЕМЕЛИН

Перевод с голландского Аронова В.

ПИРАТЫ АМЕРИКИ

«Пираты Америки» вышли впервые в 1678 году.

Автор книги — А. О. Эксквемелин. По его собственным словам, врач на службе Французской Вест-индской компании, в 1666 году отплывший на одном из ее кораблей на Антильские острова и за семь проведенных там лет, попадавший в самые крутые переделки — от рабства, в котором он оказывался трижды, до участия в одном из походов знаменитого «короля пиратов» Генри Моргана.

«Пираты Америки» — это долетевшее до нас сквозь века живое дыхание той эпохи, когда юный, только нарождавшийся капитализм клинками пиратских сабель энергично прорубал себе путь в Новый Свет.

Подробные и правдивые повествования обо всех знаменитых грабежах и нечеловеческих жестокостях, учиненных английскими и французскими разбойниками над испанским населением Америки, состоящие из трех частей:

Часть первая повествует о прибытии французов на Эспаньолу, природе острова, его обитателях и их образе жизни.

Часть вторая повествует о появлении пиратов, их порядках и взаимоотношениях между собой, а также о различных походах против испанцев.

Часть третья повествует о сожжении города Панамы английскими и французскими пиратами, а также о тех походах, в которых автор участия не принимал.

В книге имеется приложение¹:

Краткое описание американских владений короля испанского Карла II, их доходов и системы правления.

Кроме того, прилагается краткое описание наиболее интересных мест, находящихся под властью христиан.

Писал А.О. Эксквемелин, который волею судеб был участником всех этих пиратских походов. Книга иллюстрирована прекрасными гравюрами, картами и портретами. Амстердам. Напечатано у Яна тен Хорна. 1678 год.

¹ ...в книге имеется приложение... В первом издании "Пиратов" вслед за повествованием Эксквемелина было напечатано небольшое приложение — описание системы правления, доходов, населения, кораблей и войск в испанских владениях в Америке. Во введении к книге издатель Ян тен Хорн сообщал, что, хотя приложение читается, не столь живо, как остальной текст, оно очень важно. В XVII веке переводчики "Пиратов" это приложение в книгу включали, но впоследствии, даже в голландских изданиях (например, 1931 года), когда такое описание стало представлять только исторический интерес, приложение стали опускать, поскольку, собственно, к Эксквемелину оно отношения не имеет. В настоящем издании приложение не печатается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
Часть первая	3
Глава первая	3
Глава вторая	4
Глава третья.....	7
Глава четвертая.....	8
Глава пятая	12
Глава шестая.....	20
Глава седьмая	21
Часть вторая	28
Глава первая	28
Глава вторая	29
Глава третья.....	34
Глава четвертая.....	39
Глава пятая	42
Глава шестая.....	45
Глава седьмая	47
Часть третья	57
Глава первая	57
Глава вторая	57
Глава третья.....	59
Глава четвертая.....	62
Глава пятая	64
Глава шестая.....	68
Глава седьмая	72
Глава восьмая	76

Часть первая

Глава первая

Отбытие автора в западную часть Америки на службу во Французскую Вест-индскую компанию. Встреча на море с английским военным кораблем. Прибытие на остров Тортуга.

В год 1666, второго мая, мы отбыли из гавани Гавр-де-Грас² на корабле «Сен-Жан», принадлежавшем Дирекции Высокой Французской Вест-индской компании, и было на этом корабле двадцать восемь пушек, двадцать моряков, двести двадцать пассажиров, состоящих на службе Компании³, и вольных особ со слугами. У мыса Бофлер мы остановились, чтобы встретиться с еще семью кораблями Компании, шедшими из Дьеппа, и военным судном с тридцатью семью пушками и с командой в двести пятьдесят человек. Два корабля направлялись в Сенегал, пять — на Карибские острова, а мы — на остров Тортуга. Вскоре к нам присоединилось еще около двадцати судов, шедших к Ньюфаундленду, и несколько голландских кораблей, которые направлялись в Ла Рошель, Нант и Сен-Мартен. Таким образом, флотилия наша состояла из тридцати судов, и мы готовы были принять бой, ибо узнали, что недалеко от острова Орнай нам пересекли путь четыре английских фрегата (каждый по шестьдесят пушек).

Наш командир кавалер Сурди отдал необходимые распоряжения, и мы пошли под всеми парусами при попутном ветре, а туман очень кстати быстро скрыл нас от англичан. Чтобы избежать встречи с врагом, мы шли вплотную к французскому берегу и встретили фламандский корабль из Остенде. Его шкипер пожаловался нашему командиру, что в это утро был ограблен французским пиратом. Военный корабль тотчас же погнался за пиратом, но догнать его не смог. Тем временем французы, приняв нас за англичан, подняли по всему берегу тревогу, ибо они опасались, что мы совершим высадку. Хотя мы и подняли наши флаги, нам не поверили.

Затем мы отдали якорь у рейда Конкет в Бретани (близ острова Уэссан), чтобы запастись провиантом и пресной водой. Взяв все необходимое, мы снова отправились в путь, намереваясь обойти мыс Ра-де-Фонтено, дабы избежать пролива Сарлинг, где мы рисковали встретиться с английскими военными кораблями. В этом проливе очень сильное течение и множество утесов. Он расположен у французского берега на 48°10' северной широты и весьма опасен, так как его рифы скрыты под водой. Поэтому на нашем корабле все, кому не доводилось здесь плавать, были крещены на следующий манер.

Главный боцман облачился в длинный балахон, надел шляпу забавного вида и взял в правую руку деревянный меч, а в левую — горшок с колесной мазью. Его лицо было вымазано сажей. Он нацепил на себя ожерелье из деревянных гвоздей и прочих корабельных мелочей. Все, кого еще судьба не заносила в эти края, становились перед ним на колени, и он крестил их лбы, ударяя при этом по шее деревянным мечом, а подручные боцмана обливали их водой. Сверх этого каждый «крещеный» должен был отнести к грот-мачте бутылку вина или водки. Впрочем, у кого вина не было, того и не просили об этом. На тех кораблях, которые еще сами не бывали в этих местах, брали вино и с их командиров; все это сносили к мачте и делили.

Голландцев также крестили возле этих утесов. Крестили их и близ утесов Берланга, лежащих недалеко от берегов Португалии на 39°40' северной широты. Это очень опасные рифы, потому что ночью они совершенно не видны из-за высокого берега. Способ крещения у голландцев совсем не такой, как у французов. У них принявшие крещение, словно преступники, трижды прыгали в воду с самой высокой реи, а некоторым, по особой милости, разрешали прыгать с кормы. Но истинным геройством считался четвертый прыжок — в честь Его Высочества⁴ или капитана. Того, кто прыгал первым, поздравляли пушечным выстрелом и поднятием флага. Кто не желал лезть в воду, платил по голландским правилам

² ...мы отбыли из гавани Гавр-де-Грас... Французский порт Гавр на берегу Нормандии. В XVII веке был основным пунктом, откуда французские корабли направлялись в Америку. Однако первые французы, появившиеся на Тортуге, были нормандцами из Дьеппа. Они и окрестили остров Новой Нормандией.

³ ...и было на корабле двести двадцать пассажиров, состоящих на службе Компании... Для табачных плантаций на Тортуге Французская Вест-индская компания (создана Ж. Б. Кольбером в 1664 году и ликвидирована в 1674 году) вербовала рабочих во Франции. Срок контракта в Компании был не меньше трех лет.

⁴ ...четвертый прыжок в честь Его Высочества — то есть правящего принца Оранского.

двенадцать стюйверов⁵, а офицеры — половину рейксдалдера⁶. Пассажиры же платили столько, сколько с них потребуют. Со шкиперов кораблей, еще не бывавших в этих водах, брали большую бочку вина; если они противились, в отместку отсекали фигуру на носу корабля, и шкипер или капитан не имели права воспрепятствовать этому. Все полученное передавалось главному боцману, который хранил трофеи до захода в гавань, а там на вырученные деньги покупали вино и делили со всеми находившимися на корабле без исключения. Ни голландцы, ни французы так и не могли растолковать, зачем все это делается, говорили только, что это старый морской обычай. Некоторые утверждают, что этот обычай был установлен императором Карлом V⁷, но в его законах ничего подобного не значится. Я написал обо всем этом, поскольку речь зашла о морских церемониях, теперь же мы снова отправимся в наше путешествие.

Когда мы миновали пролив, нас подхватил попутный ветер, и мы дошли до мыса Финистерре, но там попали в жестокую бурю и потеряли друг друга из виду. Шторм длился восемь дней. Было жалко смотреть, как корабль бросало из стороны в сторону и пассажиры падали с правого борта на бак, не имея сил подняться, потому что всех трепала морская болезнь. Матросы, занятые работой, просто переступали через них. Потом снова все стихло, небо прояснилось, и мы пошли своим курсом так быстро, что вскоре пересекли тропик Рака. Это круг, придуманный звездочетами; он лежит словно пограничная черта по пути солнца на север на 23°30' северной широты. Тут нас снова крестили тем способом, о котором я уже упоминал, потому что у французов в обычае крестить и под тропиком Рака, и под тропиком Козерога. И нас подхватил попутный ветер, что было для нас весьма кстати, поскольку воды уже не хватало и в день приходилось не больше двух муций на человека⁸.

На широте острова Барбадос мы заметили английский пиратский корабль, который вознамерился догнать нас. На нем было двадцать четыре пушки. Но, заметив, что мы сильнее, он ушел от нас. Мы пустились в погоню и выстрелили из наших восьмифунтовых пушек, но паруса у него были лучше, и мы скоро отстали.

После этого мы опять легли на свой курс и вскоре увидели остров Мартинику. Мы стремились к рейду Св. Петра⁹, но разыгравшийся на дальнейшем пути шторм задержал нас. Мы решили было отправиться в Гваделупу, но шторм оказался таким сильным, что мы не смогли пройти и туда. В конце концов, никуда не заходя, мы дошли до острова Тортуги, куда, собственно, и направлялись. Мы проследовали вдоль берега Пунта-Рики¹⁰, веселого и прекрасного острова, заросшего лесом до самых вершин. Вскоре перед нами открылся остров Эспаньола, который мы опишем позже. И наконец 7 июля этого же года мы достигли острова Тортуги, не потеряв ни одного человека. Здесь были разгружены товары Компании, и корабль с несколькими пассажирами отправился в Кюль де Сак¹¹.

Глава вторая

Описание острова Тортуги, растений и плодов. Как там очутились французы и дважды были изгнаны испанцами. А также о том, как автор был там трижды продан.

Остров Тортуга находится примерно в двух милях к северу от великого и славного острова Эспаньола. Он лежит на 20°30' северной широты и имеет в окружности около шестнадцати миль. Название свое остров получил из-за сходства с гигантской черепахой (Тортуга по-испански черепаха). Весь остров в скалах. На нем везде большие деревья, которые растут прямо среди камней; земли там почти нет, и их корням деваться

⁵ ...Стюйвер — голландская монета в 5 центов.

⁶ ...Рейксдалдер — голландская монета, равная 2,5 гульдена.

⁷ ...он был установлен императором Карлом V... Речь идет об императоре Священной Римской империи Карле V, правившем в Германии с 1519 по 1556 год.

⁸ ...не больше двух муций на человека... Муция — старинная голландская мера жидкости, равная 1,5 дл.

⁹ ...мы стремились к рейду Св. Петра... Речь идет о гавани Сен-Пьер на острове Мартиника.

¹⁰ ...мы проследовали вдоль берега Пунта-Рики... Очевидно, Экскемелин имеет в виду остров Пуэрто-Рико. В издании 1678 года в основном тексте Экскемелина было немало опечаток, которые издатель в специальном обращении к читателю предлагал, заметив, исправить. Однако в написании географических названий встречающиеся разночтения, вероятно, не считались опечатками. Так, Экскемелин пытался максимально точно поведать читателю о том, что он сам встречал и слышал.

¹¹ ...корабль с несколькими пассажирами отправился в Кюль де Сак... В тексте встречаются и такие написания: Cal de Sac, de Culsac и т.д. Кюль де Сак — тупик; так называют в Вест-Индии бухты-сумки и впадину на западе Гаити, вероятно, к последней, а не к мысу и направлялся корабль.

некуда. Северная часть острова необитаема и очень неприветлива, там нет ни гавани, ни отмелей, разве что небольшие площадки между утесами. Поэтому заселена лишь южная часть острова, где есть гавань и куда могут приставать корабли. Обитаемая сторона делится на четыре части: самая лучшая из них — Ля бас тер (Низменная земля), именно туда пристают корабли. Там есть селение Кайон, в котором живут богатые плантаторы. Другая, Ле миль плантаж, обжита совсем недавно и славится табаком. Самая западная часть острова называется Ля Ринго. В четвертой части, а называется она Ля Монтань, находятся самые древние плантации этого острова. Гавань хорошая, она защищена от рифов, и к ней ведут два прохода. На дне тонкий песок. В нее могут заходить и семидесятипушечные корабли.

Растительное же царство острова Тортуги необычайно разнообразно. Здесь растут бразильское дерево¹², красный, белый и желтый сандал. Желтое сандаловое дерево здешние жители называют буа де шандель (свечное дерево), потому что горит оно ярко, словно свеча. Когда ночью идут на рыбную ловлю, из него делают факелы. Растет на острове и лигнум санктум, в других странах его называют покхаут¹³, а также деревья, которые постоянно гноятся какой-то особой смолой, и китайский корень¹⁴, однако он не так хорош, как ост-индский. Он мягкий и белый, и его охотно едят дикие свиньи, которые вообще ничем не питаются, кроме него. Встречаются здесь алоэ и другие лекарственные растения, а также деревья различных пород, пригодные для постройки кораблей и домов. На острове есть все плоды, которые можно найти на Карибских островах: маниок, батат, иньям¹⁵, арбузы, испанские дыни¹⁶, пакиайи¹⁷, карасоль¹⁸, мамы¹⁹, ананасы, плоды акажу²⁰ и другие, которые я перечислять не стану, чтобы не отвлекать внимания читателей. Сверх этого там множество различных пальм, из мякоти которых можно готовить вино, а листьями покрывать дома.

На острове много диких свиней, но охота с собаками на них запрещена, ибо остров мал, а свиней надо беречь на случай, если нападут враги и жителям придется укрываться в лесах. Охота там очень опасна из-за утесов, поросших мелким кустарником. По неосторожности можно с них легко свалиться. Так уже погибло множество людей. На дне между скалами немало скелетов, и никто не может сказать, сколь долго они лежат.

В определенное время года на остров прилетает много голубей, и жители могут прокормиться ими, не ведая нужды в другом мясе. Но проходит время, и голуби становятся несъедобными, потому что они клюют очень горькие семена, худеют и мясо их становится горьким. На берегу всегда много морских и речных крабов. Они огромны и вполне съедобны. Рабы и слуги едят крабов довольно охотно, у них приятный вкус, но для здоровья крабы вредны, ибо если потреблять их часто в пищу, то начинаются такие головокружения, что все идет кругом, и порой люди на короткое время почти слепнут.

Французы, основав в свое время колонию на острове Сен-Кристофер и изрядно укрепив ее, снарядили несколько судов и послали их на запад в поисках новых мест. Вначале они высадились на берегу острова Эспаньола. Выйдя на сушу, они убедились, что земли там очень плодородные и изобилуют одичавшими быками, коровами, свиньями и лошадьми. Но, взяв в расчет, что никакой выгоды от этих диких стад не будет, пока не устроят загонов (а этого они не могли сделать, потому что остров Эспаньола уже был заселен испанцами), французы решили, что лучше всего обосноваться на острове Тортуге. Без каких-либо потерь они выгнали десять или двенадцать испанцев, которые там жили, и примерно полгода им никто не мешал. Потом на своих каноэ они отправились домой и возвратились с новыми поселенцами, решив заложить на острове плантации. Тем временем испанцы, которые не могли спокойно спать из-за этих

¹² *Бразильское дерево*... Экскевелин называет его stockvishout. Вероятно, он имеет в виду *Caesalpinia* L. — цезальпинию. Это дерево дает древесину красного цвета.

¹³ *Покхаут, или французское дерево*... Речь, вероятно, идет о разновидности *lignum Sanctum* L. — кустарника, из сока которого готовили настои, применявшиеся как лекарство от венерических болезней.

¹⁴ *Китайский корень*... Экскевелин пишет *Radix China*, вероятно, имея в виду растение, корни которого принимали в Вост-Индии за женьшеневые.

¹⁵ *Иньям* — растение семейства диоскорейных — вьющиеся травы со съедобными клубневидными корнями, богатыми крахмалом.

¹⁶ *Испанские дыни*... Вероятно, один из видов растений семейства тыквенных.

¹⁷ *Пакиайи*... очевидно, автор имел в виду плоды папайи. *Carica rарауа* — дынное дерево высотой 4-6 м, часто встречающееся в тропиках.

¹⁸ *Карасоль*... *Annona Cherimolia*, *Annona squamosa*. Принадлежит к растениям, близким к магнолиевым, и дает плоды грушевидной формы, ароматная мякоть которых по цвету и нежности напоминает сливки.

¹⁹ *Мамай*... *Mammea americana* L. — маммеей американский. Его называют также абрикосом из Санто-Доминго.

²⁰ *Плоды акажу* — плоды красного дерева.

приготовлений, снарядили несколько судов и высадились на Тортуге, чтобы занять ее снова. Это им не удалось, потому что французы сразу же скрылись со своим скарбом в лесах, а на следующее утро ушли на каноэ в море. У французов было большое преимущество: у них не было ни женщин, ни детей, каждый мог быстро скрыться, найти себе пропитание и легко известить соотечественников о случившемся и тем самым помешать испанцам построить на острове укрепления.

Испанцы отправились за ними в погоню, думая рассеять их и уморить с голоду, как они это делали с индейцами. Однако у них ничего не вышло, поскольку у французов было много пороха и ружей. Французы выбрали момент, когда почти все испанцы перебрались за ними на большую землю²¹, и возвратились на Тортугу, перебив всех, кто там еще остался, а затем уничтожили и возвратившихся испанцев. Так они снова стали хозяевами острова.

Овладев островом, французы сразу же послали верного человека к губернатору и одновременно военачальнику острова Сен-Кристофер. Они попросили прислать им собственного губернатора, чтобы он правил народом и помог засеять всю землю. Губернатор вынял этой просьбе и тотчас же приказал снарядить корабль, стоявший на рейде, отправив на нем в качестве губернатора мосье Ле Вассера. Ле Вассер возглавил большой отряд и взял с собой все необходимое. Как только новый губернатор прибыл на остров, он приказал на одной из скал построить форт, который защитил бы гавань от вражеских кораблей. Этот форт был неприступен, потому что на тропе, ведущей к нему, едва могли разойтись два человека. На склоне горы была пещера, которую использовали как склад оружия, а на вершине имелась удобная площадка для батареи. Губернатор приказал построить рядом с ней дом и установить там две пушки, соорудив для подъема на форт переносную лестницу, которую в случае нужды можно было убрать. На территории форта был вырыт колодец, и воды в нем хватило бы на тысячу человек. Вода поступала из родника, и, таким образом, извне колодец был совершенно недоступен. Вокруг форта разбили плантации, где стали выращивать табак и фрукты.

Когда французы основали колонию и укрепились на острове, они начали ходить на большую землю на охоту, добывать шкуры; те же, кто не имел к этому склонности, повадились грабить испанские берега, что, впрочем, они делали и раньше. А у кого на руках были женщины, остались на острове; некоторые из них занялись разведением табака, другие сбором древесного сока, и каждый добывал себе такими способами пропитание.

Между тем испанцы никак не могли успокоиться и допустить, что французы выживут окончательно их с острова. Они дождались удобного момента, когда большинство французов ушло в море, а часть была на охоте, снарядили каноэ и отправились на Тортугу вторично, прихватив с собой несколько пленных. Испанцев было восемьсот человек, французы не смогли удержать остров и поэтому укрылись в форте. Губернатор приказал срубить вокруг него все деревья, чтобы лучше видеть врагов. Испанцы поняли, что без пушек им форта не взять, и принялись совещаться, как быть дальше. Поскольку все высокие деревья, окружавшие форт, были срублены, открылась возможность обстрелять его с соседней горы. Испанцы отплыли от берега и через некоторое время втащили пушки на эту гору. Гора была довольно высокая, и с ее вершины виден был весь остров. Склоны горы были крутыми и обрывистыми, взобраться наверх было очень трудно. Как это удалось испанцам, я расскажу ниже.

Испанцы привезли много рабов и слуг, среди которых были метисы, или полукровки, и индейцы. Они-то и должны были проложить путь через скалы, чтобы доставить пушки на вершину и устроить батарею, которая открыла бы огонь по форту и принудила французов сдаться. Но как только испанцы принялись за дело, французы нашли способ отбить пушки. Ночью на Тортуге высадились охотники и пираты и тайком взобрались на вершину горы по ее северному склону. К таким делам они были вполне привычны. Испанцы с большим трудом все же втащили пушки на гору, рассчитывая обстрелять форт на следующий день. Они не подозревали о вылазке французов. Но утром (а к тому времени они привели пушки в порядок) французы неожиданно напали на них с тыла и многих из них сбросили с горы. Ни один из испанцев не уцелел, все переломали себе шеи и ноги. Остальных французы тоже перебили без всякой пощады. Те испанцы, которые остались на берегу, поняли, что произошло нечто ужасное, и тут же отплыли и больше уже не пытались захватить остров.

После этого Тортуга оказалась в полной власти губернатора, который хозяйничал на ней вплоть до 1664 года, пока остров не перешел во владение Французской Вест-индской компании и губернатором не был назначен мосье Ожерон. Компания наводнила колонию своими уполномоченными и слугами, решив

²¹ ...испанцы перебрались за ними на большую землю... Экскемелин имеет в виду остров Эспаньола.

заняться прибыльной торговлей с испанцами, как это делали голландцы на Кюрасао²². Однако Компании не повезло. Она надеялась вступить в сделку с враждебной нацией, а такого быть не могло. Каждый, будь то пират, охотник или плантатор, вначале покупал все в долг, но, когда дело дошло до оплаты, никто платить не стал. Тогда Компания была вынуждена отозвать своих агентов и приказала им продать все, что у нее было, а торговлю свернуть. Все слуги Компании были проданы, кто за двадцать, кто за тридцать реалов²³. Меня также продали, потому что я был слугой Компании, как назло, имел несчастье попасть к самой отменной шельме на всем острове. Это был вице-губернатор, или помощник коменданта. Он издевался надо мной, как мог, морил меня голодом, чтобы вынудить откупиться за триста реалов, и ни на минуту не оставлял в покое. В конце концов из-за всех этих невзгод я тяжело захворал, и мой хозяин, опасаясь, что я умру, продал меня за семьдесят реалов одному хирургу. Но по выздоровлении я оказался совершенно наг, у меня только и осталось что рубашка да старые штаны. Мой новый хозяин был несравненно лучше: он дал мне одежду и все что было необходимо, а после того как я отслужил у него год, предложил выкупиться за сто пятьдесят реалов, причем он готов был повременить с уплатой до тех пор, пока я не накоплю эти деньги.

Обретя свободу, я оказался гол, как Адам. У меня не было ничего, и поэтому я остался среди пиратов, или разбойников, вплоть до 1672 года. Я совершил с ними различные походы, о которых и собираюсь здесь рассказать. Но вначале хочу описать остров Эспаньолу, чтобы любознательный читатель ведал все о землях в западной части Америки.

Глава третья

Описание большого и славного острова Эспаньолы.

Остров Эспаньола вытянут с запада на восток. Он расположен между 17°30' и 20° северной широты. В окружности этот остров достигает трехсот миль: он простирается на сто двадцать миль в длину и примерно на пятьдесят в ширину и в одном месте суживается. Я не стану утомлять благосклонного читателя историей открытия этого острова, поскольку каждый знает, что его открыл в 1492 году Христофор Колумб, посланный доном Фернандо, королем Испании²⁴. С тех пор и поныне остров находится во владениях Испании. На нем много различных городов и прекрасных селений. Все они построены испанцами. Здешняя столица — город Санто-Доминго, и назван он так в честь святого Доминика. Город этот находится в южной части острова на 18°13' северной широты и лежит примерно в сорока милях от крайней оконечности восточного мыса — Пунта-дель-Эспада. Город обнесен каменной стеной, и в нем сильная крепость, господствующая над всей гаванью. Гавань эта превосходна: в ней могут найти пристанище множество кораблей и все они будут надежно защищены от любых ветров, кроме южного. Вокруг города прекрасные плантации, где произрастают разнообразные плоды — все, какие только могут встретиться в этих местах. В городе живет губернатор острова. Его называют здесь президентом. Отсюда снабжают всем необходимым остальные города и селения острова: ведь испанцы не торгуют больше ни в одной гавани, кроме этой. Большинство проживающих здесь людей купцы и лавочники.

Город Сантьяго-де-лос-Кабальерос назван в честь святого Иакова²⁵. Он расположен в глубине острова близ 19° северной широты. Окружных стен у него нет. В нем живут охотники и плантаторы. Вокруг города расстилаются превосходные пастбища, где пасутся большие стада диких животных, так что в этих местах выделывают много кож хорошего качества.

К югу от города Сантьяго находится необычайно живописное селение Эль-Котуи, или Нуэстра-Сеньора-де-Альта-Грасиа, что значит Высокая Милость Богоматери. Вокруг нее раскинулись прекрасные плантации, на которых возделывают большое количество какао или шоколада, имбирь, табак, а также добывают тальк²⁶.

²² ...как это делали голландцы на Кюрасао... Остров Кюрасао был занят испанцами в 1527 году, но в 1634 году был захвачен голландцами и окончательно уступлен Голландии по Вестфальскому миру 1648 года.

²³ Реал... В голландском тексте stuck van achten, что в переводе значит осьмушка. Во французском переводе встречается как экю. Скорее всего Экскевелин имеет в виду испанские серебряные реалы. 8 серебряных реалов в XVII веке соответствовали 1 песо.

²⁴ ...Колумб, посланный доном Фернандо, королем Испании... Имеется в виду Фердинанд V Католик, король Арагона и Кастилии, правивший с 1479 по 1516 год.

²⁵ ...в честь Святого Иакова... Святой Иаков был патроном Испании.

²⁶ Тальк... Очевидно, это жирные мылистые глины, которые могли употребляться для валки сукон или выделки кожи.

Испанцы, живущие в тех местах, ходят на своих каноэ на остров Савону ловить рыбу и морских черепах, которые вылезают на берег, чтобы откладывать яйца. Этот остров не достоин особого описания. На нем один песок да множество покхаутов. Испанцы в свое время свозили туда коров и быков, надеясь, что они размножатся, но после нападения каперов весь скот истреблен.

К западу от города Санто-Доминго расположено другое большое селение, и оно называется Эль-Пуэбло-де-Ассо. Жители этого селения поддерживают оживленную торговлю с соседним поселением Сан-Хуан-де-Гоаве, расположенным в самом центре острова. Там много пастбищ, и захватывают они часть острова окружностью миль в двадцать, и пасется в тех местах множество диких коров и быков. В этих краях не встретишь ни одного человека, кроме бродячих пастухов и охотников. Большинство люди смешанных кровей: одни — потомки негров и белых (их называют мулатами), другие — негров и индейцев (их называют алькатрасами²⁷). Немало там и других полукровок: ведь испанцы относятся ко всем небелым женщинам точно так же, как и к своим соотечественницам.

Это селение поставляет большое количество сала и кож, там не занимаются ничем другим. Из-за частых засух обрабатывать тамошнюю землю бесполезно. Вот, собственно, и все, что находится в распоряжении испанцев, начиная от мыса Лобос, лежащего неподалеку от Сан-Хуан-де-Гоаве, до мыса Самана на северо-востоке и от Пунта-дель-Эспада до мыса Лобос. Остальная часть острова населена французами, которые промышляют лесом и работают на плантациях.

На острове много хороших гаваней. Они встречаются начиная от мыса Лобос вплоть до мыса Тибурон, расположенного в западной части острова. Четыре или пять гаваней, пожалуй, самые лучшие в этих местах (они превосходят даже английские) и окружены плантациями, долинами и реками, в которых, наверно, самая лучшая вода на свете. Есть там и отличные отмели, и туда выходят черепахи класть яйца. От мыса Тибурон вплоть до мыса Донья Мария всего две гавани, а от мыса Донья Мария до мыса Сан-Николае (Ле-Моль-Сен-Никола) целых двенадцать прекрасных гаваней. В каждую из них впадает по две или три реки, богатые рыбой. В северной части острова тоже много различных городов и селений, но в свое время они были опустошены голландцами и испанцы покинули их навсегда.

Глава четвертая

*повествующая о плодах, деревьях и животных, встречающихся на острове
Эспаньоле.*

Остров Эспаньола богат различными растениями. Здесь есть большие равнины — от пяти до шести миль в окружности. Некоторые из них засажены апельсиновыми деревьями, одни — сладкими сортами, другие — кислыми. Встречаются здесь и лимонные деревья, однако дают они плоды не таких сортов, какие привозят из Испании. По величине эти лимоны не больше куриного яйца и намного кислее обычных. Здесь есть и немало мест, где растут пальмы. Здешние пальмы весьма внушительных размеров и выглядят очень забавно. Некоторые деревья достигают примерно ста двадцати — двухсот футов в высоту, сучьев у них нет, а где-то вверху от ствола отходят широкие стебли, мякоть которых по вкусу напоминает белокочанную капусту. На этих стеблях сидят листья и початки. На каждом дереве не меньше двенадцати таких листьев. Каждый месяц они опадают и снова через месяц на их месте появляются новые. Плоды созревают каждый год, и сидят они прямо на стеблях, которые, как я уже говорил, напоминают по вкусу капусту и вполне съедобны. Если плоды эти прокипятить, то они от капусты не отличаются совсем. Семенами этих пальм питаются дикие свиньи. Листья достигают примерно двух или трех футов в ширину и семи или восьми футов в длину. Листья эти довольно крепкие; ими кроют хижины, для чего их копят (как это делается, я расскажу позже) и кладут прокопченной стороной внутрь. С внешней стороны эти листья зеленые, с тыльной — белые. Содрав с них кожицу, ее используют как пергамент, и писать на этой кожице можно, как на бумаге. А если внезапно начинается дождь и поблизости нет никакого укрытия, то эти листья дают надежную защиту. В случае надобности из них можно делать ведра и в них держать питьевую воду. Листья эти могут сохранять влагу не дольше семи-восьми дней. Древесина этих пальм необычайно твердая, но сердцевина легко режется ножом. Твердый слой древесины, собственно, не толще трех или четырех дюймов, а ствол настолько могуч, что его едва могут обхватить два человека. Эти деревья встречаются по всему острову и растут на любой, самой неплодородной почве. Из их сердцевины можно готовить вино. Готовят его обычно следующим образом: дерево спиливают примерно в трех или четырех футах от

²⁷ *Алькатрас* — соответствует распространенному термину самбо.

земли, на спиле делают четырехугольный надрез, и со временем в него собирается сок, да такой крепкий, что его уже можно пить.

Французы называют эти пальмы французскими капустными пальмами. Кроме них есть и другие разновидности, которые именуются веерником, колючей пальмой, винной пальмой, железной пальмой, шляпной пальмой, или пальмисте²⁸, горной пальмой. Пальмы, которые называются веерными, достигают такой же высоты, что и винные пальмы, их листья напоминают веер и бывают в диаметре семи или восьми футов. Их ствол сплошь усеян шипами длиной до полутора футов. Початки на этих деревьях точно такие же, как и на других пальмах, однако они намного больше и толще и тоже служат пищей для диких зверей. Листья этой пальмы пригодны лишь для покрытия хижин. На хорошей земле эти пальмы растут довольно редко и встречаются чаще всего на песках в скалистых местах.

Колючая пальма получила свое название из-за бесчисленных шипов, усеивающих ее ствол от корней вплоть до самых листьев. Шипы достигают в длину трех-четырёх дюймов. Некоторые индейские племена, живущие в Южной Америке, этими шипами наносят узоры на коже или пытаются своих пленников. Пытают они следующим образом: пленного привязывают к дереву, обвертывают шипы тряпицей, пропитанной пальмовым маслом, и загоняют их в тело так близко друг к другу, словно они покрывают ствол пальмы. Затем тряпье зажигают. Если пленник при этом напекает, то его объявляют добрым воином и ему не причиняют никакого вреда, если же он орет и визжит, то заключают, что он трус. Об этом я слышал от одного индейца, который сам не раз проделывал подобное над своими врагами. То же говорил и один христианин, долго живший среди индейцев. Однако возвращаясь к нашему повествованию и отмечу, что эта разновидность пальмы ничуть не выше веерной, но листья у нее, как у капустной пальмы, хотя сидят и не на столь длинных черенках. Из сока этой пальмы тоже делают неплохое вино, точно таким же способом, который мы уже описали выше. Початки вызревают на этой пальме так же, как и на других, однако ее плоды совсем иного вида — они круглые и не больше даюта²⁹. Внутри у них косточка, она очень твердая и по вкусу подобна доброму испанскому ореху. Эти деревья встречаются чаще всего на побережье в низменных местах.

Винная пальма называется так потому, что из нее можно приготовить много вина. В высоту она не больше сорока — пятидесяти футов и на вид весьма необычна. От самых корней и примерно до половины или двух третей высоты ее ствол не толще трех пядей, а затем он раздувается, как французский бочонок. Это утолщение наполнено веществом, которое подобно мякоти капустной кочерыжки, и соком, довольно приятным на вкус. Когда сок перебродит, он становится крепче любого вина. Чтобы добыть сок, дерево валят. А срубить это дерево можно только огромным ножом, который называют мачете. Когда пальма срублена, в сердцевине высверливают четырехугольное отверстие, в средней части расширенное, и эту дыру называют бочкой. В ней-то и толкут мякоть до тех пор, пока она не разбухнет, а затем вычерпывают сок руками.

Из этого дерева можно получить все, что нужно для приготовления вина. Сок очищают листьями, а потом из них же делают сосуды для готового вина и пьют из них. Плоды этого дерева растут точно так же, как и на всех остальных пальмах, но по величине, виду и цвету напоминают вишню и вполне съедобны, хотя вкус у них вяжущий. Эта пальма растет на высоких местах и в скалах.

Дерево пальмисте называют также шляпной пальмой, и из плодов его изготавливают знаменитые испанские четки. Плоды эти невелики и очень тверды. Пальмы же довольно высокие, листьев у них мало, и растут они чаще всего на вершинах больших гор.

На этом острове встречаются и другие большие и высокие деревья. Они дают плоды размером с дыню (кстати, дыни также растут на острове), в самой середке у них косточка не больше куриного яйца, а мякоть по цвету напоминает дыню. Сверху она серая и вкусом сходна с абрикосом. Плоды эти так и называются французскими абрикосами. Дикае свиньи едят их очень охотно. Есть там и другие деревья, например грушевое, плоды которого называют кайемитами³⁰. Эти плоды похожи на большие черные сливы и такого же цвета. Сок у них, как молоко, и очень вкусный, внутри плода по пять, изредка по три зерна величиной не больше турецких бобов. Их тоже едят дикае свиньи, но встречаются эти деревья не всюду.

Растут в этих местах и большие деревья генипас³¹. По внешнему виду они напоминают черешню — у

²⁸ *Пальмисте*... По-испански этот вид пальмы называли пальмито (*Mauritia flexuosa*).

²⁹ *Даюта* — мелкая голландская монета, в буквальном переводе грош, полушка.

³⁰ *Кайемиты*... Вероятно, каймиты — *Chrysophyllum cainito* L. — златолист обыкновенный.

³¹ *Генипас*... *Genipa Caruto* L. — плодовые деревья, листья которых напоминают листья черешни, а плоды отдаленно похожи на гранат.

них такие же листья, но ветви расставлены очень широко. Их плоды похожи на маковые головки, однако размером они с два кулака. Цвет их скорлупы серый, внутри много мелких семян с кожицей. Семена эти очень странные: кожица у них тонкая, и, проглотив их целиком, можно сильно расстроить желудок. Сок незрелых плодов неприятен на вкус. Он черен как сажа и похож на чернила, но дней через девять выцветает настолько, что все им написанное исчезает бесследно. Древесину этого дерева используют для построек, она очень прочна, и ее легко обрабатывать. Особенно она хороша для кораблей, потому что не боится влаги.

Здесь много и таких фруктовых деревьев, которые уже были описаны другими авторами. Много тут также кедров, испанцы называют их кедром, а французы — акажу (красное дерево). Кедр очень хорош для постройки кораблей и каноэ. Каноэ — это лодки, выдолбленные из цельного ствола дерева, но плавать на них можно не хуже, чем в шлюпке. Индейцы умеют изготавливать такие каноэ без всяких железных инструментов. Делают они это так: дерево обжигают, когда оно еще стоит на корню, и опаливают должным образом. Когда дерево падает, под ним разводят большой костер и становятся вокруг с водой наготове, заливая те места, которые обгорать не должны. Затем каменным топором выскабливают выгоревшую древесину и получают новое каноэ. На таких каноэ можно пройти миль двадцать, пятьдесят, а иногда даже и добрую сотню.

Дома и корабли строят и из других деревьев, растущих в этих местах, и, между прочим, из плодовых. Лучшие сорта деревьев — мапу, акома, дуб, бразильское дерево, манцилин, каучуковое дерево. Кроме того, здесь в большом количестве встречаются покхаут и разные лекарственные растения — лигнум алоэ, не меньше чем трех видов, кассиа лигна и китайский корень, правда он не так хорош, как ост-индский.

Мапу³² — дерево на диво толстое и поэтому вполне пригодное для изготовления каноэ, но оно уступает акажу, или кедру, поскольку его древесина более рыхлая и быстро тяжелеет от воды. Дерево акома³³ тоже отличается тяжелой древесиной, по цвету она такая же, как древесина пальм, растущих в тех же местах, хорошо обтесывается и полируется. Эта древесина настолько твердая, что из нее делают мельницы для сахара.

Дуб используют гораздо реже. Он идет на всякие поделки, хотя вполне пригоден и для постройки кораблей. Дуб хорошо сохраняется в воде, и, что особенно важно, его совершенно не берет морской червь в отличие от других пород деревьев.

Бразильское дерево довольно хорошо известно, здесь его называют рыбным деревом. Оно пригодно для многих целей. Это дерево чаще всего встречается на южном побережье острова в местностях Хакмел и Хакина, где легко могут подходить к суше большие корабли.

Дерево манцилин³⁴ растет у самого берега, его ветви иногда свисают до самой воды. Плоды этого дерева такие, как у яблони ранет, но очень ядовитые: кто съест такое яблочко, у того начинается жар и одолевает страшная жажда, а цвет кожи меняется. Любая рыба, отведавшая этот плод, тоже становится ядовитой. Его сок похож по цвету на инжирное молоко. И стоит лишь дотронуться до дерева, как на теле сразу появляются жгучие пузыри, причиняющие сильную боль. Я испытал это на себе, когда однажды обломил веточку манцилина, чтобы отогнать комаров. Несколько дней кожу отчаянно жгло, все лицо покрылось пузырями, и почти три дня я ничего не видел.

На здешних берегах есть и такие деревья, плоды которых похожи на знаменитые дамасские сливы. У них точно такие же косточки, и бывают эти плоды светлые и темные. Когда они поспевают, на берегу скапливаются стада диких свиней, которые с жадностью пожирают паданцы и сразу же жиреют. Растут эти деревья прямо на песке. По высоте и по форме ветвей они напоминают наш голландский кустарник, который также здесь встречается на дюнах. Это дерево испанцы называют икако.

На острове встречается и другая разновидность плодовых деревьев — абелькосовое дерево³⁵. Плоды у него почти такие же, как у икако³⁶; ствол очень высокий и толстый, листья, как у грушевого дерева, но плоды не меньше наших дынь и внутри у них косточка величиной с яйцо, мякоть желтая и такая же плотная, как у дыни, и обладает приятным запахом и вкусом. Французы победнее едят их с мясом вместо хлеба.

³² *Мапу*... *Seiba pentandra* — дерево с очень толстым стволом и рыхлой древесиной.

³³ *Акома*... *Rucubea guianensis* — лиственное дерево больших размеров, древесина которого похожа на пальмовую.

³⁴ *Манцилин*... *Manihot glabra* (Hippomane mancinella) — плодовое дерево, похожее на яблоню, плоды очень ядовиты.

³⁵ *Абелькосовое дерево* — плодовое дерево с листьями, похожими на грушевые, и большими мясистыми плодами.

³⁶ *Икако*... *Chrysobalanus icaco* — золотая слива, кустарник или небольшое деревцо сем. розовых, дикорастущее в тропиках Америки.

После этого краткого описания деревьев и плодов, которыми славится остров Эспаньола, следует уделить внимание и различной нечисти, что водится в здешних краях. Правда, ядовитых гадов нет нигде, но зато вдоволь тут комаров, а жалят они так, что нет от них никакого житья, особенно новичкам. Первая их разновидность по своим размерам напоминает наших дневных комаров. Они впиваются в тело и сосут кровь до того, что уже не в силах бывают взлететь в воздух. Из-за них всегда приходится таскать какую-нибудь ветку и беспрерывно махать ею, как корова хвостом. Больше всего они мучают людей по утрам и вечерам. Но пожалуй, самое скверное это то, что они постоянно зудят, и этот гул не смолкает ни на мгновение. Испанцы называют их москитами, а французы — маринганами³⁷.

Комары второй разновидности размером не больше песчинки. Летают они совершенно бесшумно, но еще противнее москитов, потому что жалят даже сквозь одежду. Охотники, отправляясь в засаду в заросли, спасаются от них, намазываясь специальным жиром. По вечерам охотникам приходится жечь в хижинах табак или какие-нибудь травы, иначе нет от этих комаров никакого спасения. Летают они и утром, и вечером, и ночью. Днем они, правда, затихают, и, как только поднимается ветерок или наступают первые холода, исчезают. Третья разновидность комаров не меньше горчичного зерна и отличается красным цветом. Они не жалят, но отгрызают на том месте, где садятся, кусочек кожи. Вскоре там появляется струпик, и у людей становится такой вид, будто они поражены неким злым недугом. Эти комары летают днем, ночью их почти не бывает. Испанцы называют их калародами, а французы — рогадос. Есть здесь и такие насекомые, которые по своему виду и окраске похожи на личинок, только побелее и подлиннее. На голове у них два пятнышка. Они светятся ночью так сильно, что, если на дереве сидят два или три таких насекомых, кажется, что сквозь ветки светится огонь. В мою палатку однажды попали три такие личинки. При свете, который они излучали, можно было читать. Мне очень хотелось привезти их в Европу, но они не вынесли наступивших холодов. А надо сказать, что если раздавить такое насекомое или оно само собой лишится жизни, то — странное дело — свет от него сразу пропадает. Этих насекомых испанцы называют москас де фульго³⁸. Встречаются здесь и насекомые, которых просто называют кузнечиками. Стоит кому-нибудь пройти мимо них, они поднимают дикий стрекот и разбегаются в разные стороны.

На острове Эспаньоле много всяческих гадов, например змей. Они хотя и не ядовиты, но приносят большой вред, уничтожая кур, голубей и других птиц. Правда, некоторые змеи весьма полезны: они спасают дома от крыс и мышей. Эти змеи очень хитры. Они пищат в точности как крысы, которые, ничего не подозревая, лезут им прямо в пасть и погибают. Змеи не грызут добычу; убив зверька, они первым делом высасывают из него кровь, а затем проглатывают целиком вместе со шкурой и шерстью, переваривая все в утробе без остатка.

Другая разновидность пресмыкающихся — летучие ловцы³⁹. Их называют так потому, что они ловят добычу в воздухе. Они не приносят никакого вреда.

Сухопутные черепахи селятся здесь по болотам и разным низким местам. Они царственно вкусны.

Когда поспевают табак, на острове появляется несметное количество гусениц. Напав на табачные плантации, они могут принести огромный вред. Иногда именно так и бывает. Табак приходится при этом срезать и выбрасывать. Эти гусеницы зеленого цвета и толщиной в палец.

Есть тут и пауки до невозможности отвратительные на вид. Их тело размером с яйцо, ноги не меньше, чем у небольших крабов, и волосатые. У них множество зубов черного цвета, не меньше, чем у кроликов. Кусаются они чрезвычайно больно, но не ядовиты. Эти пауки селятся обычно на крышах домов. В зарослях камышей близ воды можно встретить тысяченожек, по-латыни они называются сколопендрами. Тысяченожки очень похожи на скорпионов, но хвоста у них нет. Если вас укусит скорпион, то вам уже ничто не поможет, если же сколопендра, то место укуса распухнет, и затем опухоль пройдет сама собой. Таким образом, на острове нет таких тварей, которые были бы очень вредны для человека.

Раз мы занялись описанием всякой нечисти, то следует упомянуть также и о кайманах — одной из разновидностей крокодилов. На острове их довольно много. Они невероятно длинны и толсты. Некоторые достигают семидесяти футов в длину и двенадцати в ширину. Эти звери необычайно хитры в добывании пищи. Они вытягиваются до предела и плывут, подхваченные потоком воды, словно прелое бревно. Течение гонит их, и в конце концов они оказываются недалеко от берега. Если в этом месте приходят на водопой дикие свиньи или коровы, они моментально бросаются на них и тянут за собой на дно, топя в воде.

³⁷ *Москиты, или марингана...* Испанцы всех комаров называли москитами (от испанского слова *moscas* — муха).

³⁸ *Москас де фульго...* *Fulgora candelaria* — светящиеся организмы.

³⁹ *...летучие ловцы...* Вероятно, летучий дракон (*Draco volans*) — необычайно красивая ящерица красно-зелено-бурого цвета.

Чтобы быстро погрузиться, крокодилы глотают перед этим камень на сто или двести фунтов, потому что сами они весят сравнительно немного и нырять без груза им трудновато. Утащив зверя под воду, они оставляют его там дня на три-четыре, пока мясо не протухнет. До этого крокодилы к добыче не притрагиваются, даже не кусают свою жертву.

Стоит растянуть на берегу для просушки шкуру, и кайманы тут как тут. Они затягивают ее на дно и придавливают камнем. Потом дожидаются, пока шкура облысеет. Все это я видел воочию. Теперь мне хотелось бы рассказать о них то, что мне довелось услышать, хотя ни один из сочинителей, писавших о кайманах, таких сведений никогда еще не сообщал. Один вполне достойный доверия человек рассказал как-то мне, что однажды он залез в воду, чтобы промыть шкуру. Появился кайман, схватил ее зубами и потянул ко дну. Полюбопытствовав, что же станет делать кайман, этот человек позволил ему схватить шкуру и, держа ее за конец, изготовился нырнуть вслед за ним, зажав в зубах острый нож. Но не тут-то было. Кайман вырвал шкуру. В прозрачной воде было ясно видно, что делал кайман. Человек ударил крокодила ножом в брюхо, и тот пошел ко дну и вскоре околел от раны. Мой приятель вытащил его на берег и нашел у него в брюхе камни общим весом по меньшей мере фунтов на сто, самый маленький из них был величиной с кулак. Укрыться от преследования эти звери не могут: ведь даже если им удастся скрыться от глаз преследователя, их выдает неприятный запах мускуса. Мускусные железы расположены у них под шкурой: две — у горла, еще две — чуть пониже и еще две — на лапах. На кайманов специально охотятся, чтобы добыть эти железы и продать их в Европу.

Кайманы вылупливаются из яйца. Яйца они кладут раз в год, в мае месяце, прямо на прибрежный песок, зарывают их туда своими лапами. По размерам эти яйца такие же, как гусиные. Скорлупа у них шероховатая. В яйцах есть желток и белок, словно в птичьих, да и на вкус они вполне приемлемы. Из отложенных яиц вылупливаются маленькие кайманы, похожие на цыплят. Они тотчас же бросаются к воде и плавают уже на девятый день после рождения. Их матери в отличие от птиц прячут своих детенышей не под лапами — они просто их берут в пасть. Днем, когда погода хорошая, они выпускают малышей погреться на песке на солнце. Те вылезают и играют близ матери. Однако в случае малейшей опасности детеныши тотчас же скрываются. Я сам видел, как такие детеныши грелись на противоположном берегу у самой воды. Я бросил камень — и все они моментально забрались матери в пасть. Кайманов, которых я здесь описал, иногда попросту называют крокодилами.

Глава пятая

повествующая о различных животных, населяющих остров Эспаньола, всевозможных птицах, а также о французских буканьерах и плантаторах.

Остров этот богат и славен не только множеством дикорастущих плодовых деревьев, но и прекрасными землями, на которых растет все, что ни посеешь. Он изобилует и четвероногими: лошадьми, дикими свиньями, дикими быками и коровами, животные используются не только пропитания ради, но с их помощью жители возделывают поля. На острове много и диких собак, беспощадно уничтожающих других животных. Стоит только телятам и жеребяткам отбиться от стада, как собаки набрасываются на них, и если кто-либо не придет на помощь, то тут же пожирают свою добычу. Носятся они стаями, в которых бывает по пятьдесят или шестьдесят собак, и отваживаются нападать даже на стада диких свиней, выхватывая из стада по две или три свиньи.

Как-то раз один буканьер, которому я никак не желал поверить на слово, решил показать мне необычайно интересную вещь. Мы отправились с ним на охоту и услышали топот диких собак, окружавших стадо свиней. Мы тут же приказали слуге отвести наших собак подальше, а сами пошли вперед, держа ружья наизготовку. Подобравшись поближе, мы залезли на дерево и оттуда отчетливо увидели, как собаки окружили одну из свиней, бросившуюся к дереву. Дикая свинья встала на задние ноги, прижалась к стволу и отбивалась от собак клыками, причем те собаки, которым довелось пострадать от ее клыков, больше уже в драку не лезли. Битва продолжалась по крайней мере час. Наконец свинья решила дать деру, но тут одна из собак изловчилась, подобралась сзади и укусила ее. В то же мгновение остальные впилась ей в горло и загрызли. Как только свинья перестала шевелиться, все собаки отскочили и залегли вокруг туши. Но стоило появиться собаке-наводчице и вонзить зубы в тушу, как все собаки бросились на тушу и сожрали за каких-нибудь полчаса.

Нужно сказать, что у животных существуют довольно строгие законы, подобные человеческим: они, например, оказывают некоторым особям из своей среды знаки рабского почтения, и именно так поступили

собаки в случае с этой дикой свиньей. Человек, который сопровождал меня, рассказал, что ему частенько приходилось наблюдать, что в любой стае есть собака, которая всегда выбегает вперед, принохивается, и коли почует добычу, то лает раз пять или шесть. Если никто не появляется, она принимается за работу сама. То же самое я замечал и у прирученных собак. Ведь любой охотник держит особую гончую собаку, которая выискивает дичь. Найдя ее, она возвращается к охотнику и ждет, пока тот не убьет дичь и не кинет ей подачки. После этого она снова убегает, в то время как все остальные собаки остаются подле охотника.

Когда губернатор острова Тортуги мосье Бертран д'Ожерон дознался, что дикие собаки приносят неисчислимые беды, нападая на стада диких свиней, и охотникам становится все труднее снабжать жителей плантаций мясом, он немало потрудился, чтобы найти средства избавления от этой напасти. В конце концов в 1668 году он выписал из Франции яд. Когда его доставили, губернатор приказал умертвить несколько лошадей, рассечь их туши и пропитать мясо ядом. Ждали целых шесть месяцев, но собак на острове меньше не стало. Выяснилось, что собак можно приручать. Бывали случаи, что охотники находили собачьи выводки, забирали щенят домой и воспитывали их. Подросших щенков затем брали на охоту.

Но может быть, любознательный читатель сгорает от желания узнать, когда появились на острове эти дикие собаки? Поэтому я поведаю обо всем, что мне известно на этот счет. Когда испанцы захватили остров Эспаньола, на нем было множество индейцев. Те скоро поняли, что испанцы лишь болтают о дружбе, а на самом деле стремятся поработить их. Они восстали против испанских властей и нанесли им большой ущерб; после этого испанцы истребили буквально всех индейцев. Если кому-нибудь удавалось спрятаться в зарослях, испанцы натравливали собак на индейцев. Догнав индейцев, испанцы рубили их на куски и бросали на съедение собакам, стремясь запугать остальных, чтобы они никогда больше не появлялись в этих местах. Многие из тех, кто спрятался в скалах, погибли от голода. Я собственными глазами видел в скалах пещеру, забитую трупами. По самому скромному подсчету, их там было больше ста. Во время охоты такие пещеры попадаются довольно часто. Когда индейцы полностью исчезли, испанцы бросили своих собак, и они довольно скоро одичали. Так, собственно, там и появились дикие собаки, ибо до этого на острове не было ни одной.

Лошади⁴⁰, которые водятся на острове Эспаньола, невелики. Туловище у них короткое, голова крупная, шея длинная, ляжки толстые — словом, красоты никакой. Они пасутся стадами по две или три сотни голов, и если кого-нибудь завидят, то вожак, который всегда держится впереди стада, словно истинный капитан, подпускает его шагов на пятьдесят или шестьдесят, фыркает и пускается наутек, а за ним устремляется все стадо. Этих лошадей можно довольно легко приручить. Охотники ловят их ради шкур, которые сбывают на берегу моря. На тропинках, по которым обычно ходят стада, натягивают веревки с петлями, и лошади запутываются в них. Тогда их связывают и убивают. Некоторых, впрочем, оставляют в живых, чтобы приручить, и буквально дней через восемь они уже ходят в упряжке не хуже крестьянских лошадей, словно никогда не делали ничего другого.

Не меньше на острове и диких быков и коров, но стада их постепенно редуют, потому что их на каждом шагу поджидают опасности. Их истребляют любым способом и испанцы, ослепленные ненавистью к французам, и дикие собаки, которые пожирают телят, и французские буканьеры. Эти животные довольно крупные и очень злые, когда их преследуют или причиняют им боль, но при встрече с врагом они прежде всего стремятся спастись бегством. Их шкура достигает одиннадцати, двенадцати и тринадцати футов в длину.

Для меня загадка, почему быки и дикие свиньи вообще сохранились на острове Эспаньола: ведь с 80-х годов ежедневно и испанцы, и французы истребляли по полторы тысячи диких свиней. Я убежден, что французы в этом смысле преуспевали больше испанцев. И тем не менее свиней все равно на диво много. Они очень крупные и чаще всего черного цвета, хотя встречаются и другие расцветки. Обычно дикие свиньи пасутся стадами голов по пятьдесят — шестьдесят и, завидев людей, убегают. При этом поросята устремляются вслед за матерями, не отставая от них ни на шаг. Если на них нападают собаки, каждый спасается как может. Диких свиней вполне можно приручить. Я это видел собственными глазами. Однажды мы нашли в кустах несколько маленьких поросят и решили вырастить их на мясо. Когда поросята подросли, они стали бегать за нами, как щенята. Встречая диких свиней, они сперва перехрюкивались с ними, а затем бросались на них, словно собаки.

Остров Эспаньола населяет множество различных птиц, причем многие из них вполне съедобны. Это — рябчики, которых испанцы называют пинтадос, попугаи, дикие голуби, крабоеды, цапли, вест-индские

⁴⁰ ...лошади, которые встречаются на острове Эспаньоле... Лошади в Америку были завезены еще во времена Колумба. В конце XVI и в начале XVII века, в пору запустения Эспаньолы, лошади одичали и во множестве расплодилось во внутренних областях острова.

каплуны, фламинго, рыбаки, фрегаты, грангезиры, гуси, чирки, колибри и прочие, названий которых я просто не знаю.

Итак, рябчиков испанцы называют пинтадос. Нужно сказать, что это название довольно образно, ибо в оперении этих птиц чередуются черные и белые полосы, совсем как у тигров. Гребень у них такой же, как у кур, но очень твердый, словно мозоль. Они и величиной со здешних кур, да и мясо у них на вкус совсем не отличается от курятины. Стоит только одному из рябчиков заметить опасность, и все стадо с шумом скрывается среди деревьев. Яйца рябчики откладывают прямо на землю, так что нередко их теряют. Высиживать эти яйца могут и обычные домашние куры, но, когда цыплята подрастают и слышат призывный шум в лесу, они тотчас же убегают и сразу дичают. Немало здесь и попугаев. Они избегают селиться рядом с полями и гнездятся в старых пальмовых стволах, в местах, где раньше были гнезда других птиц. Пользуются же они покинутыми дуплами потому, что клювы у них изогнутые и долбить себе убежища они не могут. У природы, должно быть, не хватило средств, чтобы приспособить этих птичек к уютной жизни. Есть тут и птички карпентеры, или плотники; их называют так потому, что клювы у них удивительно приспособлены, чтобы долбить дерево, и крепки, как наилучшие топоры. По величине карпентеры невелики, но их клювы в длину достигают полутора дюймов. Карпентеры пробивают дупло всего за восемь дней и успевают за такой же срок устроить в нем гнездо.

На острове засилье диких голубей. Они появляются в строго определенное время подобно голубям на острове Тортуге. Когда с деревьев начинают осыпаться семена, голуби жиреют; подстрелив их, видишь, что они буквально истекают салом. Крабоеды по виду похожи на цапель и живут на озерах, ловя крабов. Поэтому их и называют крабоедами. Мясо у них превосходное. У этих птиц семь желчных пузырей. Во всяком случае содержащееся в них вещество очень похоже на желчь и горькое на вкус. Цапли, которые водятся на этом острове, ничем не отличаются от материковых. Ворон там необычайное множество. Их истребляют собаки, а в голодную пору и охотники. Вороны летают большими стаями и поднимают такой ужасный крик, что мешают людям разговаривать друг с другом. Тамошние вороны очень похожи на наших и в случае нужды, конечно, вполне пригодны в пищу. Вест-индские индюки очень велики — по весу они не уступают обычным индюкам, но формой головы, ног и плюмажа весьма отличается от наших. Клюв и ноги у них как у аистов, крылья белые с двумя черными точками.

Фламинго — это такие птицы, которые водятся только на солончаках, и похожи они на аистов, но ноги и шея у них длиннее и красноватой расцветки. Клюв у фламинго, как у гусей, но кривой и толстый, язык длиной с палец и необычайно вкусен. Фламинго летают стаями, а в каждой стае по пятьдесят — шестьдесят птиц. Если стая садится в поисках пищи, одна из птиц обязательно становится на стражу. Стоит ей заметить малейшую опасность, она дает знак, и мгновенно вся стая снимается с места. Рыбаки — это такие птицы, которые встречаются по берегам рек и питаются одной лишь рыбой, за это их и прозвали рыбаками. По весу они не уступают гусям. Эти птицы ослепительно белые, клюв у них красный, ноги тоже красные. Птицы фрегаты прозваны так за необычайную быстроту полета. Фрегаты летают столь плавно, что трудно заметить хотя бы малейшие взмахи крыльев, и залетают очень далеко в море, а питаются только свежей рыбой. По размерам они не уступят доброму индюку, а мясо у них похоже на говядину и очень питательно. Фрегаты выют гнезда на деревьях, растущих прямо в воде, или там, где ветви склоняются над ней или ее касаются. Своих детенышей фрегаты тоже кормят рыбой. Когда малыши подрастают, они отправляются на край утеса, где учатся хлопать крыльями. Затем они взлетают, да так плавно, словно стрела, выпущенная из лука. Пищу они могут принимать через день. Фрегаты летают настолько быстро, что схватывают рыбу прямо на лету, когда она выпрыгивает из воды, и приносят детям добычу, даже когда все прочие птицы остаются с пустым желудком. Другую разновидность подобных же птиц называют трусливцами, потому что они боятся всех птиц на свете, даже более слабых; клюв у них очень крепкий. Величиной они не больше уток, но клювы у них, как у цапли с зубчиками. Они тоже питаются рыбой, живут на таких же деревьях, как фрегаты, от людей не улетают и при виде их лишь поднимают крик. Если недалеко от острова, где живут трусливцы, проходит корабль, они вылетают в море, садятся на мачты, нередко попадая в руки матросов. На вкус они не очень приятны: мясо их пропитано рыбьим жиром.

Птицы грангезиры называются так потому, что у них очень большое горло. Они заглатывают рыб размером с человеческую голову, хотя сами по размеру не крупнее обычных гусей. Их клюв достигает примерно восьми дюймов в длину и четырех дюймов в ширину. Птицы эти встречаются либо по берегам рек, либо на морском побережье. Дупели здешние такие же, как в наших краях, но они значительно крупнее и жирнее.

Попадают здесь и эндфогели. Они прилетают в определенное время года и так тучнеют, что, поймав их, надо сначала срезать жир, а потом уже пускать в пищу. То же самое можно сказать и про чирков.

Гуси прилетают на остров раз в год и остаются здесь примерно на три или четыре месяца. Они питаются

какими-то семенами, от которых жиреют так, что теряют способность летать. Их можно ловить на ходу, и так мне не раз доводилось поступать. Обычно мы преследовали их до тех пор, пока птицы совсем не выбивались из сил. Тогда мы их нагоняли и забивали камнями. Последний месяц, который гуси проводят на этом острове, они ничего не едят и худеют настолько, что под конец уже могут совершать перелеты.

Колибри — это самые маленькие птички на свете, и их иногда называют также землянками. Они самые красивые птицы и питаются только цветами и травой. Нагнать их в полете могут лишь индейские стрелы. Индейцы сушат колибри и продают их христианам. Охотятся на колибри следующим образом: берут кусочек воска, насаживают его на наконечник стрелы и пускают ее так, чтобы не повредить саму птичку.

Теперь же речь пойдет о французах и о том, как они появились на острове Эспаньола. Как они высадились на острове, я уже говорил прежде и, кроме того, уже упоминал, что им прислали из Франции губернатора и он правил ими целых три года. Теперь поведаю о том, чем французы обычно занимаются, как живут и как выглядят их дома.

Французы, живущие на острове Эспаньола, занимаются охотой, полеводством и каперством⁴¹. Если слуга освободился от службы, он ищет себе товарищей. Они собирают все, что у них есть, ставят на вещи метки и договариваются, что тому, кто переживет своих товарищей, достается все их имущество. Некоторые при этом оговаривают, чтобы их вещи после смерти передали родственникам или женам. Подписав соглашение, они отправляются либо разбойничать на море, либо на охоту, либо на табачные плантации — словом, туда, где им кажется лучше.

Охотятся французы по-разному: одни стараются добыть кожи, другие — набить диких свиней и продать их мясо плантаторам. Охотников называют буканьерами. Раньше их было на острове человек пятьсот или шестьсот, но сейчас вряд ли больше трехсот. Дичи осталось очень мало, и надо быть очень изворотливым, чтобы поймать кого-нибудь. Охотники проводят в лесах по году, а то и по два. Затем они отправляются на остров Тортугу, чтобы обновить там свой запас пороха, свинца, ружей, полотна и тому подобное. Прибыв туда, они буквально за месяц спускают все, что нажили за год или полтора. Они хлещут водку, словно воду, вино покупают прямо бочонками, выбивают затычки и пьют до тех пор, пока бочонок не опустеет. День и ночь буканьеры шатаются по селениям и славят Бахуса, пока остается хоть грош на выпивку. Между прочим, они не забывают воздать должное и Венере, водят шашни с торговками вином и девками, которые собираются к приезду буканьеров и каперов точно так же, как шлюхи и торговки Амстердама в ту пору, когда туда прибывают корабли из Ост-Индии или военная флотилия. Прожив все свои деньги и даже наделав порой долгов, охотники возвращаются восвояси и снова проводят в лесах по году-полтора. Теперь опишем их образ жизни.

Прибыв на условленное сборное место, охотники делятся на группы человек по пять или шесть. У кого есть слуги, тот отправляется вместе с ними, находит удобное место, ставит хижину и устраивает себе жилье, где, кроме того, хранит сухие кожи. Рано утром, как только забрезжит рассвет, охотники собирают собак и отправляются в лес или в такие места, где надеются встретить много добычи. Убив какого-либо зверя, они, по обычаю, сразу же приступают к обработке туши: выпускают из костей мозг и, прежде чем туша остынет, сдирают с нее шкуру. Один из охотников берет эту шкуру и относит на место сбора. Обычно они охотятся до тех пор, пока каждый не добудет себе по шкуре, и кончают примерно в час обеда, иногда чуть раньше, иногда чуть позже. Встретившись в условленном месте, они отдыхают, а слуги, если они их имеют, принимаются сушить кожи и варить обед. Они не едят ничего, кроме мяса. После обеда каждый берет ружье и все отправляются забавы ради стрелять лошадой или птиц. Иногда они устраивают соревнование на меткость. В виде мишени обычно выбирают апельсиновое дерево, по которому нужно стрелять, стараясь сбить как можно больше апельсинов, не задев веток. И получается это у них лихо — я сам тому был свидетелем. В воскресные дни они доставляют добытые шкуры на берег и грузят на корабли. Однажды один слуга, которому очень хотелось отдохнуть в воскресенье, сказал своему господину, что бог дал людям неделю из семи дней и велел шесть дней трудиться, а на седьмой отдыхать. Господин его и слушать не стал и, схватив палку, отколотил слугу, приговаривая при этом: «Знаешь, парень, вот мой приказ: шесть дней ты должен собирать шкуры, а на седьмой будешь доставлять их на берег». Охотники — люди весьма жадные, к слугам они совершенно беспощадны. Говорят, что лучше три года пробыть на галерах, чем служить у буканьера. Рассказывают, что один буканьер так исколотил своего слугу, что решил, будто тот отдал душу богу. Но когда хозяин ушел, слуга поднялся, желая последовать за своим господином. Ноги у него, однако, совсем отнялись, и он не в состоянии был доползти ни до своего господина, ни до места сбора. Так он и остался в лесу без всякого оружия, нужного для добывания пищи. У него с собой не было даже ножа. С ним осталась только собака. Два или три дня он совсем ничего не ел. Затем ему повезло. Он набрел на стойбище

⁴¹ ...французы, живущие на острове Эспаньола, занимаются каперством — то есть морским разбоем.

диких свиней, и собака, бежавшая рядом с ним, поймала поросенка. У слуги не было возможности развести огонь и изжарить поросенка. Но хуже всего было, что он не мог его разрезать. Кое-как ему все же удалось разделать поросенка, и он съел его сырым, оставив часть мяса собаке. Несколько кусков он решил сохранить на черный день, потому что не знал, когда ему удастся добыть что-либо съедобное: ведь встретить людей в таком лесу очень трудно. Однажды, бродя по лесу вместе со своей собакой, он заметил суку, которая несла своим щенкам кусок мяса. Он погнался за ней до самого ее логова, закидал камнями, отнял мясо и тут же сожрал. Потом забрал двух щенков и взял в придачу еще и суку, которая только что оценилась: в ее сосках было молоко. Спустя некоторое время ему удалось набрести на место, где было много поросят, и добычи этой вполне хватило на него и на его собаку и на щенят. Жизнь стала сносной, и он пробыл в тех местах довольно долго, в надежде, что вот-вот придут охотники. Уйти оттуда он не решался, опасаясь снова остаться без пищи. Между тем щенки подросли и стали вполне пригодны для охоты, так что он теперь уже не страдал от дикого голода. А вот ножа у него не было — большей беды трудно себе вообразить: ведь нечем ему было разделять добычу. Если его собаки настигали дичь, ему приходилось ждать, пока они не прогрызут шкуру, а затем он уже разрывал тушу руками. Мясо он ел с наслаждением, как наилучший деликатес. Он вел подобное существование месяцев четырнадцать, пока неожиданно не наткнулся на буканьеров. При виде его охотники замерли от испуга — уж больно дико выглядел этот человек. Косматый и грязный, он прикрывал тело лишь куском древесной коры. Слуга рассказал охотникам обо всем, что ему пришлось вытерпеть от своего господина, и, когда те решили взять его с собой, он ответил, что коли его не выкупят, то лучше ему оставаться в лесу, лишь бы только не возвращаться к своему господину. Охотники пообещали дать ему денег для выкупа. Я сам видел, как его привели, и с удивлением обнаружил, что он стал значительно толще и здоровее, чем в ту пору, когда служил у своего господина. Он и потом долго питался одним лишь сырым мясом. Вкус вареного мяса ему был противен. Стоило ему съесть маленький кусочек, как спустя час или два у него начиналась рвота. От сырого же мяса с ним ничего дурного не случалось. Хоть мы его и удерживали сколько могли, но отучить его от сырого мяса нам так и не удалось. То же самое я замечал и с дикими собаками, которым было по месяцу и по два: они совершенно не могли есть вареного мяса.

Я рассказал эту историю, чтобы читатель представил себе, с какой жестокостью и бессердечием обращаются охотники со своими слугами. Кроме того, я желал показать, что человеческий организм может приспособиться к любой пище. Я думаю, что человек может прожить, питаясь даже одной травой подобно некоторым животным, если не сможет найти ничего другого.

На буканьеров нередко нападают испанцы и основательно бьют их. Так случилось, когда на северном берегу острова высадилось пять отрядов из Санто-Доминго (буканьеры обычно молят бога, чтобы не повстречать испанцев). Но у испанцев никогда не хватает смелости встретиться с охотниками в чистом поле, они выслеживают и убивают их в часы сна. Мне приходят на память любопытные случаи. Как-то раз двенадцать испанских всадников поджидали одного буканьера, который рано утром вместе со своим слугой вышел на охоту. Они устроили засаду на тропе, по которой охотник должен был возвратиться домой. Тот заметил следы лошадей и отправился другой дорогой, но скрыться ему не удалось. Испанцы услышали лай его собак и погнались за ним через поле. Увидав их, буканьер понял, что убежать не удастся, и остановился, насыпал порошу и свинца в свою шляпу и положил ее рядом с собой. Его слуга прислонился к нему спиной и сделал то же самое. Так они стали дожидаться испанцев. Двенадцать всадников окружили их с копьями наперевес и приказали сдаться, грозясь четвертовать охотника, если он тотчас же им не повинуется. Однако буканьер не испугался и решил пойти на хитрость, ибо знал, что, попадись он испанцам живым, они его тут же сожгут. Он крикнул им, что сдаваться не намерен и что пристрелит первого, кто к нему сунется, а затем встал на колени, поднял ружье и сделал вид, что вот-вот откроет пальбу. Заметив эти маневры, испанцы тотчас же бежали и оставили охотника и его слугу в покое. Другой буканьер, неожиданно встретившись с отрядом испанцев, пошел прямо к ним навстречу, стреляя из ружья и громко призывая на помощь. Испанцы, заслышав крики и выстрелы, убоялись стычки и отошли. Так он спас себе жизнь.

Есть буканьеры, которые охотятся только на диких свиней. Они солят их мясо и продают плантаторам. И образ жизни у них во всем такой же, как и у добытчиков шкур. Однако мне очень хотелось бы поведать любознательному читателю о том, как они охотятся; зрелище это весьма необычное: ведь преследуют они диких свиней. Эти охотники ведут оседлый образ жизни, не сходя с места месяца по три-четыре, иногда даже и по году. Свое селение они называют буканом. Живут они чаще всего впятером или вшестером, и один из них, как правило, поддерживает связь с каким-нибудь плантатором, поставляя ему мясо круглый год. Когда дело с плантатором завязывается, буканьер забирает у него две или три тысячи фунтов табаку — запас на целый год — и груз этот доставляет к себе с помощью слуги. Кроме того, если у плантатора

имеются запасы, буканьер берет у него порох, свинец и собак. Все остальное, что необходимо для охоты, он должен добывать сам. У этих буканьеров в обычае после охоты — а ее они обычно заканчивают после полудня — отправляться стрелять лошадой. Из конины они вытапливают жир, солят его и готовят сало для фитилей. Конский жир они продают плантаторам по цене сто фунтов табаку за горшок. Больше всего буканьеры любят выращивать собак и с выгодой продавать их, когда щенки подрастут. За каждую собаку, которая годится для охоты, в тех местах дают шесть реалов. Эта цена твердая.

Те, кто не связан с плантаторами, как я уже говорил, отправляются в лес группами по семь-восемь человек. Один несет ружья, другой гонит собак, третий остается возле букана. После охоты один из буканьеров принимается коптить мясо и вытапливать сало, чтобы приготовить обед для своих товарищей. Дичи они бьют очень много. Порой они затравливают до сотни свиней только для того, чтобы выбрать из них семь или восемь самых лучших. При этом охотники самок предпочитают самцам, потому что самки значительно жирнее. Иногда попадаются свиньи-одиночки, которые добывают пропитание, отделившись от стада; они очень опасны и для людей, и для собак, если нарваться на них неожиданно. В такие мгновения нужно тотчас же большой палкой оглушить свинью. После охоты буканьеры сдирают со свиней шкуру, обрубают мясо с костей и режут его на куски в локоть длиной, иногда куски чуть больше, иногда чуть меньше. Затем мясо посыпают молотой солью и выдерживают в особом месте часа три или четыре, после чего свинину вносят в хижину, плотно затворяют дверь и развешивают мясо на палках и рамах, коптят его до тех пор, пока оно не станет сухим и твердым. Тогда оно считается готовым, и его уже можно упаковывать. Приготовив две или три тысячи фунтов мяса, охотники поручают одному из буканьеров доставить заготовленное мясо плантаторам. За каждый фунт мяса они получают два фунта табаку.

Теперь, описав жизнь буканьеров, пора перейти к обычаям и быту плантаторов этого острова. Первые лавки на острове Тортуге появились в 1598 году, а поскольку повсеместно все выращивали табак, дела у торговцев шли довольно хорошо. Но остров Тортуга невелик, много плантаций на нем не разведешь, да и к тому же там мало хорошей земли. Тогда плантаторы начали разводить сахарный тростник и варить сахар. Но большая часть жителей Тортуги, как я уже упоминал, предпочла заняться охотой или морским разбоем. Когда охотники высадились на острове Эспаньоле, часть из них снова решила заняться земледелием, приспособив здешние поля Эспаньолы под табак. Первые плантации они завели на северо-западном побережье у Кюль-де-Сака. Эта местность делится на несколько областей: Гранд Аме, Ньер, Рошеле, Пти Гарве, Гран Гарве Оганн. Постепенно население росло, и сейчас на острове около двух тысяч плантаторов. В этих местах плантаторы чувствуют себя в совершенной безопасности, ибо испанцы добраться туда не могут. В первые годы осваивать край было очень трудно. Не хватало пищи, да к тому же леса, окружавшие первые плантации, были полны диких свиней. Но плантаторы как-то умудрились находить себе пропитание, хотя особых запасов у них, конечно, не было. Впрочем, так обстоят дела и теперь.

Наметив участок для будущей плантации, они разбивали его на делянки одна подле другой. За дело принимались, не имея ничего за душой. Собирались они компаниями человека по два или по три или основывали товарищества, закупаая на всех топоры, мотыги, ножи, кирки и все прочее, что необходимо. Съестных припасов плантаторы берут впрок сразу фунтов по пятьсот или шестьсот, добавляя к обычному рациону фасоль, которую в Голландии называют фачиолью. Снарядившись должным образом, они отправляются в лес, строят там бревенчатый домик и живут в нем до лучших времен. Сперва они вырубают низкий кустарник и сваливают его в кучи, затем валят большие деревья и обрубают у них сучья; сучья и заготовленный кустарник сжигают, но стволы больших деревьев сохраняют в целости. На новой плантации сперва высевают тот сорт фасоли, который созревает за шесть недель. Потом сажают картофель и маниоку. Когда маниока созревает, ее употребляют в пищу. Картофель созревает за пять или шесть месяцев, маниока — за восемь или девять, а чаще за год. Уже созревшие корни маниоки можно оставлять в земле еще на год, но затем она портится, и дольше ее держать в земле нельзя. Фасолью, картофелем и маниокой главным образом и питаются плантаторы на новых землях. Фасоль варят с мясом и готовят из нее суп, добавляя яйца. Картофель едят на завтрак, и варят его в небольшом количестве воды, плотно закрывая сосуд тряпкой. Через полчаса он поспеет и по вкусу напоминает каштаны, но едят его с хлебом, приправляя соусом из лимонного сока, свиного сала и испанского перца. Из картофеля готовят также особый напиток. Для этого клубни очищают от шелухи, нарезают, заливают водой и спустя несколько дней забродившую массу процеживают через тряпку, получая кисловатый на вкус напиток, очень ароматный и полезный. Плантаторы называют это напиток маби и готовят его научились от местных индейцев.

Из маниоки пекут хлеб, который называется касавой. Его готовят так: корни маниоки растирают на железной или медной терке точно также, как в Голландии трут хрен. Когда все приготовлено, маниоку насыпают в мешки из плотной ткани и отжимают, чтобы масса затвердела. Потом маниоку просеивают через кожаное сито и получают нечто подобное древесным опилкам. Их замешивают, и тесто выкладывают

на горячий железный лист и пекут. По вкусу поджаренная маниока напоминает кекс. Готовый хлеб выставляют на солнце и держат его обычно на крыше. Мне кажется, что известная поговорка: «Он приехал из страны, где крыши блинами кроют» — как нельзя более подходит к этому краю. Чтобы ничего не пропадало, из отрубей, оставшихся на дне сита, делают лепешки, складывают горкой, дают им забродить и получают затем напиток, который называется вай кау. Он похож на пиво, приятен на вкус и очень полезен.

Плантаторы употребляют в пищу и различные фрукты: бананы, фиги, которые они тушат с мясом, и готовят из них питье точно так же, как и из картофеля. Питье из бананов ничуть не слабее вина, и от него пьянеют и страдают головной болью.

Когда с плантацией удается уже собрать изрядное количество овощей и всего прочего, что пригодно в пищу, которую готовят так, как мы уже описали выше, плантаторы начинают разводить табак. Выращивают его следующим образом: вскапывают прямоугольное поле футов по двенадцать в каждую сторону и огораживают его. Потом землю тщательно покрывают пальмовыми листьями, чтобы она не пересохла под палящими лучами солнца. Посеяв табак, поле поливают каждый вечер, конечно, если нет дождя. Когда побеги табака становятся похожими на салат, их пересаживают на грядки, расположенные друг от друга на расстоянии трех футов, причем между табачными побегами оставляют зазоры шириной также в три фута. Сажают табак обычно с января до конца марта. В это время года часто идут дожди, что весьма полезно для молодых растений. На табачном поле не должно быть сорной травы: табак не переносит всех прочих растений. Когда побеги достигают в высоту примерно полутора футов и разрастаются, давая пышный куст, верхушку такого куста срезают: табак не должен расти в высоту, надо, чтобы все соки шли в листья, наполняя их силой. Пока табак растет, плантаторы готовят помещения для просушки. Это — домики длиной в пятьдесят или шестьдесят футов и шириной в тридцать — сорок футов. Внутри этих домиков вбивают стойки и к ним прикрепляют одна над другой рамы. Когда табак полностью созрел, его срезают и сушат. Стоит ему хорошенько подсохнуть, как листья обрывают со стеблей и скручивают. Этим делом занимаются особые работники, которым больше ничего не поручают. После сбора листьев на стеблях завязываются новые побеги.

В общей сложности табак убирают четыре раза в год и отправляют затем во Францию и другие страны; там из него изготавливают жевательный табак и используют как сырье для изготовления красок. Мне хотелось бы еще рассказать, как выращивают сахарный тростник, индиго и гимбес⁴², однако на этом острове или, вернее, в тех местах, о которых здесь идет речь, эти культуры встречаются довольно редко, так что нет смысла их подробно описывать.

Французские плантаторы острова Эспаньола издавна находились под властью губернатора острова Тортуги. Эта власть сохраняется и поныне, что вызывает массу недовольства и даже столкновений. В 1664 году на острове Тортуге было основано отделение Вест-индской компании, и она попыталась сманить на свою сторону плантаторов Эспаньолы. Но те отнюдь не желали работать на Компанию — ведь у себя дома они не подчиняются ни королю, ни Компании — и поэтому решили, что лучше им сидеть сложа руки. Разумеется, Компания по этой причине стала терпеть убытки, и дело начало хиреть. Губернатор Тортуги, которого плантаторы вообще-то уважали, попытался принудить их к работам на Компанию и дал понять, что все товары, в которых плантаторы нуждаются, они должны покупать сами, не приобретая их при этом у чужеземцев, которые приезжают в эти места торговли ради; а с этой целью объявил он, что четыре раза в год во Францию будут отправляться особые корабли под командой его капитанов. Таким образом, заставляя привозить товары из Франции, он одновременно запрещал торговать с чужеземцами на месте. Губернатор тем самым открыл простор предприимчивым дельцам, а остальные остались с носом. Без унижительных просьб невозможно стало купить хотя бы локоть полотна; ну, а уж о том, чтобы продать что-либо, и думать было нечего. А кораблями распоряжались капитаны, и они прежде всего заботились о себе и своих друзьях, а затем уж, если оставалось место в трюмах, дозволяли грузить товар остальным.

В 1669 году плантаторы узнали, что к берегам Эспаньолы подошли два голландских судна. Они решили вступить в сделку с их капитанами и насолить таким образом своему губернатору. Так они и сделали. Немного спустя к ним пожаловал корабль самого губернатора, но высадиться на берег ему не дали и стали даже стрелять по судну. Корабль не осмелился подойти к причалу, вернулся на Тортугу, и все суда губернатора были вынуждены уйти во Францию полупустыми. Тем временем голландцы пристали к острову. Друзья губернатора и офицеры хотели применить силу, но ничего не могли поделать, потому что им сразу же переломали бы шеи. Плантаторы быстро провели все меновые сделки, и оба голландских корабля вышли в море, сверх меры нагруженные кожами и табаком, причем их капитаны пообещали

⁴² Гимбес... Вероятно, гамбир — *Uncaria gambir* — лазящий кустарник, из листьев и побегов которого готовят дубильный экстракт.

вернуться на остров снова. Они, без сомнения, появились бы там опять, если бы не началась война. Подлости губернатора настолько ожесточили плантаторов, что они собрали с каждого дома по человеку и решили отправиться на каноэ на Тортугу, чтобы вышибить из губернатора дух. С голландцами они договорились, и те посулили им помощь; вероятно, плантаторам удалось бы расправиться с губернатором, если бы не война.

В самый разгар этих событий губернатор Тортуги отправил за помощью во Францию верного человека к королю. Губернатор, сгущая краски, предупреждал, что готовится мятеж и, чего доброго, остров будет потерян. Он получил от короля два боевых корабля для охраны Тортуги. По прибытии они тотчас же отправились усмирять мятежников, но те, вместо того чтобы выразить свою покорность, завидев корабли, собрали всех мужчин и бежали в лес, бросив свои дома; солдаты сожгли их селения. Но губернатор все же обещал помиловать бунтовщиков, и, узнав об этом, плантаторы, которым нечего было ждать от кого-либо помощи, на известных условиях согласились покориться. Правда, губернатор приказал повесить парочку самых явных зачинщиков, но остальных действительно простил и разрешил им торговать со всеми, с кем пожелают. Плантаторы вновь принялись за свои обычные дела и вырастили большое количество отличного табака, так что ежегодно давали от двадцати пяти до тридцати тысяч свертков.

Рабов у плантаторов мало, хозяева работают наряду со своими слугами, а нанимают они их на три года. Идет здесь в общем такая же торговля людьми, как и в Турции, потому что слуг продают и покупают, как лошадей в Европе. Встречаются люди, которые недурно наживаются на таком промысле: они едут во Францию, набирают людей — горожан и крестьян, сулят им всякие блага, но на островах мгновенно продают их, и у своих хозяев эти люди работают, как ломовые лошади. Этим рабам достается больше, чем неграм. Плантаторы говорят, что к неграм надо относиться лучше, потому что они работают всю жизнь, а белых покупают лишь на какой-то срок. Господа третируют своих слуг с не меньшей жестокостью, чем буканьеры, и не испытывают к ним ни малейшей жалости. Больные или здоровые, эти слуги работают прямо под палящими лучами солнца. Труд их совершенно невыносим, и спина у них покрыта струпами, как у лошади, постоянно таскающей тяжелую ношу. От плохой пищи слуги все время страдают тяжкими недугами и пороком сердца. Они лишаются сил, тело у них пухнет, как у больных водянкой, дыхание становится прерывистым, их терзают рези в желудке. А причина всех этих недугов — это, бесспорно, скверное питание и нечеловеческое обращение. Случается, что в эти места попадают и дети обеспеченных родителей. Их влечет жажда странствий; приходится им очень туго. Они вскоре заболевают, и их состояние ни у кого не вызывает жалости, и никто не оказывает им помощи. Более того, обычно их заставляют работать еще больше. Нередко они падают наземь и тут же умирают. Хозяева говорят в таких случаях: «Шельма готова подохнуть, лишь бы только не работать». Подобное наблюдал я не раз, и хотелось бы мне поведать одну поучительную историю.

Некий юноша из вполне порядочной семьи убежал из дому — уж больно донимал его опекун, родной дядюшка, — и попал в руки одного плантатора. Плантатор зверски издевался над ним, требовал явно непосильной работы и морил голодом. Бедный парень в отчаянии бежал в лес и умер там от голода. Я сам видел его труп, обглоданный собаками.

А вот еще случай: один слуга убежал от своего господина в лес. Но в конце концов его поймали. Плантатор привязал слугу к дереву и бил до тех пор, пока вся спина несчастного не обагрилась кровью. Тогда плантатор намазал спину смесью из лимонного сока, сала и испанского перца и оставил привязанного слугу на целые сутки. Затем он возвратился и принялся его бить снова, пока бедняга не умер у него на глазах. Последние слова, которые тот произнес перед смертью, были: «Дай боже, чтобы дьявол истерзал тебя так же, как ты терзал меня». Спустя три или четыре дня после смерти слуги этого жестокого тирана (иначе не могу я его назвать) плантатора и взаправду стал преследовать какой-то злой дух, и через несколько дней он умер. Его тело было так избито и истерзано, что трудно было признать в нем человека. Мне сдается, тут вмешался сам бог и покарал убийцу за все те зверства, которые он совершил.

Я видел еще трех юношей, которые в отчаянии убили своего господина, ибо он заставлял их работать день и ночь. При этом он их не кормил, и они выпрашивали подавание у соседей и вымаливали жалкие кусочки касавы. Этих юношей повесили. Перед смертью они сказали, что еще раньше хозяин уже забил до смерти одного их товарища. Такая отвратительная жестокость отличает прежде всего плантаторов, прибывших с Карибских островов. Там они обращаются со своими слугами еще более жестоко, чем на Эспаньоле. На острове Сен-Кристофер жил один плантатор, по имени Бальтесте. Он забил насмерть сотню слуг. Бальтесте стремился показать, будто относился к ним сносно, и выставил поэтому у их тел свежее мясо, яйца и вино. По его мнению, это должно было свидетельствовать о его хорошем отношении к слугам. Трудно объяснить, почему он так поступал, ведь в сущности все суждения о его поступках ему были безразличны: Бальтесте нажил столько добра, что даже все его дети могли разъезжать в собственных

экипажах. Он был из числа голландских купцов и на этом острове всем был известен. Я мог бы рассказать еще немало столь же страшных истории, но, думаю, читатель и так сможет составить ясное представление о жестокости плантаторов.

Англичане обращаются со своими слугами не лучше, а, может быть, даже и хуже, ибо они закабаляют их на целых семь лет. И если ты даже и отработал уже шесть лет, то твое положение от этого отнюдь не улучшается и ты должен молить своего господина, чтобы он не продавал тебя другому хозяину, ибо в этом случае тебе никогда не удастся выйти на волю. Слуги, перепроданные своими господами, снова попадают в рабство на семь или, в лучшем случае, на три года. Я видел таких людей, которые оставались в положении рабов в течение пятнадцати, двадцати и даже двадцати восьми лет. И были среди них такие простаки, которые в первый раз продались всего на год и едва ли много получили за это. Во время праздников (а англичане любят отмечать все праздники сытной трапезой и выпивкой) господа дают своим рабам все, что те пожелают, но за плату, и притом весьма изрядную. Англичане, живущие на острове, придерживаются очень строгих правил: любой человек, задолжавший двадцать пять шиллингов, продается в рабство сроком на год или шесть месяцев.

Я лишь бегло коснулся всего, что относится к растительности острова, его жителям и их образу жизни; но мне не хотелось бы отвлекать читателя излишними подробностями этого рода, ибо в мои намерения прежде всего входит познакомить с самими пиратами.

Глава шестая

Пираты и их деяния

Я уже упоминал выше, каким образом попал к пиратам. Я именую всех этих людей пиратами, ибо сами они иначе себя не называют, не прикрываются иными прозваниями или титулами и не подчиняются никому на свете. Об этом свидетельствует такой случай. Однажды король Испании, отправляя послов к французскому и английскому дворам, потребовал от этих монархов, чтобы они покарали тех своих подданных, которые, не зная угомона, то и дело сгоняют испанцев с их насиженных мест и грабят города и поселения, хотя войн Испания ни с Англией, ни Францией давно не ведет. Короли ответили испанским послам, что люди эти им не подчиняются и его Католическое Величество волен поступать с ними как ему заблагорассудится. Король Франции указывал при этом, что на Эспаньоле у него нет ни единой крепости и что он оттуда не извлекает никаких доходов. Король Англии заверил, что он никогда не давал жителям Ямайки приказаний чинить урон подданным Его Католического Величества. Желая остаться в дружбе с испанским двором, английский король даже отозвал губернатора Ямайки и назначил на его место другое лицо. Тем временем пираты и не думали отказываться от своих набегов. В этой книге мне хотелось бы кратко рассказать, как появились пираты на Тортуге, каковы были их важнейшие походы, а также поведать о жизни наиболее прославленных пиратов, об их взаимоотношениях и о снаряжении разбойничьих кораблей.

На Тортуге одним из первых пиратов был Пьер Большой родом из Дьеппа. В 1662 году на маленькой барке с отрядом всего лишь двадцать восемь человек он захватил вице-адмирала испанского флота. Это событие произошло у западного побережья острова Эспаньола, близ мыса Тибурон (в те времена испанцы ходили Багамским каналом и мимо острова Кайкос). Пьер Большой высадил испанцев на берег, а корабль отправил во Францию.

Я читал дневник одного очевидца, и мне хотелось бы описать подробнее, как было дело. Сей пират бороздил воды моря уже довольно долго, но добычи никакой у него не было. На корабле кончался провиант, обшивка была довольно ветхая, и любое время судно могло дать течь. И вдруг пираты заметили корабль, отбившийся от большой флотилии. Пьер сразу же приказал поставить паруса и направился за ним следом, не выпуская его из виду. Он решил подойти к кораблю, отрезать все пути к берегу, врасплох совершить на него нападение и взять его на abordаж. Пираты обещали беспрекословно выполнять волю своего вожака, ибо уяснили, что он даст им больше, чем удалось бы добыть им без его помощи, и поклялись друг другу в верности. Командир отдал приказ подойти к кораблю, спрятав все оружие на дне барки. Когда они приблизились, уже смеркалось, и их никто не заметил. Вооруженные только пистолетами и палашами, они взяли корабль на abordаж. Не встретив сопротивления, пираты добрались до каюты, где капитан играл в карты со своими подчиненными, и мигом приставили ему к груди пистолет. Капитан был вынужден сдать корабль, а тем временем остальные пираты бросились туда, где хранилось оружие, и моментально его расхватили. Тех испанцев, которые вздумали обороняться, пристрелили. Еще днем

капитана предупреждали, что судно, показавшееся на горизонте, принадлежит пиратам, что встреча с ним сулит беду. Но капитан не внял этим предостережениям и отдалился от других судов. Ему не страшны были даже такие крупные корабли, как его собственный, а тут дело шло о какой-то ничтожной барке. За подобную беспечность ему и пришлось жестоко поплатиться. Барка подошла с подветренной стороны. Испанцы увидели на борту чужеземцев и в ужасе решили, что те свалились прямо с неба, и в один голос вскричали: «Jesus son demonios estos!»⁴³. Пираты захватили все имущество матросов, командир присвоил себе корабль, высадил испанцев на берег, а сам отправился во Францию.

Там он, вероятно, и остался, во всяком случае с тех пор он уже не выходил в море.

Узнав о необыкновенном приключении этого пирата, плантаторы и охотники острова Тортуги забросили охоту и полевую страду и также предприняли попытку захватить корабль, чтобы разграбить затем испанские владения. Они снарядили каноэ и встретились у мыса Альваарс. Испанцы перевозили свои товары чаще всего на барках, нагружая их доверху кожами и табаком. Они выращивали табак на продажу в Гавану (испанские корабли не ходили дальше Гаваны, столицы острова Кубы). Пиратам в конце концов удалось захватить несколько барок с кожами и табаком. Они привели их на Тортугу и продали свою добычу торговому судну, которое как раз стояло в гавани. На вырученные деньги они купили порох, свинец и прочий припас, необходимый для их нового ремесла. Вскоре они снова снарядили барку и на сей раз отправились в заливы Кампече, к берегам Новой Испании. Там велась обширная торговля и можно было встретить много кораблей. Пиратам удалось собрать богатую жатву, и спустя два месяца они привели на Тортугу два судна, которые направлялись к Каракасу. Корабли были гружены серебром, и послали их для закупки разных товаров. Возвратившись, пираты не стали задерживаться на берегу и снова вышли в море на захваченных судах. Немного спустя они настолько разбогатели, что флотилия стала насчитывать двадцать судов. На это ушло всего два года. Испанцы, видя, сколь усилились пираты, снарядили два фрегата для защиты своих кораблей и перебили разбойников.

Глава седьмая

повествующая о том, как пираты снаряжают свои корабли, а также об их взаимоотношениях друг с другом.

Пираты могли добыть себе корабли в море — это было не очень трудно; и о том, как они это делали, я рассказал выше. Каждый из пиратов, собираясь идти в море, делал то, что считали нужным его товарищи по плаванию. Когда все было готово, пираты собирались в условном месте и поднимались на корабль. У каждого был необходимый запас свинца, пороха и ружей. Отчалив от берега, они обычно начинали совещаться, где лучше завестись провиантом. При этом речь шла, прежде всего, о мясе. Пираты во время плавания, в сущности, питаются одной только говядиной. Правда, порой им достаются разные припасы, которые они отнимают у испанцев. Иногда они бьют диких свиней и ловят черепах, мясо которых солят впрок. Бывают случаи, когда пираты намеренно нападают на испанские корралы, за изгородями которых пасутся тысячи диких свиней. В таких случаях пираты подкрадываются, обычно по ночам, к хижине, где живет сторож, порой вытаскивают его из постели и заставляют отдать столько свиней, сколько им надо, а сторож выполняет все, что от него требуют, зная, что пираты в любой миг могут без зазрения совести его вздернуть. Если пираты отправляются на охоту, они берут с собой егеря из соотечественников, который держит свору собак. За это ему перепадает часть добычи. Затем часть пиратов помогает ему засолить и прокоптить мясо — как это делается, я уже рассказывал, — остальные идут на корабль и готовятся к плаванию. Корабль кренгуют и смолят — словом, делают все, что необходимо в таких случаях. Если пираты решили заготовить большой запас мяса, его доставляют на корабль и сбрасывают в трюм как балласт. Из трюма мясо берут для насущных надобностей дважды в день. Когда мясо варят, жир, всплывающий на поверхность, собирают и сливают в маленькое корытце. В этот жир макают особые колбаски. Потом жир используют как приправу. Нередко пиратские кушанья бывают намного вкуснее изысканных блюд, которые подаются на господские столы.

Капитан корабля обязан есть ту же пищу, что и вся его команда до юнги включительно. Если команда желает уважить своего капитана, то ему готовят какое-либо особое блюдо и подают его непосредственно капитану за общий стол.

Когда корабль полностью оказывается подготовленным к отплытию и все ремонтные работы

⁴³ Иисус, да ведь это черти!

заканчиваются, пираты собираются и обсуждают, куда держать путь и на кого нападать. При этом они заключают особое соглашение, которое называется шасс-парти. В нем указывается, какую долю получают капитан и команда корабля. В таких соглашениях обычно отмечается, что, собрав всю захваченную добычу, должно прежде всего выделить долю егерю (как правило, двести реалов), затем вознаграждение плотнику, принимавшему участие в постройке и снаряжении корабля; плотнику обычно выплачивают сто или сто пятьдесят реалов, и суммы эти вручаются после возвращения из похода. Затем следует доля лекаря (на больших кораблях ему выделяют на медикаменты двести или двести пятьдесят реалов). Из оставшейся суммы выделяют деньги на возмещение ущерба раненым. По особым условиям обычно полагается: потерявшему какую-либо конечность — за правую руку — шестьсот реалов или шесть рабов, за левую — пятьсот реалов или пять рабов; за правую ногу — пятьсот реалов или пять рабов, за левую — четыреста реалов или четыре раба. За глаз причитается сто реалов или один раб, за палец — сто реалов или раб. Парализованную руку приравнивают к руке потерянной. За огнестрельную рану на теле полагается пятьсот реалов или пять рабов. Все эти суммы сразу же изымаются из общей добычи. Все оставшееся делится между командой, но капитан получает от четырех до пяти долей. Остальные же делят все поровну. Юнги получают половинную долю. Если среди пиратов есть такие, которые вышли в плавание вообще впервые, то им выделяется совсем небольшая часть, а остаток идет в общую кассу.

Захватив корабль, команда решает, передавать ли его капитану. Если захваченный корабль лучше их собственного, пираты переходят на него, а свой сжигают. После того как корабль захвачен, никому не дается право грабить имущество, посягать на товары в его трюмах. Вся добыча — будь то золото, драгоценности, камни или разные вещи — делится впоследствии поровну. Чтобы никто не захватил больше другого и не было никакого обмана, каждый, получая свою долю добычи, должен поклясться на Библии, что не взял ни на грош больше, чем ему полагалось при дележке. Это касается как золота, серебра, драгоценностей, так и шелка, льна, хлопка, одежды и свинца. Того, кто дал ложную клятву, изгоняют с корабля и впредь никогда не принимают. Пираты очень дружны и во всем друг другу помогают. Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги. Пираты придерживаются своих собственных законов и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство. Виновного в таких случаях привязывают к дереву, и он должен сам выбрать человека, который его умертвит. Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не напал на него сзади, товарищи убийцу прощают. Среди пиратов дуэли завязываются довольно легко. Захватив корабль, пленных высаживают при первой же возможности. Но двоих или троих оставляют, чтобы впоследствии продать или заставить делать все, что не хотят исполнять сами. После двух-трех лет добросовестной службы их иногда отпускают.

Нередко пираты ради отдыха высаживаются на том или ином острове. Чаще всего они выбирают острова, лежащие к югу от Кубы. Они вытаскивают корабли на отмель, и часть команды приступает к ремонту. Остальные могут делать все, что им вздумается. Чаще всего они садятся в каноэ и нападают на ловцов черепах байаме. Эти ловцы — люди очень бедные, они ловят черепах на продажу и на вырученные деньги кормят своих жен и детей. А пираты заставляют весь улов отдавать им в течение всего времени, пока их корабли находятся в местах, где водятся черепахи. Более того, если пираты отправляются в места, где водятся черепахи, они увозят рыбаков с собой и отрывают от несчастных жен и детей года на четыре или лет на пять, причем дома не знают, куда увезены пленники и какова их судьба.

Поскольку речь у нас зашла о морских черепахах, а есть немало людей, которые никогда о них ничего не слышали, то, следуя установленному в книге обычаю, мы считаем своим долгом кое-что рассказать о них. В Америке водится много разновидностей черепах. Черепахи самого крупного вида по весу достигают трех или четырех тысяч фунтов. У этих черепах нет твердого панциря⁴⁴, и их легко можно поразить ножом. Все их внутренности заполнены жиром, и мясо совершенно несъедобное. Другая разновидность — зеленые черепахи⁴⁵. Они средних размеров, однако некоторые из них достигают в толщину четырех футов. Их панцирь значительно тверже и покрыт маленькими пластинками толщиной со слюду, используемую в фонарях. Эти черепахи вполне съедобны. Их мясо отличается тонким вкусом, жир зеленого цвета и настолько питателен, что, если готовить их три недели подряд, руки и ноги тяжелеют, а нательная рубашка вся пропитывается салом. Третья разновидность черепах по размерам не уступает второй, но головы у них значительно крупнее. По-английски их называют логерхет, а по-французски — каван. В пищу они совершенно непригодны, потому что от них смердит рыбьим жиром. Черепахи четвертой разновидности

⁴⁴ ...у этих черепах нет твердого панциря... Речь идет о кожистой черепахе, или луте, — *Dermochelys coriacea*.

⁴⁵ ...другая разновидность — зеленые черепахи... Зеленая морская черепаха — *Cheloniidea mydas*.

чуть поменьше всех прочих, но попадаются и довольно крупные экземпляры. Их называют каретта⁴⁶, и у них точно такой же панцирь, как и у европейских черепах. Обычно они водятся на подводных рифах и питаются мхом и водяными яблоками, которые растут в тех местах. Остальные же черепахи предпочитают морскую траву. Встречаются отмели, которые настолько зарастают морской травой, что напоминают луга Голландии. По ночам черепахи отправляются на эти пастбища целыми стадами. На дне они долго оставаться не могут и должны постоянно подниматься на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. Надышавшись, они вновь ныряют на дно. Все черепахи откладывают яйца подобно крокодилам, однако у черепаших яиц нет скорлупы, они покрыты лишь тонкой кожицей, которая ничуть не прочнее, чем пленка куриных яиц. Черепахи размножаются так быстро, что если бы маленьких черепах не уничтожали птицы, то животные эти заселили бы всю местность. Яйца они откладывают три раза в год: в мае, июне и июле, и каждый раз кладут штук по сто пятьдесят, а нередко и по сто девяносто. Когда приходит пора откладывать яйца, черепахи вылезают на берег и вырывают в песке ямки. Потом они откладывают туда яйца и засыпают ямки песком. В течение трех недель яйца вылеживаются под палящим солнцем. Затем из них вылупливаются маленькие черепашки и тут же спешат в море. Как только они попадают в воду, на них сразу же набрасываются чайки. Черепашки не могут вползти на берег, прежде чем им не исполнится девяти дней, и поэтому хорошо, если из сотни выживут два или три детеныша. У черепах есть излюбленные места, где они откладывают яйца. Самым лучшим местом у них считаются острова Кайманы. Это три острова: один большой и два маленьких. Они расположены примерно на 20°45' северной широты, в сорока пяти милях к югу от острова Кубы. Черепахи вылезают на берег в таком количестве, что их отловом ежегодно занимаются команды по крайней мере двенадцати кораблей, как английских, так и французских. Мясо черепах засаливают. Черепахи собираются в этих местах для любовных игр. Они взбираются друг другу на панцирь и не слезают по целому дню, а иногда даже по два. Совершенно непонятно, как эти животные находят путь к островам. Направляясь к заветному месту, черепахи проходят пролив Гондурас, лежащий примерно в ста пятидесяти милях от островов. Случалось, что капитаны кораблей, потеряв курс и не имея возможности ни с кем посоветоваться, отправлялись вслед за потоком черепах и достигали островов Кайманов. Плывут туда только зеленые черепахи, а они-то как раз вполне съедобны. Моряки, оказавшись в этих краях, сразу же начинают охоту. Для этого не нужны какие-либо приспособления: ведь ночью черепахи вылезают на берег, чтобы откладывать яйца. Два человека с дубинами окружают их и, словно рычагом, переворачивают на спину, чтобы лишить их возможности передвигаться. Если на ловлю собралось много кораблей, берег делят на участки. Каждая команда получает деланку определенной длины и затем окружает своих черепах. На расстоянии в пятьсот шагов можно поймать сто черепах. Черепахи каретты кладут яйца где попало и не выбирают для этого особого места. Каваны собираются на островных мысах и откладывают яйца неподалеку от мыса Каточе. Английские пираты называют это место Логерхет⁴⁷. Покинув острова Кайманы, черепахи отправляются к берегам Кубы. Дно там великолепное, и они отъедаются за все то время, которое провели на Кайманах, где они вообще ничего не едят.

Если поймать черепаху и перевернуть ее, то она может пролежать на спине почти месяц и остаться живой. Однако ее жир превращается в слизь и мясо теряет свой вкус.

Но когда черепахи проведут месяц на Кубе, они снова накапливают жир. В ту пору там уже появляются испанские рыбаки. Они вылавливают черепах и снабжают ими города и селения. Охотятся они обычно следующим образом. Рыбаки затачивают четырехгранный гвоздь длиной в два дюйма и насаживают его на палку длиной от двух до трех футов. Получается нечто вроде гарпуна. Стоит черепахе всплыть, чтобы глотнуть воздуха, как палку кидают, словно гарпун. К другому концу палки привязан трос длиной от пятнадцати до шестнадцати футов. Если черепаха снова поднимается на поверхность, в нее кидают еще один гарпун и тогда уже без всякого труда втаскивают в лодку. Черепахи ныряют на глубину до четырех футов. Чем темнее вода, тем для них лучше. Но видны черепахи даже в самую темную ночь, потому что гребут всеми четырьмя лапами, поднимают вокруг себя волны, и их панцирь поблескивает над водой. Зрение у этих черепах отличное, но слух неважный; правда, уж если они что-либо услышат, то поймать их уже невозможно. Зная все это, пираты стремятся заполучить опытных ловцов черепах и держат их в настоящем рабстве столько, сколько захочется.

Любимое занятие пиратов — стрельба в цель и чистка оружия. Оружие у них поистине великолепное — ружья и пистолеты. Ружья пиратов достигают в длину примерно четырех с половиной футов и из них стреляют пулями, которых на фунт идет шестнадцать штук. Есть у пиратов и патронташи, и в них пуль и пороха на тридцать выстрелов. Пираты никогда не расстаются со своими патронташами, и поэтому их

⁴⁶ ...их называют каретта... Настоящая каретта, или бисса, — вид морской черепахи.

⁴⁷ ...называют это место Логерхет... Логерхет — так по-английски называют большеголовых черепах.

никому не удастся застать врасплох. Как только они прибывают в какое-либо место с намерением прожить там долго, то тут же начинают совещаться, куда бы лучше отправиться на поиски приключений. Тот, кто знает местные берега, обычно вызывается вести всех остальных. Существует ряд мест, куда пираты стремятся попасть в определенное время года. Пройти в такие места не всегда возможно из-за сильных течений и ветров, и поэтому так уж повелось, что купцы появляются там в строго определенные месяцы. Корабли, следующие из Новой Испании и Кампече, чаще всего идут в Каракас, на острова Тринидад и Маргариту зимой, дабы не повстречать ветер с востока и северо-востока. Навигация в эту сторону прекращается летом: именно в эти месяцы здесь дуют встречные ветры. Летом все корабли отправляются восвояси. Пираты уже хорошо знают все пути, по которым обычно должны следовать корабли, и отлично выбирают места для засады. Если пиратам случается провести в открытом море довольно долгое время без добычи, то они готовы идти на любой риск и нередко добиваются успеха. Приведу в этой связи одну историю.

Один довольно известный пират, по кличке Пьер Француз, родом из Дюнкерка, довольно долго плавал в открытом море на барке с отрядом в двадцать шесть человек. Он держал путь к мысу де ля Вела, стремясь перехватить один корабль на пути из Маракайбо в Кампече. Но это судно он упустил и со всей командой решил отправиться прямо к берегам Ранчерии, чтобы поохотиться на ловцов жемчуга. Ранчерия расположена неподалеку от Рио-де-Аче на 12°30' северной широты, и там есть неплохая жемчужная отмель. Каждый год туда отправляется флотилия из десяти или двенадцати барок. Их сопровождает специальное судно из Картахены с двадцатью четырьмя пушками на борту. На каждой барке бывает обычно по два негра, которые достают раковины на глубине от четырех до шести футов. Пираты напали на флотилию следующим образом. Все барки стояли на якоре у самой отмели. Сторожевой корабль находился примерно в полумиле от этой флотилии. Погода была тихая, и разбойники смогли пройти вдоль берегов, не поднимая парусов, так что казалось, будто это идут какие-то испанцы из Маракайбо. Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке заметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из всех пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт, и солдаты запросили пощады в надежде, что вот-вот к ним на помощь придет сторожевой корабль. Но пираты решили перехитрить стражей. Они затопили свое судно, а на захваченной барке оставили испанский флаг, испанцев же загнали в трюмы; на этом корабле они вышли в открытое море. Сначала на сторожевом корабле обрадовались, полагая, что пиратов потопили, но когда там заметили, что барка отвернула в море, то бросились за ней в погоню. Преследовали они пиратов до ночи, но никак не могли догнать барку, хотя и поставили все паруса. Ветер окреп, и разбойники, рискнув парусами, оторвались от сторожевого корабля. Но тут случилось несчастье — парусов подняли столько, что треснула грот-мачта. Но наш пират не растерялся: он связал пленных испанцев попарно и был готов сражаться против неприятельского корабля с командой всего в двадцать два человека, хотя многие из пиратов были ранены и в бою не могли в нем принять участие. Одновременно он приказал срубить грот-мачту и поднять на фок-мачте и бушприте все паруса, какими только можно было пользоваться при таком ветре. Все же сторожевой корабль догнал пиратов и атаковал их так лихо, что те вынуждены были сдаться. Однако пираты успели выторговать условие, что ни их предводитель, ни они сами не будут в плену таскать камни или известь. (А надо сказать, когда пираты попадут в плен, то их заставляют три или четыре года подряд таскать камни или известь, словно рабов. А когда они становились непригодны для этой работы, их отправляли в Испанию на галионах). Кроме того, пиратам обещали при первой же возможности отослать их в Испанию всей командой. Больше всего наш пират жалел свое добро — у него на борту было на сто тысяч реалов жемчуга, который он наградил на барках. И если бы не несчастье с грот-мачтой, выручка у пиратов была бы весьма изрядной.

Не могу не привести еще одну подобную же историю, начавшуюся столь же удачно и кончившуюся так же печально.

Некто Бартоломео Португалец, родом из Португалии, отплыл с острова Ямайки. На его барке было четыре орудия и тридцать человек команды. Дойдя до острова Куба, он близ залива Коррьентес повстречал корабль, шедший из Маракайбо и Картахены в Испанию через Гавану. На этом корабле было двадцать пушек и семьдесят солдат, а также пассажиры, матросы и разные путешественники. Пираты после недолгого совещания решили напасть на корабль. Они бросились в атаку очень смело, но испанцы выдержали их натиск. Пираты повторили атаку и захватили корабль, потеряв всего человек десять убитыми и четырех ранеными. Весь корабль попал в распоряжение пятнадцати пиратов, испанцев же живых и раненых осталось человек сорок. Ветер был непопутный для возвращения на Ямайку, и пираты, испытывая

недостаток в воде, решили идти к мысу Сан-Антонио (на западном берегу Кубы). Не дойдя до мыса Сан-Антонио, они неожиданно натолкнулись на три корабля, которые шли из Новой Испании в Гавану. Корабли изготовились к бою, и затем испанцы захватили пиратское судно и взяли разбойников в плен. Но пиратов больше всего сокрушало, что они потеряли богатую добычу: ведь на корабле было сто двадцать тысяч фунтов какао и семь тысяч реалов в звонкой монете. Через два дня после всех событий разразился жестокий шторм и всю флотилию разметало в разные стороны. Флагман, на котором находились пленные пираты, прибыл в Кампече. На корабль тотчас же поднялись купцы, чтобы выразить благодарность капитану. Они узнали пирата, сеявшего ужас на всем побережье своими убийствами и пожарами. На другой день на борт корабля поднялся судья и попросил капитана отдать ему пирата. Капитан не отказался. Но ни у кого не хватило смелости отправить предводителя пиратов в город. Испанцы боялись, что он убежит, как уже не раз случалось, и оставили его на борту, чтобы на следующий же день соорудить на берегу виселицу и повесить его. Пират хорошо понимал по-испански и о своей участи узнал, подслушав, что говорят матросы. И он решил во что бы то ни стало спастись. Он взял два сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью же, когда все заснуло, кроме часового, стоявшего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он бросился на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу. Затем он спрятался в лесу и провел там три дня. Уже на другой день солдаты с утра высадились на берег, чтобы изловить пирата. Но хитрец следил за ними издали. Когда солдаты вернулись в город, он отправился вдоль берега в местечко Эль-Гольфо-де-Тристе (расположенное примерно в тридцати милях от города Кампече). Добирался он туда целых четырнадцать дней. Это был очень трудный путь, пират страдал от голода и жажды — ведь по проторенной дороге идти ему было нельзя, там его могли схватить испанцы. Четыре дня ему пришлось отсиживаться на деревьях, не спускаясь на землю. Деревья эти весьма необычны: они растут на берегу и корни у них тянутся, словно ветки, так что по ним можно перебежать с дерева на дерево, хотя сделать это довольно трудно. Все четыре дня у него не было ни крохи еды, правда в сосудах была вода. Он обманывал голод, вылавливая мелких рыбок, которые на вкус подобны улиткам. По пути ему пришлось пересечь большую реку, а плавал он очень плохо. Но коли человек попадет в большую беду, то на ум ему приходит такое, до чего никогда бы он не додумался в обычное время. Пират нашел на берегу старую доску, прибитую волнами. В ней осталось несколько гвоздей. Он выбил гвозди камнем и заточил их так, что они стали острыми и хорошо резали. С их помощью он нарезал лыко, связал несколько древесных стволов и сбил таким образом плот, на котором и переправился через реку... Так он добрался до Тристе, где встретил пиратский корабль с Ямайки. Поведав команде свои приключения, он попросил дать ему каноэ и двадцать человек, дабы вернуть свой корабль, который стоял в Кампече. Пираты исполнили его желание, и восемь дней спустя темной ночью он подошел к городу и бесшумно взобрался на борт. На палубе думали, что на этом каноэ кто-то решил доставить на корабль разные припасы, и, разумеется, жестоко просчитались. Пират захватил корабль, и его люди быстро снялись с якоря и подняли паруса. На борту оказалось еще много товаров, однако деньги уже унесли. Пират быстро позабыл о всех своих злоключениях. У него снова был отличный корабль, и он теперь возомнил, что фортуна и впредь будет сопутствовать ему. Но как раз тогда, когда он решил, что все беды миновали, злая судьба подстерегла его снова. Взяв курс на Ямайку, он недалеко от острова Пинос, лежащего к югу от Кубы, в пору, когда подул южный ветер, налетел на рифы Хардинес. Проклиная все на свете, он был вынужден вместе со всей командой покинуть корабль и вернуться на Ямайку на каноэ. Там он оставался недолго и вскоре снова собрался за добычей, но счастье и на сей раз ему изменило.

О страшной жестокости этого пирата у испанцев знали все. Однако его походы не принесли ему почти никакой выгоды. Я видел, как он умирал в такой нужде, какую редко встретишь на свете.

Теперь в самую пору рассказать еще несколько историй о пирате, который еще до сих пор живет на Ямайке и совершил всяких дел не меньше, чем те разбойники, о которых мы уже упоминали. Хотя он и был родом из Гронингена, но долгое время прожил в Бразилии. Когда Бразилия снова стала португальской, некоторые семьи покинули насиженные места и переселились кто в Голландию, кто на французские или английские острова и даже в Виргинию. Он отправился на Ямайку и, не зная чем заняться и как добыть себе пропитание, подался к пиратам. Вскоре он стал известен под кличкой Рока Бразильца⁴⁸. Начинать Рок как рядовой пират. Ему удалось снискать уважение и собрать вокруг себя людей, которые взбунтовались против своего капитана, захватили его корабль и провозгласили капитаном Рока. Немного спустя они добыли себе корабль, который с большой суммой денег шел из Новой Испании. Захватив его, пираты

⁴⁸ ...под кличкой Рока Бразильского... Рок Бразильский был по происхождению голландцем. Первые известия о нем относятся к 1654 году.

отправились на Ямайку. Эта удача создала Року среди пиратов большую славу, а сам он сильно возгордился. Перед ним стала трепетать вся Ямайка. Он был груб, неотесан и вел себя словно бешеная фурия. Когда он напивался, то как безумный носился по городу и немало перекалечил людей, которым довелось попасть ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. А у испанцев Рок стал известен как самый злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связал и бросил между двумя кострами. Так он сжег их живьем, как свиней. А вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались помешать его черному делу и спасти свой свиначник, который он намеревался разграбить.

Как-то Рок отправился искать счастья на побережье Кампече. По пути разыгрался сильный шторм, корабль прибило к суше, и всей команде пришлось покинуть судно и высадиться на берег, причем люди захватили с собой только ружья и небольшой запас пороха и пуль. Место, на которое они высадились, находилось между Кампече и Тристе. Пираты отправились в сторону Тристе, где обычно чинились разбойничьи корабли. Дня через три или четыре, мучимые голодом, жаждой и тяготами трудного пути, пираты так истомились, что не смогли уже идти дальше. Тут, как назло, они повстречали сотню испанских всадников. Капитан Рок ободрил товарищей. Он сказал, что сдаваться ни в коем случае нельзя, лучше умереть, чем попасть в плен к испанцам. Пиратов было не более тридцати, все они были вооружены до зубов. Видя, что капитан их полон отваги, они решили, что лучше умереть всем вместе в бою, но в плен не сдаваться. Между тем испанцы быстро приближались. Пираты подпустили их поближе, чтобы стрелять наверняка, и залп оказался очень удачным. Бой продлился еще полчаса, и испанцы обратились в бегство. Пираты захватили несколько верховых лошадей, добились раненых испанцев и двинулись дальше; потеряли они двух человек да двоих испанцы ранили. Верхом они добрались до берега и заметили недалеко в море испанскую барку с лесом. Пираты выслали шесть человек, чтобы сперва захватить каноэ, которое буксировала барка. Рано утром эти люди захватили каноэ, а затем пиратам удалось овладеть баркой. Провианта у них было очень мало, поэтому они перебили всех лошадей и засолили конину, разыскав на барке запасы соли. Они рассчитывали питаться кониной до тех пор, пока не найдут что-нибудь получше.

Прошло немного времени, и пирату удалось захватить корабль, который шел из Новой Испании в Маракайбо за какао. Он был гружен мукой и вез много денег. С этим-то грузом Рок и вернулся назад на Ямайку, где бесчинствовал со своей командой, пока у них не кончились все деньги. Этот пират принадлежал к тому сорту людей, у которого деньги никогда не лежат без дела — такие люди пьют и развратничают до тех пор, пока не спустят все до последнего гроша. Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову.

Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей. У пиратов был кредит и среди трактирщиков. Но на Ямайке кредиторам верить нельзя: ведь за долги они могут запросто тебя продать, и я сам тому не раз был свидетелем. В конце концов продали даже того пирата, который так щедро расплачивался с девкой. Сперва у него было три тысячи реалов, а не прошло и трех месяцев, как его самого продали за долги, и как раз тому, в чьем доме он промотал большую часть своих денег. Но теперь мы снова вернемся к нашему повествованию.

За довольно короткий срок Рок промотал все деньги и был вынужден вместе со своими товарищами снова отправиться в море. На сей раз он попал к берегам Кампече (это были у пиратов излюбленные места). Он добрался туда меньше чем за четырнадцать дней и пересел на каноэ, чтобы пройти к рейду Кампече в надежде встретить какой-либо корабль. Но тут ему не повезло — его самого вместе с каноэ и командой захватили испанцы. Он тотчас же был доставлен губернатору, который приказал посадить его в темную камеру на хлеб и на воду. Губернатор охотно повесил бы его без малейшего промедления, но не решался, опасаясь, как бы этот пират, отличавшийся необыкновенной хитростью, не выкинул какую-нибудь штуку. А Рок сделал так, что губернатору вручили письмо; писал он его сам, но все было сделано так, чтобы убедить губернатора, будто написано оно товарищами узника. Губернатору угрожали и предупреждали его, что если он причинит хоть малейшее зло прославленному Року, то пираты не дадут пощады ни одному испанцу. Получив такое письмо, губернатор, вероятно, сообразил, что вокруг его шеи затягивается петля: ведь разбойник был действительно очень известен. Это был самый знаменитый пират Ямайки, к тому же не раз он совершал набеги на Кампече. Поэтому губернатор решил отправить его с первым же галионом в

Испанию, взяв с него клятву, что тот больше никогда не станет разбойничать. На прощание губернатор пригрозил, что, если он попадется снова, его тут же повесят. Пират пробыл в Испании недолго. Все время он искал удобного случая вернуться на Ямайку. Еще на пути в Испанию он раздобыл у рыбаков пятьдесят реалов, купил себе одежду и другие необходимые вещи и вернулся на Ямайку. Прибыв туда, он прославился еще более жестокими грабежами и причинил испанцам множество бед — уж на это он был способен.

Со временем испанцы убедились, что на море от пиратов нет никакого спасения, и стали плавать значительно реже. Но и это им не помогало. Не встречая кораблей, пираты стали собираться компаниями и грабить прибрежные города и поселения. Первым таким пиратом, занявшимся сухопутным разбоем, был Люис Шотландец. Он напал на Кампече, разграбил его и сжег дотла. После него подобными набегами занялся Мансфельд, который двинулся в Новую Гранаду⁴⁹, рассчитывая дойти вплоть до Южного моря. Но продовольствия было мало, и он был вынужден вернуться. Тогда он захватил остров Санта-Каталина и взял несколько пленников, которые провели его в город Карттаго, находившийся под властью Новой Гранады.

В тех же местах грабил и другой пират с Ямайки, некто Джон Девис. Довольно долго он крейсировал в заливе Покатауро, надеясь встретить корабль, который ходил из Картахены в Никарагуа. Но это ему не удалось, и он решил со всей своей командой отправиться к реке Никарагуа, оставить судно около устья и подняться вверх по течению на каноэ. С наступлением ночи они намеревались войти в город и разграбить дома самых богатых торговцев. На его корабле было девяносто человек и три каноэ. Пираты оставили на судне человек десять, а все остальные сели в каноэ. Дождавшись ночи, они действительно вошли в реку, а днем спрятались среди деревьев (точно так же они скрыли и свой корабль, чтобы его не заметили индейцы, которые ловили рыбу в устье реки). На третьи сутки, где-то около полуночи, они добрались до города. Стража приняла их за рыбаков, промышляющих в лагуне: ведь часть из них хорошо говорила по-испански. Кроме того, среди них был индеец как раз из тех мест. В свое время он бежал, поскольку испанцы хотели обратить его в рабство. Индеец выпрыгнул на берег и убил стражника. После этого пираты пробрались в дома трех или четырех именитейших горожан и забрали все деньги, которые могли обнаружить. Потом разграбили и церковь. Но тут один из церковных служек, вырвавшись из рук пиратов, поднял крик на весь город. Горожане и солдаты тотчас же пробудились, однако пиратам удалось скрыться, захватив с собой всю добычу, какую они смогли унести. Кроме того, они успели захватить с собой пленников, рассчитывая в случае погони использовать их как заложников. Вскоре они добрались до берега, поспешно сели на корабль и вышли в открытое море. Пленникам же велено было вместо выкупа добыть пиратам столько мяса, сколько им было нужно, чтобы добраться до Ямайки. Когда пираты еще были в устье реки, на берег высыпало человек пятьсот испанцев, вооруженных ружьями. Пираты дали по ним залп из пушек. Таким образом, испанцам оставалось лишь бессильно горевать, видя, как уплывает их добро, и проклинать тот миг, когда пираты высадились на берег. Для них было совсем непостижимо, как у пиратов хватило смелости подойти к городу с гарнизоном в восемьсот человек да еще лежащему от берега по меньшей мере в сорока милях. Да к тому же еще пиратам удалось разграбить город за такой короткий срок! Пираты захватили чеканного золота, серебряной посуды и ювелирных изделий на сорок тысяч с лишним реалов. Вскоре разбойник высадился со своей добычей на Ямайке, довольно быстро все прокутил и снова вынужден был отправиться на поиски приключений. Он собрал довольно много пиратов, а поскольку был хорошим командиром, его провозгласили капитаном флотилии из восьми кораблей. На этот раз пираты решили отправиться к северным берегам Кубы в надежде подстеречь флот, идущий из Новой Испании; в случае удачи они могли захватить один из кораблей этого флота, однако им не повезло. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, они решили пройти вдоль берегов Флориды, высадиться и захватить городок Сан-Аугустин-де-ла-Флорида. В этом городке была крепость с двумя ротами солдат. Однако хоть там она и была, но пираты успешно разграбили город и захватили огромную добычу, не понеся почти никаких потерь.

Конец первой части, в которой речь идет главным образом о природе, растениях и жителях описываемых мест. Теперь мы намерены непосредственно перейти к повествованию о пиратах, и с пиратов начинается вторая часть книги

⁴⁹ ...который двинулся в Новую Гранаду... Прежнее название Колумбии в Южной Америке.

Часть вторая

повествующая о восхождении знаменитых пиратов Франсуа Олоне и Джона Моргана, их наипрославленнейших бесчинствах по отношению к испанцам Америки, а также о жизни и деяниях некоторых других пиратов, которые появились в этих местах.

Глава первая

Появление Франсуа Олоне и начало его бесчинств.

Франсуа Олоне родился во Франции, в местечке Сабль д'Олоне⁵⁰. На Карибские острова он попал еще в молодости (не то солдатом, не то рабом — вполне обычное начало, как мы уже о том упоминали в первой части этой книги). Отслужив свой срок, Олоне отправился сначала к охотникам острова Эспаньола и прожил среди них довольно долго, а затем примкнул к пиратам и участвовал в набегах на испанцев, причем наградил большое состояние и прославился необыкновенной жестокостью. Я хочу описать лишь самые главные его похождения.

Вначале дважды или трижды он ходил с пиратами, но своего корабля у него не было. Вел он себя так смело, что губернатор острова Тортуги мосье де ля Пляс дал ему корабль: пусть, дескать, попытает счастья. Как раз в это время шла война между Францией и Испанией⁵¹. Олоне собрал богатую жатву и был так жесток, что испанцы, встречая его в море, дрались до изнеможения, зная, что пощады им не будет, фортуна покровительствовала Олоне, но однажды от него все же отвернулась, и тогда его постигло большое несчастье. У берегов Кампече при штормовом северном ветре он потерял корабль и, спасая жизнь, вынужден был со всей своей командой высадиться на сушу. Испанцы заметили пиратов и большую часть их перебили. Олоне, зная, что ему нельзя ждать пощады от испанцев, и не будучи в силах убежать от них, ибо он был ранен, вымазался кровью и забрался под лежащие вповалку трупы. Когда враги ушли, он отполз в кусты и перевязал раны, облачился в испанское платье и отправился в Кампече. Встретив там несколько рабов, он завязал с ними беседы и обещал, что добьется для них свободы, если они подчинятся его велениям. Рабы поверили ему, украли у своего хозяина каноэ и отправились вместе с этим разбойником на Тортугу. Испанцы же, бросив уцелевших товарищей Олоне в тюрьму, стали допрашивать о нем, но те, ничего толком не зная, ответили, что Олоне погиб. Тогда испанцы отслужили благодарственные молебны и отпраздновали победу, благодаря создателя за то, что он избавил их от страшного разбойника.

Тем временем этот пират, пустившись в плавание на каноэ, благополучно достиг Тортуги. И в мыслях у него не было избрать другое поприще, не чреватое такими опасностями. Возвратившись на Тортугу, он решил во что бы то ни стало приобрести другой корабль. Вскоре Олоне опять отправился в море на небольшом корабле, приобретенном хитростью. У него была команда из двадцати одного человека, и всех он вооружил до зубов. Его путь лежал к северному берегу Кубы, в городок Ла-Вилья-де-лос-Кайос, который вел торговлю с Гаваной кожами, табаком и сахаром. Море в тех местах неглубокое, и испанцы плавают там не на кораблях, а на лодках. Олоне решил захватить несколько лодок, но пиратов приметили местные рыбаки, которым, к счастью, удалось бежать от Олоне. Они тотчас же отправились в Гавану по суше и доложили тамошнему губернатору, что на берегах Кубы появился французский разбойник Олоне с двумя каноэ, что они боятся этого изверга и не осмеливаются вести торговлю, пока он находится в их водах. Губернатор не поверил им, потому что получил письмо из Кампече, а в письме этом сообщалось, что Олоне убит. Однако по просьбе испанцев он приказал снарядить корабль, вооружить его десятью пушками и посадил на него девяносто солдат, отдав им приказ не возвращаться, пока разбойники не будут истреблены. С ними он послал и одного негра-палача и велел ему обезглавить всех разбойников, исключая их вожака. Его губернатор велел доставить в Гавану живым. Итак, этот корабль отправился в Ла-Вилья-де-лос-Кайос; испанцы думали захватить разбойников врасплох, но сами попали впросак, потому что пираты узнали от рыбаков, которых им удалось захватить, и о корабле, посланном в эти места, и о тех карах,

⁵⁰ ...Франсуа Олоне... Настоящее имя Франсуа Олоне было Жан Давид Нау. Он был родом из Пуатье и получил прозвище Олоне по названию местечка Сабль д'Олоне, где он вырос. В некоторых источниках он упоминается как л'Олоне или Лолонойс

⁵¹ ...шла война между Францией и Испанией... Речь идет о Франко-испанской войне 1648—1659 гг., завершившейся Пиренейским миром 1659 г.

которые им посулили испанцы. А рыбаки хотели нагнать страху на пиратов, чтобы те покинули их берега. Но Олоне решил подстеречь корабль и захватить его. На таком корабле он мог бы совершать дела покрупнее и фортуна не покинула бы его.

Все произошло в устье реки, которую испанцы называют Эстера. Корабль появился в два часа ночи. Пираты спрятались за деревьями. Правда, на корабле кое-что заподозрили, но пираты заставили пленных рыбаков подать голос. С корабля их спросили, не видели ли они разбойников, и те ответили, что не видели. Тогда испанцы поверили, будто пираты скрылись, узнав об их приближении. Однако на следующее утро они убедились, что произошло совсем не то, на что они надеялись. Испанцы тотчас же приготовились к бою и открыли огонь с обоих бортов по пиратским каноям. Выдержав два или три залпа, разбойники улучили удобный момент и бросились на корабль с саблями в руках. Их атака была так стремительна, что они мгновенно загнали всех испанцев в трюм. Олоне приказал им вылезать из люка поодиночке и рубил головы всем подряд. Когда он расправился с доброй половиной испанцев, из люка выглянул негр-палач и закричал: «Senor Capitan no me mate, yo os dire la verdad!», что означало: «Господин капитан, не убивайте меня, я скажу всю правду!» Олоне выслушал его и, закончив свою работу, то есть снеся головы всем остальным испанцам, вручил негру письмо губернатору Гаваны. При этом он поклялся, что и впредь не оставит в живых ни одного испанца, и дал торжественный обет, что скорее наложит на себя руки, чем отдастся испанцам. То же было сказано и в письме, где он добавлял, что надеется когда-либо захватить самого губернатора и поступить с ним по своему усмотрению. Губернатор Гаваны, получив известие о такой необыкновенной победе, рассвирепел и поклялся предать смерти всех разбойников, каких только удастся захватить в этих водах. Однако жители Кубы умолили его не делать этого: ведь разбойники без труда могли истребить целую сотню испанцев, прежде чем губернатору удалось бы поймать хотя бы одного пирата. А без моря жители Кубы обойтись никак не могли, и поэтому-то они настоятельно просили губернатора не делать того, что он задумал.

Наш пират получил корабль, но добычу на нем взял довольно скудную. Олоне набрал новую команду и совершил другой поход, куда более удачный, потому что в бухте Маракайбо он захватил корабль с богатой казной и товарами. Капитан этого корабля шел в Маракайбо за какао. После этого убогатворенный Олоне вернулся на Тортугу. Но там он пробыл недолго и, снарядив целую флотилию, отправился на испанское побережье, прихватив с собой несколько пленников, чтобы те указали ему дорогу. Он мечтал набрать пятьсот пиратов, захватить Маракайбо и разграбить все селения и города, которые попадутся на пути. Пленники те места знали отлично, особенно один француз, у которого жена была из Маракайбо.

Глава вторая

Олоне снаряжает флотилию для высадки на испанском побережье Америки.

Олоне оповестил о своих приготовлениях всех, кто был в море, и спустя два месяца собрал четыреста пиратов, что было вполне достаточно для намеченной цели. На Тортуге жил еще один пират, по имени Мигель Бискайский, который столько наградил в своих походах, что счел за благо угомониться и больше в море не ходил. На острове Тортуге он считался самым главным лицом. Он рассчитал, что, если предприятие Олоне окажется успешным, добыча будет изрядной, и предложил Олоне свои услуги, заверив его, что легко управится со всеми делами на суше, если пираты высадятся на испанских берегах. Поручкой тому, говорил он, его прежняя служба, а служил он в сухопутных войсках и участвовал в разных битвах в Европе. Олоне разместил своих людей на восьми судах. Его корабль был самым большим и вооружен десятью пушками.

Во флотилии насчитывалось тысяча шестьсот шестьдесят человек. Пираты вышли с острова Тортуги в последних числах апреля, и их первая стоянка была в Баяле, на северном берегу Эспаньолы. Там к ним присоединился еще один отряд. В Баяле они взяли запасы провизии, необходимой для долгого путешествия. '

В конце июля того же года пираты дошли до восточного выступа острова — мыса Пунта-дель-Эспада — и встретили корабль с какао, направляющийся из Пуэрто-Рико в Новую Испанию. Адмирал Олоне погнался за ним на своем корабле, а остальным дал приказ следовать прежним курсом и ждать его у острова Савоны, лежащего к югу от Эспаньолы, неподалеку от мыса Пунта-дель-Эспада. Олоне гнался за испанцем два часа и вынудил его принять бой; после двух- или трехчасовой схватки судно было захвачено. На его борту находились шестнадцать пушек и пятьдесят солдат. В трюмах корабля оказалось сто двадцать тысяч фунтов какао, сорок тысяч реалов и драгоценностей на десять тысяч песо. Олоне отослал корабль на

Тортугу, чтобы там разгрузить его и привести на остров Савону.

Когда флотилия Олоне достигла острова Савоны, ей повстречался корабль, который шел из Куманы с оружием и жалованьем для гарнизона Санто-Доминго. Этот корабль захватили без единого выстрела. На нем было восемь пушек, семь тысяч фунтов пороха, мушкеты, фитили и звонкой монеты на двенадцать тысяч реалов. Начало было удачным — пиратский флот получил отличное пополнение, и сердца пиратов наполнились отвагой.

Когда корабль, груженный какао, прибыл на Тортугу, губернатор тотчас же приказал разгрузить его и спешно отослал со свежим провиантом назад к Олоне. Спустя четырнадцать дней он догнал флотилию. Олоне пересел на этот корабль, а свое собственное судно передал помощнику Антуану дю Пюису. Кроме того, он набрал новых людей взамен погибших и раненных в сражениях. Его флотилия была в отличном состоянии, и каждый готов был драться за добычу.

Когда сборы кончились, все вышли в море и взяли курс на бухту Маракайбо. Эта бухта лежит на материке у Новой Венесуэлы⁵² на 12° и нескольких минутах северной широты. В длину она достигает примерно двадцати, а в ширину шестнадцати миль. Перед бухтой расположены острова Арубас и Монхес. В восточную часть бухты вдается мыс Сан-Роман, а в западную — мыс Какиба-Коа. Вся бухта в целом носит название Венесуэльского залива, но пираты ее называют бухтой Маракайбо. У входа в бухту расположены еще два острова, вытянутые с востока на запад. Восточный называется Исла-де-ля-Вихилия — остров Стражи, потому что на самом высоком его холме в центре острова есть дом, в котором день и ночь дежурит дозорный. Другой остров называется Исла-де-Паломас, что означает остров Голубей. За обоими островами лежит внутреннее море, длиной в шестьдесят и шириной в тридцать миль. Вода в нем пресная. В него ведет из открытого моря пролив, который сжат названными островами, и вступить в него очень трудно, ибо шириной он не более, чем дистанция, на которую стреляет восьмифунтовая пушка.

На острове Голубей есть укрепление, которое отлично оберегает остров, ибо всякий, кто хочет попасть во внутреннее море, должен пройти впритык к этому форту. В устье пролива песчаная отмель или банка; глубина в ней не больше четырнадцати футов. Есть в этом месте и другие отмели, такие, как Табласо, на которых глубина всего лишь десять футов, однако она расположена довольно далеко от входа — в сорока милях; есть там и такие мели, глубина которых достигает шести, семи и восьми футов; все они очень опасны. На западном берегу, примерно в шести милях от входа в бухту, расположен город Маракайбо. Вид у него довольно приятный, потому что все дома выстроены вдоль берега и удачно расположены. Город густо заселен. Вместе с рабами в нем три или четыре тысячи жителей. Среди них восемьсот солдат — все испанцы. В городе есть церковь, четыре монастыря и госпиталь. Управляется город вице-губернатором, который подчинен губернатору Каракаса и входит в провинцию Каракас. Тамошние торговцы промышляют кожами и салом. У жителей много скота, а их плантации лежат милях в тридцати от Маракайбо, близ большого селения, которое называется Гибралтар. Эти плантации дают много какао и различные овощи и плоды, которыми снабжают город Маракайбо, поскольку там земля бедная и плохо родит. Каждый день из Гибралтара в Маракайбо отправляются барки, груженные лимонами, апельсинами, дынями и прочей снедью. В Маракайбо их нагружают мясом. В Гибралтаре нет ни коров, ни овец. Перед городом Маракайбо расположена прекрасная гавань, и там можно построить сколько хочешь кораблей, однако лес возят издалека. Неподалеку от города есть еще один маленький остров, который испанцы называют Исла-Борика. На нем разводят коз на шерсть и на сало; козье мясо почти не едят, в пищу идут только молочные козлята, а на мясо разводят овец. Близ Маракайбо кое-где есть плантации, но земля в этих местах скудная и сухая, и поэтому скот очень мелкий.

Побережья тех мест населяют индейцы. Они еще совсем не приручены, и испанцы называют их индиос бравос — немирными индейцами. Индейцы терпеть не могут испанцев и стараются поселиться как можно подальше от них, на западном побережье. Спасаясь от комаров, индейцы ставят дома прямо на деревьях, растущих среди воды. Точно так же выглядят и испанские рыбацкие поселки на восточном берегу. Их дома стоят на воде потому, что земля ниже уровня моря, а не потому, что это лучший способ спастись от комаров. Кроме того, в море впадают здесь семьдесят пять ручьев и ключей, и поэтому вода порой может подняться так высоко, что затопляет окрестности мили на две или на три. Селение Гибралтар часто оказывается под водой. Тогда его жители покидают свои дома и спасаются бегством.

Гибралтар расположен на самом берегу, но от открытого моря находится примерно милях в сорока. Весь провиант он получает из Маракайбо, о чем мы уже говорили. В нем примерно полторы тысячи жителей.

⁵² ...Новая Венесуэла... Часть современных колумбийских и венесуэльских берегов между устьем реки Магдалены и заливом Маракайбо.

Среди них четыреста солдат, остальные — торговцы или ремесленники. Вокруг селения много плантаций какао и сахарного тростника. Земля здесь очень плодородная и богата необыкновенными сортами леса, пригодными для постройки кораблей и домов. Здесь растут кедры толщиной семь футов в обхвате. Из них делают лодки-однодеревки, которые могут ходить под марсовым парусом и называются пирогами. Многочисленные реки хорошо орошают землю. Плантации какао разбиты неподалеку от этих рек, и, когда долго нет дождей, воду пускают на поля, перекрывая русло. Растет здесь и табак, который очень ценится в Европе. Это подлинный виргинский табак, его называют также трубочным табаком.

Гибралтарская округа простирается миль на двадцать, на рубежах ее везде горы и болота. Горы очень высокие и круглый год увенчаны шапками снега. По другую сторону хребта лежит большой город Мерида, которому подчиняется Гибралтар. Один раз в год из Гибралтара выходит караван лошадей и идет через горы в Мериду, но чаще не может выйти, потому что в горах очень холодно и не всякий выдержит стужу. Из Мериды привозят муку, которую доставляют из Перу через Санта-Фе.

Однажды мой знакомый испанец рассказал мне, что в этих горах встречаются люди, очень похожие на индейцев, однако волосы у них короткие и курчавые, а на ногах ногти, как у обезьян. Стреляют они довольно плохо и вообще мало пользуются оружием, но очень хорошо лазают по деревьям и необычайно сильны. Когда испанцы нападают на них с копьями, эти люди тотчас же забираются на ветки и оттуда забрасывают противника всем, что попадает под руку. Никто никогда не слышал, как эти люди разговаривают между собой. Иногда они нападают на плантации, которые лежат неподалеку от гор, и уводят с собой женщин, если только им удастся захватить их. Они никогда не причиняют пленникам вреда, разве только что забавляются с ними. Я читал различные описания Америки, но никогда не встречал о них ни одной строчки и думаю, что это какая-нибудь разновидность варваров, живущих в этих местах. Я не раз видел в кустах обезьян, однако испанцы уверяли меня, что это не обезьяны, а люди; они хотя и дики на вид, но совсем непохожи на обезьян. Что ж, создания господни действительно могут быть весьма необычными на вид и на земле живет их немало. Нам сдается, что лагуну Маракайбо мы описали довольно подробно, и благосклонный читатель хорошо представит себе места, где происходило все то, о чем пойдет речь.

Флотилия Олоне вошла в залив Венесуэлы и отдала там якоря; испанцы ее не заметили. На другой день рано-рано утром флотилия вышла в лагуну Маракайбо. Отдав якоря на песчаной отмели, Олоне высадился и приказал атаковать форт Эль-Фуэрте-де-ла-Барра, потому что, не захватив его, идти дальше было нельзя. Форт был опоясан турами⁵³, за ними находилась батарея с шестнадцатью орудиями. Сверху туры были засыпаны землей и служили хорошим укрытием. Пираты высадились на расстоянии испанской мили⁵⁴ от крепости и, готовясь к штурму, построились в боевой порядок. В это время комендант форта отправил несколько солдат в засаду. Они должны были напасть с тыла и по возможности смешать ряды пиратов. Тогда остальные сделали бы вылазку. Но пираты выделили с полсотни человек, и они напали на засаду, разгромили ее и не дали возможности испанцам укрыться в крепости. Прочие же пираты кинулись на штурм, и часа три спустя форт пал, хотя у нападавших были только одни ружья. Испанцы, сидевшие в засаде, бежали в Маракайбо и привели в ужас горожан, сказав, что к городу движется по меньшей мере две тысячи пиратов. Город лет десять или двенадцать назад уже подвергся разграблению, и это событие было памятно его обитателям. Горожане тут же принялись собирать имущество и готовиться к бегству. Владельцы кораблей погрузили свое добро на суда и отправились в Гибралтар. Там они сообщили о появлении пиратов и падении форта де-ла-Барра. Кто не имел кораблей, отправился на ослах и лошадях в глубь страны.

Войдя в форт, пираты тотчас же подняли флаги, давая знать всем остальным кораблям, что путь свободен. Затем они сравняли укрепления с землей, сожгли все постройки, заклепали орудия, перенесли раненых на борт и похоронили мертвых. Ранним утром следующего дня пираты поставили паруса и двинулись к Маракайбо, до которого было примерно миль шесть. Ветра не было, и кораблям пришлось плыть по течению. В этот день пиратам удалось продвинуться ненамного. Днем позже они были уже возле Маракайбо и приготовились к высадке под прикрытием пушек. Они были уверены, что в прибрежном лесу испанцы сделали засаду. Пираты сели в каноэ и поплыли к берегу. Когда они подошли поближе, с пиратских кораблей по берегу открыли огонь. Часть людей высадилась на берег, оставшиеся в каноэ вели стрельбу по зарослям, но никто не отвечал. В городе пираты никого не встретили: испанцы ушли вместе с женщинами и детьми. Но во многих домах осталось разное добро: вино, водка, множество кур, свиней, хлеб, мука и так далее. Пираты пришли в полный восторг, потому что уже много недель им не доводилось

⁵³ ...форт был опоясан турами... Туры — плетенные из прутьев цилиндрические корзины, заполненные землей. Употреблялись как укрытия от ядер.

⁵⁴ ...на расстоянии испанской мили... Испанская миля, точнее, испанская лига равна примерно 6 км.

есть в досталь, и они поневоле вели самый скромный образ жизни. Команды заняли самые богатые дома на рыночной площади. Затем пираты выставили охрану и превратили городской собор в арсенал. На следующее утро был собран отряд в сто пятьдесят человек, чтобы захватить пленных и узнать, где же спрятали горожане свое добро. Вечером отряд вернулся в город с двадцатью тысячами реалов, несколькими навьюченными осликами и примерно двадцатью пленниками: женщинами, мужчинами и детьми. На следующий день пираты стали пытаться пленников, стараясь узнать у них об остальном имуществе. Но никто не признавался. Олоне, для которого смерть десяти или двенадцати человек равным счетом ничего не значила, выхватил саблю из ножен и на глазах у всех остальных изрубил одного испанца в куски. При этом он кричал, что, если они будут упорствовать, он перерубит их всех без всякой пощады. Ему удалось напугать одного из испанцев, и он согласился повести пиратов туда, где скрывались все горожане. Но те, опасаясь, что попавшие в плен могут их выдать, успели закопать часть сокровищ и все время переходили с места на место, поэтому найти их было очень трудно, разве только случайно. Беглецы так боялись друг друга, что отец не доверял сыну.

Наконец, спустя четырнадцать дней пираты решили отправиться в Гибралтар. Испанцы, зная их силы, снарядили в Гибралтар барку и дали знать, что пираты, по всей видимости, пойдут в Мериду, а заодно попытаются штурмовать и Гибралтар. Жители Гибралтара отправились на шлюпках к губернатору и сообщили ему обо всем, что произошло. Губернатор Мериды долгое время служил во Фландрии в чине полковника. Мужества у него хватало, и он надеялся довольно легко разбить пиратов. Он спустился к Гибралтару с хорошо вооруженным отрядом в четыреста человек и приказал взять оружие местным жителям, а вооружил он не менее четырехсот горожан. Таким образом испанцы могли выставить восемьсот человек. После этого он распорядился поставить на берегу батарею в двадцать два орудия и прикрыть ее турами, а также соорудить редут с восьмью пушками. Прямо от берега шла широкая просека, и он приказал завалить ее и проделать другой проход, ведущий в болото. Это болото было совершенно непроходимо; кто туда попадал, проваливался в трясины по самое колено.

Разбойники ничего не знали об этих приготовлениях. Они доставили пленников на корабль и присоединили к тем рабам, которых захватили в Маракайбо. Так они вошли в Гибралтар. Однако, приблизившись, они увидели развевающиеся повсюду флаги и множество народа. Олоне, как вожак всех пиратов, посоветовался с другими командирами, потом со всеми, кто его окружал, и дал понять, что отступить не намерен, хотя испанцы и узнали об их приближении и собрали большие силы. Его мнение было таково: «Они сильны, так тем больше мы захватим добычи, если победим их». Все единодушно поддержали его и сказали, что лучше биться, надеясь на добрую добычу, чем скитаться неведомо сколько без нее. Олоне закончил так: «Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой».

Приняв решение драться, пираты подвели корабли к берегу и стали на якорь примерно в четырех милях от города. На следующее утро задолго до восхода солнца Олоне высадил людей на берег. Пиратов было триста восемьдесят человек. У каждого было доброе ружье, а на боку патронташ с порохом на тридцать зарядов, и, кроме того, у всех было по два пистолета и по острому палашу. Все взяли друг друга за руки и поклялись стоять друг за друга до самой смерти. Затем Олоне рванулся и закричал: «Allons mes frâirs — suivez moi, et ne faites point des laches!» (Вперед, мои братья, за мной и не трусьте!) И пираты бросились в атаку. Но путь, который им указал начальник, привел к завалу, а другая дорога — к болоту, на которое так надеялись испанцы. Пираты же не растерялись и принялись рубить саблями сучья и устилать ими дорогу, чтобы не завязнуть в трясине. Тем временем испанцы открыли огонь из пушек, и поднялся такой дым и такой грохот, что пираты на какое-то время совсем ослепли и оглохли. Наконец они выбрались на твердую землю как раз там, где стояло шесть пушек, и пушки эти ударили по ним дробью и картечью.

Затем, на миг прекратив огонь, испанцы сделали вылазку, но пираты их встретили так, что мало кто из испанцев вернулся назад. А пушки снова стали без передышки бить по пиратам, среди которых было уже много мертвых и раненых. Поэтому пираты решили прорываться через лес, но и это им не удалось. Испанцы повалили большие деревья и загородили путь. Но, несмотря на все трудности, мужество не покидало пиратов, и они отвечали сильным ружейным огнем.

Испанцы не могли сделать больше ни одной вылазки, но и пираты не могли перейти через туры. Олоне учел это и, решив перехитрить испанцев, приказал отходить. Заметив, что пираты отходят, испанцы вышли за туры и погнались за врагами, и было их человек двести. Но пираты неожиданно повернули, дали залп, а затем схватились за палаш и набросились на испанцев, сразу же перебив большинство из них. В бешенстве перепрыгнув через туры, пираты тут же овладели укреплениями и обратили тех, кто за ними скрывался, в бегство. Они оттеснили испанцев к зарослям и перебили всех до одного. Часть испанцев бежала на редуты, и они заранее готовы были сдать в плен. Пираты сорвали неприятельские флаги,

захватили все, что было в поселке, и снесли в собор. Перед ним выставили орудия и насыпали бруствер, чтобы предохранить себя от внезапного нападения. Пираты скорее всего полагали, что испанцы призовут всех окрестных жителей. Однако следующий день принес им другие заботы — надо было избавиться от зловония, которое издавали трупы: ведь они перебили не менее пятисот испанцев и много раненых испанцев укрылось в зарослях и там, вероятно, отдало богу душу. Кроме этого пираты захватили в плен сто пятьдесят мужчин и не меньше пятисот женщин, рабов и детей. Когда все стихло, пираты подсчитали свои потери и оказалось, что убито всего сорок человек, а ранено тридцать, но почти все смертельно; сырой воздух вызывал лихорадку, раны гноились. Пираты швырнули трупы испанцев на две старые барки, которые они нашли на берегу, и, отъехав за четверть мили, выбросили все тела за борт. Забрав все деньги и имущество, которое удалось собрать в городе, пираты расположились на отдых и четыре-пять дней никуда не показывались.

Между тем испанцы припрятали почти все добро, которое могли унести. Спустя четыре или пять дней пираты начали делать набеги на окрестности, и вскоре в город потекло различное добро, и туда стали пригонять пленных рабов, захваченных на плантациях. Пираты провели в городе еще четырнадцать дней. За это время много пленников умерло от голода, потому что мяса у пиратов почти не было. Правда, было довольно много муки, но пираты для себя ленились печь хлеб, а уж для испанцев и подавно. Кур, овец, свиней и коров они уже перебили и съели сами; испанцам оставались ослы и мулы. Кто не хотел есть ослятину, помирал голодной смертью, ибо ничего другого не было. Чуть лучше было женщинам, которые попали к пиратам в любовницы; одних они взяли силой, другие пошли по своей охоте. Все они были спасены от голода. Пленных, которых хватили ради выкупа, каждый день бросали на дыбу, и, если же те не хотели ни в чем признаваться, их забивали до смерти.

Наконец, простояв целый месяц, пираты послали четырех пленников сообщить жителям города, что требуют с них десять тысяч реалов выкупа, иначе сожгут все поселение. Испанцам было дано два дня. Но через два дня выкупа никто не принес, и пираты предали огню все селение. Когда испанцы увидели, что пираты действительно намерены все превратить в пепел, они решили выдать требуемые деньги. Пираты загасили пожары, но, конечно, много домов пострадало, а собор сгорел дотла. Получив выкуп, пираты погрузили на корабль добычу и большое количество рабов, за которых никто не дал выкупа (пленники должны были платить выкуп и за себя, и за рабов, если желали, чтобы их им вернули).

Затем все отправились в Маракайбо. Вернувшись, пираты напугали испанцев еще сильнее, чем прежде, и направили несколько пленных из Маракайбо к губернатору, требуя у него для его подданных тридцать тысяч реалов. Деньги должны были доставить на борт, иначе пираты грозились сжечь весь город. Тем временем несколько отрядов снова отправились за добычей. Они унесли из церкви статуи, колокола и картины и притащили их на корабль. Кроме этого они захватили и различные корабельные принадлежности, и все это свалили в пакаузе. Посланные за выкупом испанцы вернулись — им было велено согласиться на условия пиратов. В конце концов сошлись на том, что испанцы дадут двадцать тысяч реалов и пятьсот коров и что, получив выкуп, разбойники прекратят грабежи. Получив выкуп, пираты ушли, к великой радости жителей, посылавших им вслед проклятия. Но спустя три дня, к большому удивлению испанцев, пираты вернулись снова и снова стали творить всяческие бесчинства. Оказалось, что причиной возврата было торговое судно, захваченное пиратами, которое они не могли провести через отмель в устье лагуны. Поэтому они были вынуждены вернуться и взять лоцмана. Испанцы подыскали им лоцмана очень быстро, дабы поскорее отправить их в море — как-никак в водах Маракайбо пираты провели два месяца.

Пройдя залив, пираты взяли курс на остров Эспаньолу и спустя восемь дней подошли к острову Ваку (на этом острове обосновалось несколько французских охотников, которые снабжали пиратов мясом). Здесь пираты выгрузили добычу на берег и устроили на свой манер дележ. Разделив все добро, они подсчитали, что серебра и драгоценностей оказалось на шестьдесят тысяч реалов. Кроме денег каждый еще получил больше чем на сотню реалов шелка и шерстяных тканей, не считая других мелочей. Дележ проводили точно так же, как я о том говорил в первой части. Причем серебро они взвешивали и приравнивали один его фунт к десяти реалам, а с драгоценностями дело у них обстояло хуже, потому что ничего в них они не понимали. Каждый дал клятву, что ничего не возьмет лишнего, и затем пираты получили то, что им причиталось. Часть добычи, которая приходилась на долю павших в бою, была передана их товарищам или родственникам. Когда все было поделено, пираты покинули остров и взяли курс на Тортугу, куда они прибыли, к их великой радости, уже через месяц. Дня за три, быть может на день меньше или на день больше, они спустили все свое добро и проиграли все свои деньги. Правда, тем, кто терял буквально все, остальные ссужали небольшую сумму. Вскоре из Франции пришло судно с вином и водкой, и началась грандиозная попойка. Но долго она не продолжалась — как-никак бутылка водки стоила четыре реала! Ну

а затем некоторые пираты занялись на Тортуге торговлей, а другие отправились на рыбную ловлю. Губернатор приобрел корабль с какао за двадцатую часть его стоимости. Часть пиратских денег получили трактирщики, часть — шлюхи, так что скоро пиратам пришлось пораскинуть мозгами и задуматься над тем, куда и как снова отправиться за добычей. Об этом подумывал и сам Олоне, их вожак.

Глава третья

Новые приготовления и поход Олоне на город Сантьяго-де-Леон в Никарагуа, во время которого он трагически погибает.

Вернувшись на Тортугу, Олоне прославился еще больше благодаря походу, совершенному столь удачно и счастливо, — ведь поход этот принес большую добычу. Однако с Олоне вскоре произошло, как в известной поговорке: «Что прилив приносит, отлив уносит». Спустя немного времени Олоне понял, что необходимо предпринять новый поход. Оповестить об этом своих людей было нетрудно, их и в прошлый раз влекла жажда денег. Они собрались довольно быстро и были готовы снова отправиться за добычей. К тому же влияние Олоне теперь было так велико, что они пошли бы за ним повсюду, даже если это грозило им величайшими опасностями. Олоне и его подчиненные решили отправиться в воды Никарагуа и разорить все тамошние города и поселения. Мне бы хотелось услужить моим читателям и в начале предстоящего повествования кое-что сообщить о водах этой страны Никарагуа, дабы мой дальнейший рассказ был во всем понятен. Однако лучше всего это сделать в части третьей: там я описываю Коста-Рику и захват Панама. Итак, приняв решение идти в воды Никарагуа, Олоне собрал без малого семьсот человек и снарядил грузовой корабль, захваченный в Маракайбо. На его борту поместилось триста человек, остальные сели на суда поменьше — их было пять. Все вместе они составили флотилию из шести кораблей. Пункт сбора был назначен в Байахе, на острове Эспаньоле. Там пираты заготовили мясо и погрузили его на борт.

Когда все дела были окончены и корабли готовы были к плаванию, пираты поставили паруса и взяли курс на Матамано, селение на южном побережье острова Кубы. Там они предполагали захватить каноэ, ибо в тех местах было много охотников за черепахами, которые занимались ловлей, засолкой и отправкой черепах в Гавану. Каноэ были нужны пиратам для высадки в мелких протоках, потому что осадка у их кораблей была довольно глубокая и суда не могли идти по мелководью. Наконец после того как пираты ограбили этих несчастных людей и захватили что им нужно, забрав с собой и несколько рыбаков, корабли вышли в море и взяли курс на мыс Грасиас-а-Дьос, расположенный на материке на 15° северной широты, примерно в ста милях южнее острова Пинос. Но тут они попали в штиль. Их сразу же подхватило течение и отнесло в сторону залива Гондурас. Пираты делали все, что могли, стараясь вырваться из потока, но ветер и течение словно ополчились на них, и остальные суда не смогли поспеть за кораблем Олоне. Но хуже всего, что припасы быстро иссякли, и пираты принялись за поиски мест, где можно было бы добыть провиант. Наконец, изнывая от голода, пираты заметили землю, спустили на воду каноэ и отправились в свое первое плавание, чтобы отыскать съестные припасы.

На нескольких каноэ они вошли в реку Ягуа. На ее берегах жили индейцы, и пираты, разграбив их хижины, доставили на корабли испанскую пшеницу, которую называют маисом, свиней, кур и индеек — все, что попало под руку. Однако припасов этих оказалось недостаточно, чтобы добраться до места. Поэтому они снова учинили совет и решили разграбить все города и селения, которые встретятся им в этом заливе. Они пошли вдоль берега, но не могли найти ничего путного. При этом местных жителей они обирали так крепко, что те едва не умирали от голода; чтобы свести концы с концами, им приходилось есть что придется; даже обезьян и тех они употребляли в пищу и убивали их, как только замечали среди ветвей.

Затем пираты достигли Пуэрто-Кавальо, а там стояли испанские склады, в которых торговцы, поджидая свои корабли, хранили товары. В этой гавани пираты застали испанское торговое судно, на борту которого было двадцать чугунных и шестнадцать бронзовых пушек. Сняв пушки с корабля, пираты высадились, предали все, что было на берегу, огню. Они сожгли и склады вместе с кожами, которые там сушились. Захватив группу пленных, они принялись издеваться над ними как только могли. Несчастные испытали все мучения, какие только можно придумать. Уж если начинал пытать Олоне и бедняга не сразу отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило разъять свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь. Он готов был убить любого испанца. Если кто-либо из них, убоявшись пыток или не выдержав их, соглашался провести пиратов к своим соотечественникам, но по растерянности находил путь не сразу, его подвергали адским мучениям и забивали до смерти.

После того как пираты уже замучили различными пытками и издевками большинство пленников, двое из них согласились отвести отряд в испанский город Сан-Педро, расположенный в десяти или двенадцати милях от Пуэрто-Кавалье. Олоне решил пойти туда сам; он взял с собой триста человек и до своего возвращения оставил старшим Моисея ван Вайна⁵⁵. С ним пошли два проводника. Не успели пираты пройти и трех миль, как натолкнулись на засаду. Несмотря ни на что, пираты довольно быстро овладели укреплением и обратили неприятеля в бегство. Олоне спросил раненых испанцев, которых здесь удалось захватить, каковы силы их отряда. Они ответили, что предателями быть не желают, и Олоне перебил всех до единого. То же самое произошло и с другими пленниками. Он спросил одного из них, куда ведет дорога, и приказал при встрече с испанцами на вопрос «кто идет» отвечать «свои». Потом Олоне стал пытать у одного испанца, есть ли в Сан-Педро путь, которым туда можно дойти без риска нарваться на засаду. Когда тот сказал, что он никаких дорог не знает, Олоне подвел его к остальным пленникам и задал им тот же вопрос. Однако и те ответили, что никакого пути не знают. Олоне страшно разъярился, разрубил одному из пленников саблей грудь, вырвал сердце и, показав это сердце пленникам, сказал: «Если вы мне не покажете другой дороги, я сделаю с вами то же самое». Бедные парни оказались в большом затруднении, ибо другая дорога была почти непроходима. Как смогли, они вывели пиратов на этот путь. Когда стало ясно, что по нему пройти не удастся, Олоне решил вернуться на старую широкую дорогу и с гневом сказал: «Головой создателя клянусь, испанцы мне за это заплатят!»

На следующий день пираты снова натолкнулись на засаду и атаковали ее так стремительно, что испанцы не продержались и часа. Олоне приказал никому не давать пощады: чем больше вы их убьете на пути, сказал он, тем меньше нам будут сопротивляться в городе.

Испанцы надеялись, что засады измотают пиратов, и ставили их одну за другой. Наконец Олоне подошел к третьей засаде. На этот раз сопротивление было намного сильнее, но пираты забросали испанцев гранатами и обратили их в бегство, преследуя до тех пор, пока не перебили всех до единого, так что никому из них не удалось добраться до города. А в городе успели подготовиться к прибытию пиратов и везде соорудили баррикады. Их ставили повсюду, не оставляя ни одного свободного прохода; а дороги, ведущие к городу, преградили, срубив большие деревья, которые по-испански называются ракелте. На их стволах множество шипов и перебраться через них очень трудно. Завалы из этих деревьев лучше, чем рогатки, которые ставят в Европе.

Когда за баррикадами заметили пиратов, батареи открыли огонь. Но пираты тотчас же залегли, дали дружный залп из ружей и бросились на штурм с пистолетами и гранатами, перебив множество испанцев. Однако войти в город им не удалось, и они вынуждены были отступить. Чуть позже они вернулись с гораздо меньшим отрядом и на этот раз стреляли, только тщательно прицелившись. И каждый выстрел поражал противника, убитых и раненых было очень много. Наконец к вечеру испанцы прекратили сопротивление. Они подняли белый флаг и заявили, что готовы сдать город с тем условием, что им даруют жизнь и два часа, надеясь перенести в другое место свое добро. Олоне согласился. Пираты вошли в город и два часа, согласно уговору, никого не трогали. Но испанцы ничего не выгадали: пираты следовали за ними буквально по пятам и забирали добро прежде, чем его успевали спрятать. Впрочем, большую часть имущества испанцы уже успели вынести. В городе осталось лишь несколько кожаных мешков с индиго. Отдохнув несколько дней и совершив свои обычные бесчинства, пираты подожгли город и ушли из него, забрав всю добычу. Когда они вернулись к морю, то узнали, что их товарищи, плывая вдоль побережья, захватили двух индейцев-рыбаков. Те рассказали, что в реку Гватемалу должен прибыть корабль из Испании. Поэтому пираты решили обойти острова, лежащие в заливе, и подготовиться к встрече корабля. Они спустили два каноэ и отправились в устье Гватемалы поджидать испанский корабль.

Добравшись до места, пираты рассеялись на небольшие группы и стали ловить рыбу. Некоторые принялись сетями ловить черепах. Сеть они связали из луба дерева макоа⁵⁶, из которого обычно делают канаты для кораблей. Пираты не терялись ни в какой обстановке и всегда могли обойтись только тем, что было у них под рукой.

В тех местах есть несколько островков, где можно собрать смолу для заливки судов; если нужен деготь, в смолу добавляют акулый жир. Эту смолу приносят волны моря. Иногда ее бывает так много, что смола покрывает буквально весь островок; по своему составу она отличается от обычной корабельной смолы —

⁵⁵ ...оставил Моисея ван Вайна... В дальнейшем Экскевелин именует его Вау Кляйном, Воклейном и т.д. Очевидно, это неточности в написании имени.

⁵⁶ ...из луба дерева макоа... По всей вероятности, речь идет о дереве макоа (*Malicocca biguga* L.), которое дает плоды, напоминающие каштаны.

это морская накипь, которую натуралисты называют битумом⁵⁷. Мне кажется, что это обычный воск, унесенный во время шторма или непогоды в открытое море и который затем снова выносится на берег. За время плавания он перемешивается с песком и приобретает запах, которым обладает серая амбра, привозимая с востока. В тех местах множество пчел, собирающих мед с деревьев, и нередко случается, что сильный шторм уносит мед вместе с деревьями в открытое море. Некоторые натуралисты предполагают, что, побывав в соленой воде, мед и воск превращаются в особое вещество, которое легко принимают за темную амбру. Все это вполне вероятно, может быть, так оно и есть, во всяком случае эта смола значительно легче воска и сильнее пахнет.

Итак, пираты привели в порядок свои корабли и с часу на час ожидали вестей о прибытии судна. Тем временем некоторые из них отправились на каноэ вдоль берегов Юкатана, где жило много индейцев, в надежде достать серой амбры. Ее прибывает к островам со стороны материка. Пиратам удалось побывать в этих местах только один раз, и поэтому я хочу описать тамошних индейцев, чтобы читатель уяснил, каковы их верования и образ жизни.

Индейцы эти находятся под владычеством испанцев уже доброе столетие и испытывают множество бед и невзгод: испанцы согнали их всех в одно место и там мучают. Каждые полгода они посылают к ним священника, который (как считается) обращает их в истинную веру. Но такие священники чаще всего славятся безбожием, чем верой в бога и добродетельностью. Они появляются среди индейцев лишь с одной целью — сорвать какую-нибудь мзду. Как только приезжает священник, старший из индейцев, которого называют касиком, отдает ему свою дочь или какую-нибудь другую женщину. Она остается у священника до тех пор, пока он живет среди них. Кроме того, индейцы приносят кур, яйца, ткани — короче говоря, все, что у них вымогает священник; если они молятся на свой лад, их могут бросить в тюрьму и наказать штрафом. Когда испанскому священнику становится очевидно, что взять у индейцев уже больше нечего, он покидает эти места; и стоит ему скрыться, как индейцы начинают снова молиться на свой лад.

У каждого из них есть излюбленный божок, которому они поклоняются и исправно служат. Если в семье родился сын, родители тотчас же идут в святилище и приносят своему богу жертвы. Пол святилища засыпают пеплом (чтобы удалить все примеси, его тщательно просеивают); пепел же разбрасывают, чтобы он образовал фигуру креста, и на середину этой фигуры кладут младенца и оставляют в святилище до самого утра, открыв все двери, чтобы могли зайти в храм дикие звери. Если на пепле не остается следов, младенца оставляют на следующую ночь, и так до тех пор, пока не убедятся, что к нему приходили звери. И по отпечаткам лап видят, кто же был в храме: кошка, собака, лошадь или лев⁵⁸. Зверя, посетившего святилище, объявляют покровителем младенца, полагая, что он будет его оберегать и всякий раз приходить на помощь. Этому покровителю воздают почести, куря сильно пахнущую смолу, которую индейцы называют копаль⁵⁹, а мы — гома карагна. Когда ребенок становится юношей, родители сообщают, кто его покровитель. Юноша идет к святилищу и приносит жертву зверю, о котором ему рассказали родители. Если с кем-нибудь случается беда или кого-нибудь обворуют, пострадавший приносит своему покровителю жертву и заклинает его о помощи. Если в течение двух или трех дней покровитель-зверь помощи не оказывает, то попавший в беду отыскивает зверя и либо калечит, либо убивает его. Отсюда можно заключить, что этими людьми владеет дьявол, который их постоянно терзает.

Один испанец рассказал мне историю, которая полностью подтверждает это. Однажды он попал к индейцам и, взяв в расчет, что пробудет у них долго, завел с ними торговлю. Испанец не мог жить без женщины; он взял себе в услужение индианку и стал забавляться с ней (если это можно назвать забавой). Однажды индианка пошла на плантацию, чтобы собрать плоды, и там как задержалась, что испанец отправился на ее поиски. Подойдя к плантации, он увидел зверя, похожего на льва, который забавлялся с ней. Испанец пришел в ужас и тотчас же вернулся домой. Когда индианка возвратилась, он спросил ее, чем она занималась со львом, и признался, что видел и ее, и льва. Женщина смутилась и попыталась скрыть свой грех, но в конце концов призналась, что лев считается ее покровителем. Испанец тут же прогнал ее прочь и не пожелал иметь с ней больше никакого дела.

Эти индейцы встречаются на всех островах залива Гондурас и на побережье материка, на Юкатане, где есть немало мест, пригодных для обитания. Индейские племена живут, не зная друг друга, и бывает, их поля находятся так глубоко в лесах, что об этих дальних жителях никто ничего не знает. У индейцев

⁵⁷ ...который называют битумом... Битум — сборное название для встречающихся в ископаемом виде жидких и твердых углеводородов, например асфальта, нефти.

⁵⁸ Лошадь или лев... Экскевелин, по тогдашнему обычаю, именует львом американскую пуму.

⁵⁹ ...которую индейцы называют копаль... Копаль — ароматическая смола.

существует своеобразный обряд женитьбы. Если индеец хочет взять в жены девушку, он прежде всего должен пойти к ее отцу. Отец обычно спрашивает, не брал ли он еще какой-нибудь другой женщины, большое ли у него поле, умеет ли он ловить рыбу и так далее. Если его ответы отцу придутся по душе, ему вручают стрелу с луком. Тогда он идет к дочери и дает ей венок из листьев с вплетенными туда цветами; она должна его надеть, а другой, если у нее был, выбросить (согласно индейскому обычаю, девушки носят обычно венки). После этого оба идут к своим покровителям-зверям и спрашивают их, должны ли они соединиться в браке. Затем в доме отца девушки готовят питье из маиса и собирают всех родственников; отец передает дочь тому, кому она предназначена, и, когда обряд закончен, жених и невеста уходят. На следующий день дочь приходит к своей матери, снимает с головы венок и с криком разрывает его на глазах у матери; муж приходит со своим вооружением к отцу и оказывает ему всяческие почести. У них существует и другой обычай: девушка, уходя к мужу, разрывает сначала свой венок у ног матери, а потом начинает громко вопить. Вот, собственно, и все, что я хотел поведать любознательному читателю об обычаях дикарей. Теперь мы можем продолжить наш рассказ и вернуться к пиратам.

Разбойники прибыли на остров Самбале, расположенный примерно в пяти милях от берега Юкатана. На этом острове есть серая амбра, ее приносят восточные волны; течением сюда прибывает самые различные вещи, здесь можно встретить даже обломки каноэ, потерпевших крушение где-нибудь у Карибских островов, за пятьсот миль отсюда. Между островами и материком море такое мелкое, что большие корабли пройти там не могут. На острове растет кампешевое дерево⁶⁰ — впрочем, есть оно и на материке, — но по цвету древесины оно отличается от обычного; эта порода считалась бы очень ценной и могла бы нам пригодиться, если бы знали о ее свойствах. Индейцы готовят из нее очень хорошие краски, которые почти не выцветают.

Прожив в этих местах почти три месяца, пираты получили наконец известие о том самом испанском корабле, который они поджидали. Они тотчас же поставили паруса и отправились туда, где корабль стал на якорь для разгрузки товаров. Пираты приготовились к штурму и одновременно спустили на воду маленькие суда, чтобы перехватить шлюпки, которые должны были переправить через поток наиболее ценные товары — кошениль⁶¹, серебро, индиго. Большой корабль был оснащен всем необходимым для обороны. Внимательно приглядевшись, пираты, залегшие на берегу, насчитали на нем сорок две пушки и заметили, что вся команда из ста тридцати человек хорошо вооружена. Олоне решил атаковать испанца, несмотря на то, что на его корабле было всего двадцать восемь пушек. Но испанец его встретил так, что Олоне был вынужден отступить, а вместе с ним и тот корабль, который его сопровождал. Но в то время пока они сражались, под прикрытием густого дыма к испанскому кораблю подошли четыре пиратских каноэ. Эти пираты влезли на борт и захватили судно. Добыча оказалась небольшой — гораздо меньшей, чем пираты предполагали: корабль успели разгрузить, так как на борту узнали о появлении пиратов. Захватили пятьдесят связок железа, пятьдесят тюков бумаги, большую партию бочек с вином и разную рухлядь.

Олоне собрал всю свою флотилию, чтобы решить, стоит ли им идти в Гватемалу. Некоторые поддерживали его, большинство же оказалось против. Недовольных было больше потому, что значительную часть команды составляли люди, не приученные к пиратским походам. Они полагали, что стоит им выйти в море, и реалы посыплются, как листья с деревьев. Учувя, что это далеко не так, новички пожелали вернуться восвояси. Но те, кто лучше их познал жизнь, ответили им, что они готовы помереть с голоду, лишь бы только не возвращаться домой без денег.

Большинство все же не захотело идти в Гватемалу, мужество покинуло их, и они решили отделиться от Олоне. В конце концов некоторые из них собрались вокруг уже известного нам Моисея Воклейна, того, который захватил корабль у Пуэрто-Кавальо, и отправились на Тортугу, чтобы шарить в ее водах. Видя, как обстоят дела, то же решил предпринять и Пьер Пикар. Он пошел вдоль побережья материка, добрался до Коста-Рики, вошел в воды Верагуа; там он высадился на берег и отправился в городок Верагуа. Он разграбил его, несмотря на жестокое сопротивление испанцев. Пираты захватили часть горожан в плен и доставили их на корабль, но добыча досталась им небогатая: население в тех местах бедное и занято на рудниках. Там есть несколько золотых приисков, на которых трудятся рабы; они вытаскивают землю и промывают ее в реке. На целую гору земли приходится несколько золотых песчинок величиной с горошину, иногда, правда, встречаются золотишки покрупнее, но чаще они совсем мелкие. Пираты

⁶⁰ ...на острове растет кампешевое дерево... *Haematoxylon campechianum* — сандаловое дерево. Небольшое дерево из подсем. цезальпиниевых. Родина — Центр. Америка. Его ценная древесина вывозилась из стран Карибского бассейна в Европу.

⁶¹ *Кошениль*... Общее название нескольких видов насекомых из подотряда чернецов. Из этих насекомых готовят красную краску (кармин).

захватили не то семь, не то восемь фунтов золота. После этого они решили, что лучше всего отправиться в город Нату, на побережье Южного моря⁶²; там есть чем поживиться: ведь в городе живут хозяева тех рабов, которые трудятся в Верагуа. Однако они все же побоялись пойти туда — уж больно много испанцев жило в Нате.

Олоне возвратился в залив Гондурас на корабле, захваченном у испанцев, и было у него на борту триста человек. Он хотел догнать остальных, но его корабль был слишком тяжел и не мог лавировать по течению подобно другим, более легким судам; к тому же у него кончился провиант, и в поисках пищи пираты должны были держаться недалеко от берега; они убивали обезьян и всех зверей, какие только попадались. Наконец после долгих блужданий по морю Олоне вошел в залив Грасиас-а-Дьос, близ острова Лас Перлас или, вернее, двух островов, которые пираты именуют островами Карнейланд. Недалеко от них корабль Олоне налетел на риф и застрял намного прочнее, чем это сперва показалось. Вся команда тотчас же сошла на берег и сняла с борта все пушки и железо, но половинчатые меры не помогли — корабль остался на месте. Делать было нечего, пираты разломали корабль и из досок и бревен стали сооружать длинную барку⁶³. Пока пираты занимаются этим делом, я кое-что расскажу об этих островах и их обитателях.

Оба острова населены людьми, которых вполне уместно назвать дикарями. С ними еще ни разу не заговаривал ни один христианин, и никто не видел их жилищ. Некоторые из европейцев жили на этих островах по шесть или семь месяцев и ни разу не встречали никаких построек. Эти индейцы отличаются крепким телосложением, очень хорошо бегают и ныряют. Однажды они подняли якорь пиратского судна, который весил добрых шестьсот фунтов и зацепился за подводный камень. Оружие у них сплошь деревянное, железа нет; наконечники стрел они делают из зубов акулы. Их луки не отличаются от луков других индейцев, но дротики значительно длиннее. На этих островах встречается много разнообразных растений и фруктов: бататы, бананы, ананасы и многие, многие другие, которые растут и в остальных местах. Однако близ полей нет никаких жилищ. Говорят, эти индейцы — людоеды.

Когда Олоне добрался до тех мест, один из его людей пошел в лесок в сопровождении испанца. Оружия у них не было, у пирата был лишь один пистолет. Только они углубились в лес мили на полторы, как на них напала толпа индейцев; француз-пират выстрелил и пустился наутек, но испанец быстро отстал, потому что бежал плохо. Пират довольно быстро добрался до берега и стал поджидать товарища, но тот все не появлялся. Спустя немного времени в лес отправилось десять или двенадцать отлично вооруженных пиратов. Тот француз тоже пошел с ними и любопытства ради привел на то место, где видел индейцев. Наконец они набрели на поляну, где индейцы развели огонь, и обнаружили пропавшего испанца — он был уже наполовину зажарен и одна рука почти съедена. Как только пираты увидели все это, они тотчас же устроили охоту на индейцев и захватили четырех женщин и пятерых мужчин. Пираты привели их на берег и позвали своих индейцев, чтобы допросить пленников (индейцы из пиратского лагеря тоже были из этих мест), но толку из этого не вышло. Пираты показали им кораллы, нож и топор. Индейцы их взяли. Словом, пираты обошлись с ними весьма по-дружески, дали табак и предложили выпить, но те не пожелали ни есть, ни пить и очень опасались, как бы кто не вслушался в их речь. Пираты убедились, что индейцы очень напуганы, и дали возможность им убежать, подарив всевозможными безделушками. Пираты и впредь стремились привлечь и заманить к себе индейцев, но те больше не появлялись. С тех пор их никто не видел на острове, а поскольку нигде не было никакого судна, можно предположить, что они той же ночью переплыли на маленький остров вплавь.

Тем временем Олоне и его спутники изо всех сил трудились, стремясь разобрать большой корабль. Они видели, что пройдет еще много времени, прежде чем они смогут покинуть это место, и потому разбили плантации, на которых решили кое-что посеять впрок. Прежде всего посадили фасоль, которую испанцы называют фрихоле, а итальянцы — фаччиоли; через шесть недель у них уже было много испанской пшеницы, бананов и баковы, и они уже не опасались, что умрут с голоду. Месяцев через пять или шесть им удалось все же соорудить барку из днища корабля, и пираты решили, что часть людей отправится в воды Никарагуа, захватит каное и потом заберет всех остальных. При этом не возникло никаких споров, кто же должен отправиться на барке и на тех каное, которые у них еще оставались. Половина отряда села в лодки, другие остались на острове. Олоне приказал поставить паруса и через несколько дней достиг устья реки Никарагуа. Но беда снова обрушилась на него. Злосчастия преследовали Олоне по пятам: его отряд был выслежен индейцами и испанцами; большая часть людей Олоне была перебита, а сам он был вынужден

⁶² ...на побережье Южного моря... Южным морем испанцы называли Тихий океан. В XVI — XVII веках это название часто встречалось в голландской, французской и английской литературе.

⁶³ ...и стали сооружать длинную барку... Барка — общее название грузовых плоскодонных судов с тупо скругленными на концах отвесными боками и штевнями. Барки бывают одно- и трехмачтовыми.

бежать. Однако Олоне никак не мог примириться с тем, что должен вернуться к своим людям без корабля. Он посоветовался с оставшимися, и пираты решили идти на единственной их барке к Картахене и там захватить какой-нибудь корабль. Но впоследствии выяснилось, что богу больше не угодно помогать этим людям, и он решил покарать Олоне самой ужасной смертью за все жестокости, которые он учинил над множеством несчастных. Итак, когда пираты прибыли в залив Дарьей, Олоне со своими людьми попал прямо в руки дикарей, которых испанцы называют индиос бравос.

Они разорвали Олоне в клочья и зажарили его останки. Об этом рассказал один из его сообщников, которому удалось избежать подобной участи, потому что он спасся бегством.

Таков был конец человека, который пролил несчетное количество крови и совершил множество мерзких преступлений.

Оставшиеся на острове, не имея долгое время никаких известий от Олоне, попросились на борт пиратского судна, шедшего с Ямайки в залив Грасиас-а-Дьос; эти пираты хотели затем подняться на каноэ вверх по реке и добраться до города Картаго. Обе пиратские шайки были обрадованы этой встречей; одни потому, что сидели на острове в глубокой нужде и провели в бездействии примерно месяцев десять, другие — неожиданно приобрели новых соратников. Когда пираты наконец подошли к заливу Грасиас-а-Дьос, они пересели в каноэ, рассчитывая продолжать путь вверх по реке. Люди Олоне им сопутствовали, и всего эта шайка насчитывала пятьсот человек; корабли они завели в устье реки и на каждом из них оставили человек по пять или по шесть. Отправляясь в путь по реке, пираты не взяли даже съестных припасов, ибо надеялись, что легко достанут по пути. Но они поступили весьма нерасчетливо, потому что индейцы, заметив их каноэ, тотчас же обращались в бегство и то малое, что у них было, уносили с собой и прятали в лесу.

Покинув побережье, пираты довольно скоро стали испытывать голод. Их утешала лишь надежда на богатую добычу, и они пробавлялись плодами, которые собирали на берегах реки. На четырнадцатый день плавания пираты окончательно истомились, испытывая нужду во всем необходимом. Тогда они решили покинуть реку, и пройти лесом, надеясь набрести на какие-нибудь селения или города и там раздобыть пищу. После долгих скитаний они поняли, что дело это безрассудное, снова вернулись к реке и решили плыть назад, к морю; однако многие умерли от голода, а остальные пожирали все, что только им попадалось под руку. Они съели даже башмаки и ремни от своих ножей. Да, пираты испытали такую нужду, что по примеру индейцев набрасывались буквально на все. В конце концов они добрались до индейских поселений на берегу моря и утолили голод.

Так закончились дела и неистовства Франсуа Олоне и его сообщников. Теперь же мы опишем важнейшие походы Джона Моргана, англичанина, который прославился не меньшей жестокостью к испанцам; удача, однако, ему сопутствовала значительно дольше.

Глава четвертая

Англичанин Джон Морган, его появление, первые походы и его слава.

Джон Морган⁶⁴ родился в Англии, в провинции Уэльс, называемой также Валийской Англией; его отец был земледельцем, и, вероятно, довольно зажиточным. Джон Морган не проявил склонности к полеводству, он отправился к морю, попал в гавань, где стояли корабли, шедшие на Барбадос, и нанялся на одно судно. Когда оно пришло к месту назначения, Моргана, по английскому обычаю, продали в рабство. Отслужив свой срок, он перебрался на остров Ямайку, где стояли уже снаряженные пиратские корабли, готовые к выходу в море. Он пристал к пиратам и за короткое время познал их образ жизни, сколотив вместе с товарищами за три или четыре похода небольшой капитал. Часть денег они выиграла в кости, часть получили из пиратской выручки. На эти деньги друзья сообща купили корабль. Морган стал его капитаном и отправился к берегам материка, желая кое-чем поживиться у берегов Кампече. Там он захватил много судов. В те времена на Ямайке жил старик пират, по имени Мансфельд⁶⁵; как-то раз он снарядил флотилию для похода на материк и в это время приметил Моргана. Он сразу же сообразил, что Моргана ему послала сама судьба, и предложил ему отправиться в поход в качестве вице-адмирала. Вскоре флотилия вышла в море. Она насчитывала шестнадцать кораблей с командой без малого в пятьсот человек,

⁶⁴ ...Джон Морган родился в Англии... Настоящее его имя было не Джон, а Генри.

⁶⁵ ...старик пират, по имени Мансфельд... Мансфельд был голландцем родом из Кюрасао. Англичане называли его Мансфильд.

среди которых были валлонцы и французы. Первая стоянка Мансфельда была на острове Санта-Каталина. Этот остров лежит неподалеку от Коста-Рики, на 12°30' северной широты, примерно в тридцати пяти милях севернее устья реки Чагре. Пираты разбили испанский гарнизон и захватили все укрепления. Часть укреплений Мансфельд приказал разрушить, а остальные усилить и оставил на острове отряд в сто человек, отдав им всех рабов, которые были захвачены у испанцев. Затем Мансфельд перешел на другой островок, который лежал от большого острова так близко, что на него можно было перейти по мосту. Он приказал перетащить туда все пушки, снятые с фортов Санта-Каталины, а дома сжечь. После этого он вышел в море, прихватив с собой всех испанцев, населявших эти места, и отвез их на материк в Пуэрто-Бельо.

Высадив пленников на берег, пираты отправились дальше вдоль берегов Коста-Рики. Вскоре они вошли в реку Колье, с тем чтобы разграбить все селения, которые встретятся по пути, и добраться до города Наты. Однако губернатор Панамы, узнав о появлении пиратов, выслал им навстречу довольно крупные силы, и Мансфельд был вынужден отступить. Убедившись, что, плавая вдоль всех здешних берегов, добиться можно немногого, Мансфельд решил вернуться на остров Санта-Каталина. Он надеялся предпринять новый поход, взяв с собой всех, кто остался на острове. На Санта-Каталине Мансфельд оставил француза Симона. Симон полагал, что никакие опасности не угрожают — укрепления казались ему неприступными. Он разбил на маленьком острове плантации и стал получать все необходимые средства для пропитания, с которыми можно было спокойно ждать транспорта с Ямайки. Мансфельд нашел по возвращении на Санта-Каталину остров в хорошем состоянии. Санта-Каталина могла теперь служить для пиратов отличным местом отдыха: в гавани было много всякого добра, остров лежал недалеко от испанского берега и с него удобно было отправляться в походы; обо всем этом я расскажу в третьей части книги. Поэтому Мансфельд решил отправиться на Ямайку и привезти подкрепление, которое наверняка сумело бы защитить остров от появлявшихся время от времени испанских отрядов. На Ямайке Мансфельд сообщил губернатору о своем намерении обосноваться на Санта-Каталине, но губернатор в помощи отказал. Во-первых, он боялся впасть в немилость у короля и его приближенных, а во-вторых, опасался, что силы Ямайки могут ослабнуть и она захиреет. Мансфельд понял, что без всякой помощи, одними своими силами остров не удержишь, и решил обратиться к губернатору Тортуги. Однако ему так и не удалось исполнить свое намерение, ибо его настигла смерть.

Между тем Симон, оставшийся на острове в качестве губернатора, уже давно ждал известий от Мансфельда. И тут дону Хуану Пересу де Гусману, только что получившему пост губернатора Коста-Рики, весьма осмотрительному и ловкому воину, пришло на ум, что он отлично послужит испанской короне, если захватит остров Санта-Каталина, где пираты еще недостаточно укрепились. Он собрал большие силы, чтобы очистить остров от пиратов и оставить на нем гарнизон. Одновременно дон Хуан отправил предводителю тамошних пиратов письмо, обещая ему большое вознаграждение за добровольную сдачу острова. Симон, зная, что на помощь надежды нет, согласился на эти условия и передал остров испанцам. Когда испанцы уже были на острове, к его берегам подошел английский корабль с Ямайки, который обычно в те воды посылал тамошний губернатор. На его борту было четырнадцать мужчин и одна женщина. Испанцы подняли английские флаги и потребовали от Симона, чтобы он вышел на берег и приказал корабельщикам зайти в гавань. Вскоре корабль захватили, и все пассажиры попали в плен. В честь этой большой победы над английскими пиратами испанцы устроили фейерверк. Один испанский инженер обо всех этих событиях составил памятную записку, написана она была на испанском языке его собственной рукой и попала ко мне. Мне сдается, что именно здесь ее уместно привести на пользу любознательному читателю.

«Достоверное повествование о победе, одержанной над английскими пиратами силой оружия Его Католического Величества и под предводительством дона Хуана Переса де Гусмана, кавалера ордена Сантьяго, губернатора и капитан-генерала Тьерра Фирме и провинции Верагуа.

Королевство Тьерра Фирме весьма могущественно, и у него достаточно сил противостоять пиратам с Ямайки. И до ее правителя дошли вести, что около материка появилось четырнадцать кораблей. Они захватывают и грабят подданных Его Католического Величества. 14 июня 1665 года из Панамы пришло донесение, что английские разбойники подошли к Пуэрто-де-Наос и одолели испанский гарнизон на острове Санта-Каталина, где губернатором был дон Эстебан де Кампо, которого взяли в плен, а с ним еще двадцать человек различной национальности. Хуан Перес де Гусман, губернатор и капитан-генерал, отдал приказ перепроводить бежавших заключенных, чтобы они повторили все сеньору Эдлену о том, как 27 мая после полуночи пираты, никем не замеченные с острова, высадились и на следующий день около шести часов утра без боя заняли все укрепления. Незадолго до 27 июня сеньор Эдлен собрал военный совет и доложил, что пираты чуть ли не каждодневно добиваются больших успехов; они стремятся овладеть всеми

Западными Индиями⁶⁶, к большому стыду и горю испанского народа. После того как пираты захватили остров Санта-Каталина, их аппетиты возросли и они вознамерились разграбить и разорить различные места и на побережье материка. Однако, отметил он, пока пираты еще не закрепились, нужно, собрав силы, освободить остров. На военном совете с ним были согласны не все: стоит ли драться с пиратами, говорили одни, ведь их можно обуздать и без особых на то мер, они и так покинут остров. Другие считали, что план губернатора в высшей мере выгоден испанской короне и никоим образом не опозорит испанскую нацию. Сеньор Эдлен, как начальник умный и расчетливый, отдал приказ приготовить провиант для солдат Пуэрто-Бельо, но поскольку он не мог никому передоверить это дело, то отправился туда сам, не обращая внимания на трудности пути.

Эта поездка была для него небезопасна. Однако он пошел на риск, будучи верноподданным короля. 7 июля он прибыл на место и вошел в гавань на хорошо вооруженном корабле «Сан-Винсенте», принадлежащем компании Негрос. Там он погрузил на корабль боевые припасы и назначил командиром судна капитана Хосе Санчо Хименеса, коменданта города Пуэрто-Бельо. Это был весьма мужественный воин. Ему дано было двести двадцать семь человек и сорок семь бывших пленников, в свое время взятых пиратами на Санта-Каталине. Все они, желая показать себя храбрыми воинами, готовы были драться как львы. Тридцать четыре испанца из гарнизона, двадцать девять мулатов из Панамы, двенадцать индейцев, прекрасных стрелков из лука, семь опытных канониров, два адъютанта, два лоцмана, один цирюльник и один монах. Вручив инструкции командиру, сеньор Эдлен потребовал от него следующее: поскольку губернатор Картахены хотя и обещал, но не прислал ни людей, ни кораблей, то он требует за счет Его Королевского Величества выделить ему такое подкрепление, какое он требует, и еще раз объявил ему о своей предполагаемой поездке на остров. Затем сеньор Эдлен разъяснил командиру отряда, как следует вести боевые действия и каким образом лучше захватить остров. А для этой цели у него было достаточно солдат. Кроме того, сеньор Эдлен передал ему письменное поручительство богатейших купцов Картахены, и корабль, груженный необходимым боевым припасом, был подготовлен к отплытию. Губернатор устроил войску смотр и приказал всем грузиться на борт. 14 июля рано утром он сам поднялся на корабль, чтобы вывести его из гавани. Когда губернатор убедился, что ветер попутный, он собрал всю команду и воодушевил их, напомнив о долге перед католической верой, и призвал всех проявить мужество, дабы покарать еретиков. Губернатор, будучи старым ветераном, не сомневался, что им удастся захватить остров. Он заверил всех под конец, что если они победят, то каждый будет щедро вознагражден за мужество и верность. После такой речи, полной любви к подчиненным и веры в них — а речь дошла всем до сердца, — он попрощался с командой и покинул корабль, который вскоре вышел в море.

На этом корабле 22 числа того же месяца они прибыли в Картахену, где командир, согласно приказу, передал все инструкции тамошнему губернатору. Тот отметил мужество вновь прибывших и распорядился оказать им помощь, отдав в их распоряжение фрегат, галион⁶⁷ и три барки, а также сто двадцать шесть солдат (шестьдесят шесть испанцев из гарнизона Картахены и шестьдесят мулатов). Во главе этого отряда был назначен дон Хосе Рамирес де Лейва. Однако подчинился он капитану Хосе Санчо Хименесу. После того как еще раз были обсуждены все предстоящие операции, корабли вышли из Картахены. Это было 2 августа.

10 числа показалась западная оконечность острова Санта-Каталина, и, несмотря на ветер, корабли стали на якорь у самой гавани. Во время шторма у рифов Кита Сигнос флотилия потеряла одну барку. Когда враги обнаружили их, прозвучало три залпа; на это они тоже ответили тремя залпами. Затем командир обратился к одному из разбойников с убедительным требованием сдать остров, ибо он выступил против подписанной обоими государствами статьи мирного договора. Пираты заупрямились, и оставалось только одно — уничтожить их. Ведь пираты ответили, что остров принадлежит английской короне и они скорее умрут, нежели сдадут его. В пятницу, 13 числа, из вражеского лагеря прибыло трое посланцев. Они сказали, что на острове всего семьдесят два человека и все эти люди очень испуганы появлением столь больших неприятельских сил. После такого признания наши люди, уверившись в победе, несмотря на сильный огонь из фортов, бросили якоря. Огонь пираты вели до поздней ночи.

17 числа, в воскресенье, святая Мария, владычица небесная, послала хорошую погоду — можно было высаживаться на берег, и победа нашим людям досталась следующим образом.

⁶⁶ ...*овладеть всеми Западными Индиями...* До XVIII века испанцы называли Америку Индиями или Западными Индиями. Термин этот не совпадает с установившимся обычаем у англичан, французов и голландцев называть американские владения Вест-Индией, под которой они подразумевали лишь Карибскую Америку.

⁶⁷ *Галион* — старинное испанское трехмачтовое судно, которое использовалось для перевоза золота и серебра. Такие суда отличались особо прочной постройкой, на них устанавливали крупные батареи пушек.

Флагманский корабль «Сан-Винсенте» целый день вел огонь против батарей Ла Консепсьон. Корабль вице-адмирала «Сан-Педрито» и галионы вели огонь против батареи Сантьяго. Шлюпы доставили на берег солдат, и они высадились у батареи Сантьяго, а затем сразу направились к форту Ла Кордатура. Адьютант Франсиско Касерес со своими людьми (а у него было человек пятнадцать) двинулся на рекогносцировку и, дойдя до форта Ла Кордатура, получил приказ вернуться: враг начал пальбу сразу из шестидесяти пушек.

Капитан дон Хосе Рамирес де Лейва атаковал с шестьюдесятью солдатами форт Ла Кордатура и после жестокой битвы захватил его.

Капитан Хуан Галено с отрядом в девяносто человек (половину отряда составляли мулаты и индейцы, и, кроме того, у Галено было три негра, которые к нему перебежали от пиратов) перевалил через хребет, чтобы добраться до крепости Санта-Тереса.

Дон Хосе Санчес Хименес, как генерал и губернатор, собрал оставшихся солдат, обошел форт Сантьяго, переплыл бухту на четырех шлюпах и под сильным орудийным и мушкетным огнем высадился на берег. В то же время капитан Хуан Галено бросился на штурм крепости, и его люди атаковали ее сразу в трех местах и так лихо, что шесть защитников были тут же убиты. Когда пираты убедились, что защищаться бесполезно, они обратились в бегство, заперлись в крепости Ла Кордатура и запросили пощады. Им подарили жизнь, и они тотчас же сдали крепость. Тогда дон Хосе Рамирес перешел через мост и захватил весь остров, подняв знамя Его Католического Величества. После этого все возблагодарили бога за то, что в день Марии, владычицы небесной, он споспешествовал столь великой и блистательной победе.

Убито было шесть англичан, несколько было ранено и семьдесят человек взято в плен; мы потеряли одного человека, и четверо из наших людей было ранено.

На острове оказалось две тысячи восемьсот фунтов пороха, двести пятьдесят мушкетных зарядов, восемьсот фунтов фитилей и прочее боевое снаряжение. На следующий день дон Хосе Санчес Хименес, выполняя свой долг, повесил двух испанцев, которые находились на острове с английскими пиратами и воевали против своего короля.

10 сентября к острову подошел небольшой английский корабль. Губернатор потребовал от мосье Симона, француза по рождению, чтобы тот сказал вновь прибывшим, будто остров во власти англичан; пират выполнил это приказание с большим усердием. Корабль вошел в гавань. На нем было четырнадцать мужчин и одна женщина с маленькой дочерью. Все шестнадцать были присоединены к остальным пленникам.

Английские разбойники были доставлены в нашу страну, причем сеньор Эдлен отдал приказ: троих отправить в Панаму и в дальнейшем содержать в крепости Сан-Херонимо, которая находится в городе Пуэрто-Бельо. Таким образом, план сеньора Эдлена оказался мудрым, и выполнен он был весьма искусно. На берегу острова, в гавани, он заложил прямоугольный каменный форт: его объем составлял восемьдесят восемь кубических футов, стены были толщиной в четырнадцать футов, а куртина шириной в семьдесят пять футов. Вся же цитадель со складами и мастерскими занимала площадь в триста квадратных футов. Постройка крепости не стоила Его Католическому Величеству буквально ни гроша, и сеньор еще получил немало денег».

Я передал содержание этой записки слово в слово, чтобы читатель сам убедился, какой шум поднимали испанцы из-за совершеннейших пустяков. По их словам, они встретили сопротивление и захватили семьдесят человек, которых тут же весьма охотно отпустили. Но хоть силы у испанцев были и немалые, пираты, пожелай они того, смогли бы без труда отразить неприятеля, и о таких случаях я расскажу в третьей части книги и приведу убедительные и яркие доказательства своей правоты.

Глава пятая

Когда Морган — а он находился на Кубе — узнал, что его предшественник и командир погиб, он решил превратить Каталину в пиратское гнездо. Морган долго размышлял, как это лучше сделать, и не раз совещался с этой целью со своими товарищами. Морган отправил письма многим купцам Новой Англии⁶⁸ и просил их прислать ему необходимые припасы; он желал так укрепить остров, чтобы испанцы уже никогда не смогли им снова овладеть. Английского же короля он не опасался. Но из-за несчастья, случившегося с островом, все его замыслы рухнули. Правда, Морган не пал духом, а, напротив, стал осуществлять новый план. Он приказал снарядить судно и решил собрать как можно больше кораблей и взять с собой всех, кто пожелает идти вместе с ним. Он решил атаковать наиболее укрепленные испанские

⁶⁸ ...купцами Новой Англии... Новой Англией называли территорию, занимаемую теперь шестью штатами США — Мэн, Нью-Хэмпшир, Род-Айленд, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут.

селения. Сбор был назначен на островках, лежащих к югу от Кубы. Чтобы читателю яснее стало наше повествование, я считаю нужным предпослать описанию походов Моргана краткое описание острова Кубы.

Краткое описание острова Кубы

Остров Куба лежит между 20 и 23° северной широты, на 300° восточной долготы и вытянут с запада на восток. В длину он достигает примерно ста шестидесяти немецких миль, а в ширину — сорока миль. Он не менее плодороден, чем остров Эспаньола, о котором шла речь в первой части этой книги. Куба поставляет большое количество кожи, которую в Европе называют гаванской. Вокруг острова бесчисленное множество небольших островов, и такие островки местные жители называют кайос. На них-то и обосновались пираты, превратив их в постоянное убежище, и там они жили, совершенно не опасаясь испанцев. На острове много прекрасных рек, есть хорошие гавани — Сантьяго, Байамо, Санта-Мария и Санто-Эспириту, Тринидад, Ягуада, Корьенте. Эти гавани лежат на южном берегу; на северном же берегу расположены гавани Гавана, Пуэрто-Мариана, Санта-Крус, Мата-Рикос и Баракоа. На острове две столицы. Одна расположена на южном берегу — это город Сантьяго, и подчиняется ему добрая половина острова. Там находится резиденция губернатора и епископа. Им подчиняются следующие города и поселения: на южном берегу — Санто-Эспириту, Пуэрто-дель-Принсипе и Байамо, на северном — Баракоа и Вилья-делос-Кайос. Наиболее оживленную торговлю купцы Сантьяго ведут с Канарскими островами; они везут туда сахар, табак и древесину — все, что получает округа, которая тяготеет к Сантьяго. Этот город был однажды ограблен пиратами с Ямайки и Тортуги; в нем имеется крепость.

Город Гавана лежит на северном побережье Кубы; это самый значительный и самый прекрасный город Вест-Индии. Ему подчиняется вся западная часть острова, а кроме того, места, где ведется торговля табаком, — Санта-Крус на северном берегу и Тринидад на южном. Гавана снабжает табаком всю Новую Испанию и Коста-Рику и земли вплоть до Южного моря. Однако этот табак несученый⁶⁹. Город Гавана защищен тремя сильными фортами; два из них находятся в гавани и один на холме, который господствует над всем городом. Жителей в Гаване больше десяти тысяч; тамошние торговцы поддерживают отношения с Новой Испанией, берегом Кампече, Гондурасом и Флоридой. Все, кто направляется в Испанию из Каракаса, Картахены, Новой Испании, Коста-Рики и Гондураса, останавливаются и отдыхают в Гаване, поскольку город лежит на пути из Америки в Испанию. Здесь стоянка Серебряного флота⁷⁰, который догружается в Гаване, сюда прибывают корабли с кожей и кампешевым деревом.

Морган провел на прибрежных островах Кубы не меньше двух месяцев. За это время он собрал флотилию из двенадцати кораблей с командой в семьсот человек. Там были англичане и французы. Морган созвал пиратов на совет и стал выяснять, куда же нужно идти. Некоторые высказались за то, чтобы захватить Гавану: разграбить ее и взять в плен ее жителей будет совсем нетрудно, стоит только захватить крепость. К ним присоединились и другие, однако окончательного решения вынести не удалось, потому что среди пиратов оказался человек, который прежде содержался в Гаване под стражей. Он считал, что для такого дела силы у пиратов явно недостаточны. Понадобилась бы, сказал он, флотилия с полторатысячным войском. Только в этом случае у пиратов явилась бы надежда захватить город, да и то следующим образом: нужно было бы подойти со стороны острова Пинос, затем доставить людей на маленьких судах в Матамано, селение, расположенное примерно в четырнадцати милях от Гаваны. Когда пираты поняли, что Гавана им не по зубам, они принялись искать другие места. Один из них предложил идти на город Эль-Пуэрто-дель-Принсипе, тоже расположенный на острове Кубе; он был не хуже, и у его жителей было много денег, ибо туда часто приезжали торговцы из Гаваны и привозили деньги; здесь они купали кожу, которую затем перепродавали. Но и это место отпало, потому что оно далеко от моря, а, говоря откровенно, пираты-англичане на суше сражаются не очень лихо. Это хорошо понимали и Морган, и его товарищи. Все же они решили отправиться в Пуэрто-дель-Принсипе, в местечко, которое теперь называется Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария. Когда пираты уже были в море, один испанец, долгое время находившийся в плену у англичан, уловил из их бесед, что речь идет именно о Пуэрто-дель-Принсипе. Ночью он прыгнул в воду и поплыл на берег. Правда, за ним тотчас же спустили каноэ, но он оказался на берегу значительно раньше и моментально затерялся среди деревьев. На следующий день он переплыл с одного острова на другой и таким образом добрался до Кубы. Он знал все тропки и довольно скоро достиг

⁶⁹ ...однако этот табак несученый... Речь идет о нерезанном табаке, который в Европе был малоизвестен и изредка употреблялся как трубочный табак.

⁷⁰ ...Здесь стоянка Серебряного флота... Серебряный флот — испанская флотилия, перевозившая в Европу серебро из американских колоний.

Пуэрто-дель-Принсипе, где предупредил испанцев, что появились пираты. Жители города тут же стали прятать свое добро, а губернатор вышел с отрядом рабов к той дороге, где могли появиться пираты. Он приказал срубить побольше деревьев, завалить ими дорогу и устроить различные засады. На них он поставил несколько пушек. В городе и в окрестных селениях он набрал человек восемьсот, оставил на каждой засаде необходимый отряд, а остальных привел на довольно открытое место, лежащее близ города: оттуда можно было заметить врага еще издали. Пираты наткнулись на испанцев, когда они еще только укреплялись. Все взвесив, они свернули в лес и обошли несколько испанских укреплений. Наконец пираты вышли на открытое место, которое испанцы называли саванной. Пиратов заметили, и губернатор тотчас же выслал им навстречу конников и приказал им обратить пиратов в бегство и переловить всех до одного. Он полагал, что пираты, видя, какая на них надвигается сила, дрогнут и лишатся мужества. Однако все произошло не так, как ему думалось: пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: заметив, что их атака не действует на пиратов и что те непрерывно ведут стрельбу, испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться. Но немногие добежали до леса — большинство пало на поле битвы. Правда, небольшой кучке испанцев все же удалось спрятаться в зарослях. Пираты немедля двинулись на город; они были воодушевлены беспорной победой; действительно, в этом бою — а длился он часа четыре — убитых и раненых у них почти не было. Пираты покинули саванну и вступили в город. Тут им снова оказали сопротивление, на этот раз в бой вступил гарнизон города, причем плечом к плечу с солдатами сражались женщины. К этим защитникам города присоединились и остатки испанцев, разбитых в саванне. Горожане все еще надеялись уберечь город от разграбления. Некоторые закрылись в домах и стреляли из окон; однако пираты пригрозили спалить весь город и истребить всех женщин и детей. Испанцы очень испугались — они-то хорошо знали, что пираты мигом выполняют свои посулы, — и сдали город.

Итак, пираты захватили город и согнали всех испанцев, взятых на поле боя, вместе с женщинами, детьми и рабами в церковь, а потом принялись грабить, и хватали они все, что попадало им под руку. Перешарив все улицы, пираты стали опустошать окрестности, и каждый день приносил им новую добычу и новых пленных. Времени у них было в обрез, ибо они собирались оставаться в городе, пока не иссякнет пища и питье. Бедным, несчастным пленникам, сидевшим в церкви, приходилось очень туго, они проводили время куда менее приятно, чем пираты, живя впроголодь и испытывая всяческие муки, которые им причиняли пираты, старавшиеся выведать, где спрятано их добро и деньги. Но у большинства бедняг, как ни пытай, не было ни того, ни другого: ведь они трудились день-деньской, чтобы прокормить своих жен и детей. Изверги не желали обычно ничего знать; они говорили: либо принеси деньги, либо повесим. И бедные женщины, прижимая к груди своих младенцев, жили в ожидании ужасного конца, ибо не за горами была гибель от голода и страданий. А пираты были лишены чувства жалости. Всякий раз, когда являлась у них нужда в мясе, они приканчивали корову или иную скотину, себе выкраивали лучшие куски, а остатки бросали пленникам — словом, делали все, что им вздумается.

Когда припасы кончились и грабить уже было больше некого, пираты решили уйти. Они приказали пленникам внести выкуп и пригрозили, что в случае отказа всех увезут на Ямайку; кроме того, они посулили, что подожгут город и оставят после себя лишь руины и пепел. Все это они передали пленникам через четырех пленных испанцев. Вымогая выкуп и грозя сжечь город (а это они легко могли сделать), пираты приумножали муки несчастных горожан.

Четверо испанцев вернулись и в один голос заявили предводителю пиратов: горожане готовы сделать все, лишь бы не допустить пожара, но у людей больше ничего не осталось. Генерал пиратов сказал, что подождет четырнадцать дней и за это время деньги должны быть доставлены во что бы то ни стало. Пока испанцы торговались с Морганом, стремясь спасти город от сожжения, семь или восемь пиратов отправились на охоту и поймали негра, который возвращался в город с письмом к одному из пленников. Когда письмо вскрыли, оказалось, что оно послано губернатором города Сантьяго, который писал, что вскоре придет многочисленное подкрепление и что горожанам не следует спешить с выкупом, они должны добиться новой отсрочки дней на четырнадцать. Морган понял, что испанцы, прикидываясь бедняками, его обманывают. Он велел перенести всю добычу на берег к тому месту, где стояли корабли, и объявил испанцам, что, если завтра же они не внесут выкуп за город, он тотчас же предаст его огню. О письме, которое попало в его руки, он, конечно, не упоминал.

Но испанцы ответили ему, что Морган требует невозможного: люди рассеялись кто куда и их не соберешь. Наконец путем всяческих козней Моргану удалось получить пятьсот голов скота и засолить впрок мяса и сала. Он взял с собой шесть знатнейших жителей в качестве заложников, прихватив также

рабов, и отправился на побережье. Днем на то место, где стоял Морган со своей флотилией, пришли испанцы, привели последних коров и потребовали заложников. Но Морган не верил ни одному их слову и отказался выдать заложников, пока мясо не будет перенесено на корабль. Чтобы освободить своих сограждан и главу города, испанцам пришлось вместе с пиратами разделять туши и засаливать мясо. Пираты разрешали им работать довольно охотно, заставляли переносить мясо на корабль, а сами буквально ни к чему не притрагивались.

Тем временем между французами и англичанами возникли нелады; они едва не пропоролы друг другу животы во время драки, которая завязалась, когда один англичанин убил француза, поспорив с ним из-за какой-то мозговой кости. А дело было так: когда разделяют мясо, высасывают мозг, об этом я уже рассказывал в первой части книги; эти люди поступали так же. Француз разделял тушу. Пришел англичанин и высосал мозговую кость. Началась ссора, которая кончилась стрельбой из пистолетов. При этом, когда они стали стреляться, англичанин хитростью одолел француза: он выстрелил противнику в спину. Французы собрали приятелей и решили схватить англичанина. Морган встал между спорщиками и сказал французам, что уж если они так заботятся о правосудии, то пусть подождут, пока все не вернется на Ямайку — там они и повесят англичанина. На его жизнь не посягали бы, если бы он стрелял не по-предательски. Среди пиратов дуэли бывают каждый день, но все шло без осложнений, если человека не убивали выстрелом в спину. Итак, Морган приказал связать преступника по рукам и ногам, чтобы доставить на Ямайку. Тем временем все мясо было засолено и доставлено на корабли. Морган освободил заложников и вышел со своей флотилией в море; в качестве сборного пункта для дележа добычи он наметил один из островков близ берега Кубы. Там пираты разделили добычу как полагалось, и на каждого человека пришлось по пяти тысяч реалов золотом, серебром и различными товарами. Но надеялись они на более жирную добычу: этой им не хватило даже для расплаты с долгами на Ямайке. Прежде чем они подошли к Ямайке, Морган предложил разграбить еще одно селение. Но французы никак не могли договориться с англичанами, их суда разошлись, и Морган остался с горстью своих людей. Однако он дал понять французам, что будет относиться к ним по-прежнему, если они останутся, и посулил им, что честно выполнит свое обещание. Но французы не остались. Впрочем, они заверили его, что относятся к нему как к другу, а Морган обещал им устроить суд над убийцей. Вернувшись на Ямайку, он тотчас же приказал повесить англичанина, из-за которого разгорелись страсти.

Глава шестая

Морган принимает решение захватить Пуэрто-Бельо, собирает флот и овладевает городом с горстью пиратов.

Когда французы покинули Моргана, то для англичан, казалось бы, настали плохие времена и мужество, необходимое для новых походов, у них иссякло. Однако Морган приободрил их. Он сказал, что стоит им лишь последовать за ним, и он найдет средства и пути, чтобы добиться успеха. Предложение Моргана побудило их снова отправиться вместе с ним. К флотилии Моргана примкнул еще один пиратский корабль, который побывал в Кампече. Вместе с его командой у Моргана было четыреста шестьдесят человек, и он считался адмиралом. Когда наконец все было готово, он вышел в море без заранее разработанного плана, так как был абсолютно уверен, что добудет своим людям хорошую добычу. Он взял курс к материку и несколько дней спустя подошел к побережью Коста-Рики. Когда местность было точно опознана, Морган решил совершить нападение на испанцев и сообщил об этом своим людям. По его мнению, в первую очередь следовало захватить и разграбить Пуэрто-Бельо. При этом он заметил, что сделать это совсем нетрудно: ведь на берегу никто не догадывается об их прибытии. Ему возразили, что вылазка вряд ли удастся, потому что сил для нее явно в обрез. Но Морган ответил: «Чем нас меньше, тем больше достанется на каждого». И, выслушав это, все немедленно разошлись по своим местам.

Чтобы читатель смог составить самое полное представление об этом смелом нападении, рассказу о нем надо предпослать краткое описание Пуэрто-Бельо. Город этот лежит на берегу Коста-Рики (а Коста-Рика по-испански «богатый берег») на 10° северной широты, 301°30' восточной долготы, примерно в сорока милях от залива Дарьей и восьми милях от гавани Номбре-де-Дьос. После Гаваны и Картахены этот город, пожалуй, самый значительный из всех городов, заложенных испанским королем в Западных Индиях. Он защищен двумя крепостями, которые расположены у самого входа в гавань и могут отразить атаку любого корабля. В них всегда постоянный сильный гарнизон — триста солдат. В городе около четырехсот коренных жителей, кроме того, там живут и купцы, дожидаясь, пока нагрузят их корабли. Однако почва в этих местах постоянно выделяет испарения, и поэтому климат не очень-то здоровый, и купцы охотнее живут в Панаме, хотя их склады находятся в Пуэрто-Бельо и там работают их служащие. Из Панамы на

мулах туда привозят серебро к прибытию испанских галионов и кораблей, доставляющих негров.

Морган хорошо знал эти места. Вечером он подошел к Пуэрто-де-Наос, примерно в десяти милях западнее Пуэрто-Бельо, и той же ночью, держась берега, вышел к Пуэрто-дель-Понтин, лежащему в четырех милях от города. Там он отдал якори и посадил отряд в каное и гребные лодки; на борту Морган оставил только необходимую охрану, нужную лишь для того, чтобы затем ввести корабли в гавань. К полуночи пираты добрались до местечка Эстера Лонга Лемос и там высадились. Оттуда они двинулись к первым форпостам города. Их вел англичанин, который уже бывал в этих местах в плену и знал все дороги. Англичанин пошел вперед, прихватив с собой еще трех или четырех пиратов. Они двигались совершенно бесшумно, тихо сняли часового и доставили его к Моргану. Морган стал допытываться, в какую пору в городе встают и какие силы у защитников. Часовой на эти вопросы ответил. Пираты заставили его пойти во главе отряда и пригрозили, что прирежут его, если выяснится, что он хоть в чем-нибудь соврал. Спустя четверть часа отряд наткнулся на редут. Пираты заняли его, не потеряв ни одного человека. Перед штурмом Морган заявил испанцам, что, если они не сдадут редута, пощады им не будет. Но испанцы решили сражаться и открыть стрельбу, хотя бы затем, чтобы их услышали в городе и подняли там тревогу. Редут взяли довольно быстро — пираты подорвали его вместе со всеми защитниками. Затем пираты отправились прямо к городу. Большинство жителей еще спало: никто и вообразить себе не мог, что пираты отважатся напасть на столь укрепленный город, как Пуэрто-Бельо. Как только пираты вошли в город, все, кто был на ногах, принялись собирать свое имущество и прятать его в ямах. Испанцы еще надеялись задержать пиратов; часть из них отправилась к крепости, а другие к монастырям, беря с собой всех попадавшихся по пути. Губернатор тоже прибыл в крепость и приказал открыть по противнику сильный огонь, однако пираты не медлили. Они осмотрелись и бросились на укрепления, где стояли пушки; пока испанцы заряжали их, семь или восемь солдат уже пали замертво. Бой длился с раннего утра до полудня, но пираты никак не могли захватить крепость. Их корабли стояли перед входом в гавань, и тех, кто вздумал бы бежать морем, встретила бы мощная стена огня. Огонь обрушился на крепость с обеих сторон. И стоило пиратам подойти к стенам поближе, как испанцы тут же обратили их в бегство. Они сбросили пятьдесят горшков с порохом, кидали большие камни и причиняли врагу большой ущерб. Морган и его товарищи пали было духом. Но вдруг над малой крепостью они увидели английский флаг и с возгласом «Победа!» валом кинулись на штурм. Выиграв бой, Морган снова возгорелся отвагой и отправился в город, чтобы изыскать способ для захвата малого форта. Он приказал доставить знатнейших жителей города и прихватить из церковной сокровищницы серебро, золото и разные драгоценности, а затем отдал распоряжение сколотить лестницы, по которым один за другим могли бы подняться сразу четыре человека. Морган приказал группе монахов и женщин отнести лестницы к крепости и прислонить их к стенам. Он уже грозил губернатору, что заставит монахов штурмовать крепость, но губернатор не пожелал ее сдать; пока я жив, сказал он, крепость сдана не будет. Поэтому Морган и в самом деле заставил монахов, священников и женщин приставить лестницы к стене; он полагал, что губернатор не станет стрелять в своих людей. Однако губернатор шадил их не больше, чем пиратов. Монахи именем господина и всех святых взмолились, чтобы губернатор сдал крепость и сохранил им жизнь, но никто не внимал их мольбам. Беднягам пришлось поставить лестницы, а затем пираты влезли на них с ручными гранатами и горшками с порохом, но встретили не менее яростное сопротивление. Однако они не пали духом. Часть пиратов подожгла крепостные ворота, а остальные столь же проворно забрались наверх. Испанцы увидели, какие силы надвигаются на них, и решили бежать. В крепости остался только губернатор, который, отчаявшись, стал истреблять своих же людей, словно врагов. Пираты предложили ему сдаться, однако он ответил: «*de ninguna manera; porque mas valle morir como soldado honrado quesar ahorcado como cobarde*». (Никогда! Лучше умереть как храброму солдату, нежели быть повешенным как трусу). Пираты решили взять его в плен, но им это не удалось, и губернатора пришлось убить. Его жена и дочь, которые были в крепости, просили пиратов пощадить их мужа и отца, но просьбы эти оказались тщетными. Когда крепость пала — это случилось уже под вечер, — все пленники были доставлены в особые здания: мужчины в одни, женщины в другие. Пираты выделили караул для их охраны, а затем перенесли своих раненых в дом, стоявший поблизости. Когда все было кончено, пираты принялись пить и развлекаться с женщинами. В эту ночь полсотни отважных людей могли бы переломать шеи всем разбойникам.

На следующий день пираты стали обшаривать и грабить городские дома; при этом они допытывались у пленных, кто в городе богаче всех. Пленники им это сказали, и пираты схватили богачей, чтобы дознаться, куда они дели свое добро. Всех, кто упорствовал и не желал по доброй воле признаваться, тащили на дыбу и терзали, пока он не отдавал богу душу или не показывал все, что от него требовалось. Были и такие, кто не имел вообще никакого добра; они также умирали под пытками, как мученики. Пираты не отпускали никого, и пленники показывали, где спрятано их добро.

Между тем президент Панамы, получив известие о нападении пиратов, стал собирать отряд для освобождения Пуэрто-Бельо. Об этом сказали пиратам пленники. Но пираты не слишком тревожились; правда, они держались неподалеку от кораблей, и, если бы сила оказалась не на их стороне, готовы были тотчас же поджечь город и уйти в море. Спустя четырнадцать дней многих стала косить эпидемия, от трупов шло зловоние; кое-кто пострадал от распутства — вина и женщин. Большинство раненых пиратов погибло. Погибло много и испанцев, однако не от обжорства, а от голода и горя: ведь если в былые времена начинали они день чашкой шоколада, то теперь считали за счастье поживиться кусочком хлеба или обрезком ослятины.

Между тем у Моргана все было готово для выхода в море. На корабли погрузили добычу и все припасы; кроме того, через пленников Морган сообщил, что требует выкупа за город: иначе он предаст все дома огню и сравняет крепость с землей. Желая дать возможность испанцам собрать деньги, он отпустил двух человек и потребовал от них, чтобы они ему доставили сто тысяч реалов. Эти испанцы добрались до президента Панамы и сообщили ему все, что произошло в Пуэрто-Бельо.

Президент собрал людей и подошел к окрестностям Пуэрто-Бельо. Пираты, стоящие в дозоре, почуяли, откуда дует ветер, и, выбрав момент, когда испанцы были в теснине, бросили на них хорошо вооруженный отряд в сто человек. Пираты перебили множество испанцев и вернулись в крепость. Президент Панамы предупредил Моргана, что если он сейчас же не покинет крепость, то испанцы нападут на них и никого не пощадят. Однако Морган не ведал страха и всегда действовал наудачу. Он ответил, что до тех пор не покинет крепость, пока не получит выкупа. Если же он вынужден будет уйти, то сравняет крепость с землей и перебьет всех пленников. Губернатор Панамы никак не мог придумать, как же сломить разбойников, и в конце концов бросил жителей Пуэрто-Бельо на произвол судьбы и приказал своим людям покинуть город. Наконец горожане собрали деньги и выплатили пиратам сто тысяч реалов выкупа.

Президент Панамы чрезвычайно удивился, как это четыреста человек без пушек смогли взять, казалось бы, неприступную крепость. Он послал к Моргану человека с просьбой рассказать, каким же образом удалось взять столь сильное укрепление. Морган встретил посланца очень приветливо, дал ему французское ружье длиной в четыре с половиной фута⁷¹, стреляющее пулями весом шестнадцать штук на фунт, а также патронташ с тридцатью зарядами, также французский, и прочие принадлежности. Вручив подарки, Морган передал через этого гонца президенту, что дарит ему ружье и что через год или два сам придет в Панаму. Президент в ответ послал Моргану подарок: золотое кольцо со смарагдом; он поблагодарил Моргана и передал, что с Панамой ему не удастся проделать то же самое, что с Пуэрто-Бельо, даже если Моргану удастся подойти к городу.

Наконец Морган отбыл, нагрузив корабли провиантом и взяв из Пуэрто-Бельо все необходимое для плавания. Кроме того, он не мог отказать себе в желании кое-что прихватить с собой на память и поднял на борт несколько басов⁷², а все остальные приказал заклепать. Спустя некоторое время Морган подошел к южным островкам близ Кубы и там, по обычаю, уже описанному прежде, разделил всю добычу, а она составила двести пятьдесят тысяч реалов золотом, драгоценностями и серебряными изделиями, а сверх того, взято было много холста, шелков и других товаров. Разделив добычу, Морган вернулся на Ямайку, и там его все превозносили и славил: ведь он добыл кучу денег.

Глава седьмая

Повествование о захвате города Маракайбо, лежащего на побережье Новой Венесуэлы, а также о других грабежах в лагуне Маракайбо и победе над тремя испанскими кораблями, которые пытались запереть пиратов в лагуне.

Прожив некоторое время на Ямайке, Морган убедился, что его люди спустили всю выручку, и снова собрался в поход к испанским берегам. На этот раз местом встречи он назначил остров Ваку, расположенный к югу от Эспаньолы. Там можно было отремонтировать корабли и запастись съестными припасами: на острове повсюду водились дикие свиньи. Вскоре там собралось довольно много английских и французских пиратов, и они решили пойти с Морганом, потому что последний поход, окончившийся столь удачно, его повсеместно прославил. В это время из Новой Англии прибыл на Ямайку королевский тридцатишестипушечный корабль. Губернатор отослал его Моргану, чтобы тот попытал на нем счастья,

⁷¹ ...французское ружье длиной в четыре с половиной фута... — особые буканьерские ружья, которые поставляли Дьепп и Нант. Лучший буканьерский порох был из Шербурга.

⁷² ...поднял на борт несколько басов... Бас — небольшая пушка, стреляющая картечью.

напал на какой-нибудь укрепленный город и захватил изрядную добычу. Прибытие этого корабля очень обрадовало Моргана: ведь в его флотилии не было ни одного судна, которое можно было бы использовать для осады крепостей. Кроме того, он повстречал французский корабль с двадцатью четырьмя пушками и двенадцатью басами, но его экипаж не пожелал идти в поход под командой англичанина. Однако капитан французского корабля, встретившись с Морганом в открытом море, когда у того иссякли запасы провизии, дал ему провиант и даже не взял за это денег, отсрочив платеж до возвращения Моргана на Ямайку и Тортугу. Как только Морган убедился, что француз не хочет идти с ним, он приказал взять капитана в плен и доставить на свой большой корабль (который он только что получил) и потребовал от него передачи судна на том основании, что оно было захвачено англичанами. Потом Морган собрал у себя военный совет с капитанами других пиратских кораблей, и на этом совете пираты обсудили, в какое именно место испанского побережья им надлежит отправиться. Договорившись, пираты подняли паруса и взяли курс на восточную оконечность острова Эспаньолы, чтобы затем отправиться к острову Савоне; они решили, что суда сперва разойдутся, а потом снова соберутся в условленном месте, и там уже они договорятся окончательно, куда же им идти дальше. На всех кораблях выпили за здоровье короля и будущие успехи; при этом многие подняли стрельбу — господа были внутри корабля, а все остальные на палубе. Но весело было начало, а печальным оказался конец этого пиршества. Шальным выстрелом из мушкета какой-то пират угодил в пороховой погреб и корабль — а на нем было триста англичан и пленники французы — взлетел на воздух. без малого тридцать человек простились с жизнью, но те, кто был в каютах, спаслись и отделались довольно легко. Моргану слегка свело ногу. Все находились на корме корабля, а на английских судах пороховые погреба располагаются в носовой части. И спаслось бы еще больше, если бы команда не перепилась до такой степени. Англичане не знали, чем объяснить это несчастье, и свалили все на французов, обвинив их в том, что они подорвали английский военный корабль; пираты говорили, будто французы получили от испанцев поручение напасть на английский корабль и завладеть им, если это удастся. В доказательство они показывали охранное письмо, отнятое у французов, а письмо это они получили у губернатора Баракоа; губернатор разрешал им следовать на Кубу и нападать на английские корабли, то есть на пиратов Ямайки. Хотя Испания и не была в состоянии войны с английской короной, но пираты день ото дня причиняли испанским владениям все больший вред. Охранное письмо француз получил не для того, чтобы сражаться с пиратами: ведь он сам находился под защитой английских разбойников; скорее оно нужно было для того, чтобы вести с испанцами торговлю. Капитана французского судна оставили в живых, но дело было уже загублено. Англичане вернулись на Ямайку; французский капитан последовал за ними, надеясь устроить там свои дела; однако по прибытия на Ямайку он угодил в тюрьму и одно время опасался, что его повесят.

Несмотря на все неприятности, Морган не растерялся и решил продолжить начатое дело с теми пиратами, которые у него были. Спустя восемь дней после взрыва английского корабля англичане выловили разлагающиеся тела убитых, однако не для того, чтобы их похоронить, как повелевал печальный долг, а чтобы снять с них одежду и золотые кольца. Пираты выловили трупы, сняли с них платья и отрубили пальцы, на которых были кольца, а затем бросили тела за борт на съедение акулам. Долгое время к берегу волны прибывали человеческие кости.

Морган остался верен принятому решению: на острове Савоне он должен был собрать совет, чтобы выяснить, куда же держать путь. Так как он сам назначил этот остров для встречи, то пошел к нему под всеми парусами с оставшимися пятнадцатью кораблями. Он командовал самым крупным кораблем, на котором было четырнадцать пушек. Команды всех пятнадцати кораблей в общей сложности насчитывали девятьсот шестьдесят человек. Через несколько дней пираты подошли к мысу Кабо-де-Лобос, лежащему на южном побережье Эспаньолы, примерно на середине пути от мыса Тибурон к мысу Пунта-дель-Эспада. Тут поднялся сильный восточный ветер, и бушевал он целых три недели; что ни день, пираты предпринимали попытки поставить паруса, чтобы обойти мыс, но это им не удавалось. Наконец они все-таки добрались до места. В семи или восьми милях от рейда они заметили еще один корабль. Это был англичанин, шедший прямо из Англии. Несколько кораблей отделились от флотилии и направились навстречу, надеясь что-либо купить на этом судне. Морган же следовал своим курсом и назначил местом встречи пролив Окоа, где обещал подождать отставшие корабли.

Спустя два дня Морган достиг пролива Окоа, запаса воды и стал на якорь, поджидая остальные корабли. Между тем его люди — человек примерно по пять или шесть с каждого судна — высадились на берег, чтобы раздобыть свежие припасы и тем самым сберечь заготовленные. Они истребляли и лошадей, и ослов, и коров, и овец. Испанцам же это пришлось не по вкусу; заметив, что каждый раз пираты сходят на берег небольшими группами, они решили сыграть с ними шутку. Испанцы послали за солдатами в Санто-Доминго, а в гарнизоне этого города, расположенного неподалеку, было человек триста — четыреста.

Когда пираты снова сошли на берег, испанцы угнали весь скот с пастбищ на морском берегу. Пираты вошли в лес и удалились примерно мили на три, и было их всего человек пятьдесят. Испанцы выгнали на них отменное стадо быков и трех-четырёх пастухов, которые это стадо пасли. Пираты убили одного быка, а остальных не тронули, но только они взялись за тушу, чтобы утащить, как испанцы напали на них с криками «*Mata, mata!*» (что по-испански означает «убей, убей!»). Пираты бросили добычу, построились и как бешеные накинулись на врагов; половина пиратов вскоре сложила головы, оставшиеся дрались отчаянно. Бой длился довольно долго, но в конце концов пираты отступили и скрылись в лесу. Испанцы пустились было их преследовать, но когда убедились, что пираты стреляют без промаха, то прекратили преследование. Тем временем пираты остались в лесу, чтобы собрать раненых и перенести их затем на берег. Они увидели, как испанцы унесли в саванну своих убитых и раненых, прихватив при этом труп одного пирата. Вокруг него собралась целая толпа испанцев, все шпиговали тело шпагами и кричали: «*El cornudo Ladron!*»⁷³. Как только пираты убедились, что часть испанцев удалилась, они набросились на оставшихся и перебили их. Труп товарища, на котором они насчитали более ста ран, пираты взяли с собой и похоронили в лесу. Затем они убили на мясо нескольких лошадей и вынесли раненых. На следующий день на берег сошел сам Морган с отрядом в двести человек, но испанцы были уже далеко и увели с собой всех коров. Тогда Морган спалил на берегу несколько домов и вернулся на корабль.

Морган понял, что кораблей он здесь не дожидается, и приказал всем своим судам выйти в море; спустя некоторое время его флотилия достигла острова Савоны, у берегов которого назначен был сбор всем кораблям флотилии. Но и там Морган не нашел никаких следов отбившихся кораблей. Он выделил сто пятьдесят человек и направил их на остров Эспаньола, где эти люди должны были разграбить кое-какие поселения неподалеку от Санто-Доминго и запастись провиантом для дальнейшего плавания. Но люди, посланные Морганом, вернулись ни с чем: испанцы каким-то образом узнали, что на берегу появились пираты, и схватили ружья, но разбойники, которые были готовы сражаться только ради денег, ушли.

Морган окончательно убедился, что товарищей ему не дожидаться, сделал смотр всем своим силам и обнаружил, что на каждом из восьми кораблей насчитывается примерно по пятьдесят человек; его корабль, как я уже говорил, был самый большой. Согласно первоначальному плану, пираты собрались разграбить буквально все города и поселения на берегах Каракаса. Однако теперь, когда дела пошли по-другому, надо было изменить прежние планы.

Среди пиратов был один французский капитан, который уже участвовал в походе Олоне на город Маракайбо, и он готов был провести туда флотилию Моргана. Морган обсудил с ним все подробности нападения и известил об этом команду. Пираты единодушно одобрили замысел своего вожака.

Приняв это решение, Морган вышел в открытое море и взял курс на остров Кюрасао; когда пираты подошли к его берегам, Морган приказал плыть к острову Арубэ; этот остров лежит примерно в двенадцати милях к западу от Кюрасао и принадлежит Вест-индской (голландской) компании⁷⁴. Компания держала на нем пятнадцать солдат под командой сержанта. Населяют Арубэ индейцы; они говорят по-испански и под их влиянием исповедуют христианство. Каждый год из селения Коре, лежащего на материке, к ним приезжает испанский священник, читает им проповеди и причащает по обычаю римской церкви. Эти индейцы торгуют с пиратами, которые появляются в их краях, и меняют овец и коз на ткани, нитки и все, что им необходимо. Земля острова крайне неплодородна, она суха и поросла низким кустарником; там разводят овец, коз, сеют испанскую пшеницу — тем и питаются местные жители. На острове много лошадей, и его обитатели используют их на разных работах; даже воду за пятьсот шагов возят здесь на лошадях. Кроме того, на Арубэ водится множество гремучих змей и необычайно ядовитых пауков; если кого-нибудь укусит такой паук, раненого связывают и кладут в гамак, где он лежит целые сутки без пищи и питья. Местные жители считают, что укушенный этими тварями обязательно должен воздерживаться от еды и питья, иначе его ждет смерть.

Морган отдал якорь близ этого острова и выторговал у индейцев столько овец и коз, сколько было нужно для всей его флотилии; после двухдневной стоянки он отбыл темной ночью, чтобы никто не видел, куда он отправится. Однако его все же заметили. На другой день в полдень корабли Моргана вошли в залив Маракайбо, и, чтобы их не было видно из сторожевой башни, откуда море просматривалось очень далеко, пираты бросили якорь на глубине девяти футов, а к вечеру двинулись снова в путь.

На следующий день, едва забрезжил рассвет, корабли подошли к крепости де ла Барра, которая отделяла

⁷³ Грязный вор, дословно вор-рогоносец. (исп.)

⁷⁴ ...принадлежит Вест-индской (голландской) компании... Голландская Вест-индская компания была основана на акционерных началах в 1621 году и просуществовала до 1791 года. Ее основной целью было завоевание американских колоний и вытеснение оттуда всех конкурентов.

вход в лагуну. Испанцы успели построить новые укрепления и незадолго до прибытия Моргана установили на них тяжелые пушки.

Пираты спустили все маленькие суда, на которых можно было перевезти людей на берег. Испанцы в крепости также начали срочные приготовления и открыли огонь из больших пушек. Они спалили все дома, окружавшие крепость, чтобы расчистить место для стрельбы, и продолжали стрелять всей батареей. Морган и его люди вступили в форт только к вечеру. Там не было ни души: едва пираты подошли вплотную к крепости, ее защитники взорвали часть порохового запаса и ушли под прикрытием дыма. Пираты очень удивились, никого не обнаружив в столь укрепленном месте. Они подбежали к погребу, еще полному порохом, и увидели, что огонь от зажженных фитилей подбирается по пороховым дорожкам и горит на расстоянии дюйма от большой кучи пороха. Так что промедли они хоть одно мгновение — и крепость взлетела бы на воздух вместе с теми, кто ее захватил. Морган приказал немедленно вытащить порох из крепости и подорвать крепостные стены, а все пушки бросить в кучу. В крепости было шестнадцать пушек, стрелявших восьми-, двенадцати- и двадцатичетырех-фунтовыми ядрами, шестьдесят мушкетов и боевых припасов в должной пропорции. Пушки были сброшены со стен, а лафеты сожжены. На следующее утро Морган отправил на корабль несколько пушек и порох. Все остальные пушки, взятые в крепости, заклепали и зарыли в песок. Команда немедленно поднялась на борт, чтобы как можно скорее добраться до Маракайбо. Однако на тамошних отмелях в часы отлива остается так мало воды, что отойти от берега очень трудно, и несколько кораблей осталось на месте. Чтобы не терять времени и быстрее достичь города, их команды пересели на другие суда с меньшей осадкой. Спустя сутки, ровно в полдень, флотилия подошла к городу Маракайбо и встала недалеко от берега, чтобы обеспечить высадку огнем малых пушек. Сделать это оказалось так же легко, как и при высадке у форта: все испанцы скрылись в лесу и бросили город на произвол судьбы; остались только совсем дряхлые старики, которые не могли уйти из города, да и терять им было нечего. Войдя в город, пираты обыскали все закоулки в поисках засады, которую могли устроить либо в домах, либо в лесах вокруг города. Не заметив ничего подозрительного, они разделились на отряды (каждый такой отряд состоял из команды определенных кораблей) и заняли дома на площади. Кафедральный собор был превращен в арсенал, и вокруг него постоянно стояла стража. Я не буду описывать город Маракайбо, ибо сделал я это уже, когда рассказывал о первом его захвате пиратами Олоне.

В тот день, когда пираты вошли в город, сотня этих разбойников решила отправиться за добычей и пленниками. На следующий вечер они вернулись, ведя за собой пятьдесят мулов, навьюченных добром, и около тридцати пленных: были среди них и мужчины, и женщины, и дети, и рабы. Как обычно, их стали терзать, пытаясь узнать, куда скрылось население города. Одних просто истязали и били; другим устраивали пытки святого Андрея, загоня горящие фитили между пальцами рук и ног, третьим завязывали веревку вокруг шеи, так что глаза у них вылезали на лоб и становились словно куриные яйца. Кто вообще не желал говорить, того забивали до смерти. Ни один из несчастных не избежал своей участи. Пытки продолжались три недели. Одновременно пираты совершали ежедневные набеги в окрестности города и всегда приносили большую добычу, и не было случая, чтобы они вернулись с пустыми руками. После того как пираты выявили сотню богатейших семейств Маракайбо и разграбили все их имущество, Морган решил отправиться в Гибралтар. Впопыхах снарядили корабли и доставили на них добычу и пленников; затем подняли якоря и взяли курс на Гибралтар, изготовившись к будущему сражению, причем каждый из пиратов заранее знал свое место в бою. Несколько пленников высадили на берег и послали в Гибралтар, заставив их от имени Моргана потребовать сдачи города. В случае отказа они должны были передать горожанам, что пираты не дадут никакой пощады и обойдутся с пленниками еще хуже, чем французы два года назад.

После многодневного пути Морган и его спутники подошли к Гибралтару. Испанцы дружно открыли огонь из тяжелых пушек. Но пиратов этот отпор не смутил, они воспылали еще большим рвением; пираты уверились, что там, где крепко защищаются, наверняка много добычи, ну а сахар всегда подсластит и кислую кашу.

На следующий день, рано-рано утром, пираты сошли на берег и избрали не самый прямой и короткий путь, а по предложению одного француза, который уже бывал здесь и хорошо знал эти места, пошли по другой, лесной дороге; это давало им возможность напасть на Гибралтар с возвышенности и с тыла. Но часть пиратов все же двинулась главным путем, чтобы у испанцев создалось впечатление, будто именно отсюда готовится на них удар. Однако такие предосторожности были ни к чему: испанцы хорошо помнили, что произошло два года назад при налете французов, и предпочли добровольно покинуть эти места, чтобы снова не подставлять свои шеи под топор. На дороге, по которой испанцы отходили, они соорудили несколько засад, чтобы задержать пиратов, если те за ними погонятся. Крепостные орудия испанцы

заклепали, а порох увезли.

В городе пираты не встретили никого, остался там лишь один придурковатый испанец. Когда его спросили, куда же ушли все жители, он ответил, что не знает, потому что их об этом не спрашивал, когда они удирали. Затем пираты спросили его, знает ли он, где тут поблизости плантации. Он сказал, что за всю свою жизнь был только на двадцати плантациях. На вопрос, не знает ли он, где хранилось в церкви золото и серебро, он ответил «да» и привел их в алтарь. «Здесь, — сказал он, — я видел все церковное золото и серебро, но где оно теперь, этого я не знаю». Больше от него ничего нельзя было добиться, и тогда его связали и стали избивать. На это простодушный человек вскричал: «Не трогайте меня, я покажу вам мой дом и все мое золото и добро!» Пираты решили, что голова у него исправно работает и что он только притворяется дураком. Его освободили, и он привел пиратов к своей хижине, где закопал несколько глиняных мисок, деревянных тарелок и прочую рухлядь, а также три реала. Пираты спросили, как его зовут, и он ответил: «Я дон Себастьян Санчес, брат губернатора Маракайбо». Тогда пираты снова стали пытаться его, бить и калечить, и вскоре все его тело сочилось кровью. Он просил его отпустить и пообещал привести пиратов к своей инхенио⁷⁵, где у него хранится все имущество и живут его рабы. Когда его развязали, он уже не мог ходить, его посадили в седло. Но стоило им войти в лес, как бедняга сказал, что у него нет инхенио и вообще нет ничего и что живет он в лечебнице — потом пираты сами убедились в этом. Его снова связали, избили, нацепили на руки и на ноги камни, взяли пальмовые листья, подожгли и сунули прямо в лицо, так что он потерял человеческий образ, и снова стали бить. Он терпел эти мучения еще с полчаса, а затем испустил дух. Пираты обрезали веревки, подтащили его к дереву и бросили. Так истинным мучеником кончил свои дни этот несчастный человек. В этот же день партия пиратов привела какого-то бедняка с двумя дочерьми. На следующее утро пираты вышли с ним из города и потребовали привести туда, где прятались остальные; однако испанцы, заметив пиратов, тотчас же уходили дальше в лес; в лесу они жили в шалашах и прятали свое добро от дождя. Этот бедняга не мог найти ни одного человека; пираты же думали, что он их намеренно водит вокруг да около, и в ярости повесили его на дереве, хотя несчастный умолял сохранить ему жизнь. Потом пираты разделились и принялись искать людей в окрестностях города, стараясь захватить их врасплох в тех местах, куда испанцы волей-неволей должны были приходить за какими-нибудь плодами и кореньями. Наконец удалось поймать одного негра; ему пообещали, что возьмут с собой на Ямайку, и, если добыча будет найдена, дадут ему столько денег, сколько он пожелает, а также оденут его в испанское платье. Негру все это пришлось по душе: он сразу же вывел пиратов туда, где скрывались испанцы. Как только пираты захватили несколько человек, они заставили негра убить одного из пленников, чтобы тот не перебежал к испанцам. Этот негр причинил очень много горя. Пираты ходили с ним целых восемь дней и лишь затем вернулись в Гибралтар. Всех пленников, захваченных в пути, они принуждали за ними следовать, а награбленное добро везли на мулах. Под конец пираты набрали столько пленных, что не могли уже двигаться дальше; поэтому они решили вернуться в Гибралтар, куда и привели всех, кого им удалось захватить, — мужчин, женщин, детей и рабов. Всех вместе их набралось двести пятьдесят человек.

Когда пираты добрались до места, они стали выпытывать у пленных, не спрятали ли они денег и не знают ли, где их схоронили другие. Всех, кто не хотел признаваться, убивали после ужасных пыток. Особенно досталось одному старому португальцу, человеку лет шестидесяти, про которого негр сказал, что он очень богат. Пираты связали старика и спросили, где у него деньги. Однако тот поклялся всеми святыми, что у него нет ничего, кроме сотни реалов, да и те украл молодой человек, который живет у него; ему не поверили и избили так, что на бедняге не осталось живого места. Поскольку он и после этого не пожелал признаваться, его подвесили за большие пальцы рук и ног к четырем столбам, так что он повис в воздухе примерно в полутора футах над землей. Но и этого было мало: пираты положили ему на ягодицы камни весом в двести фунтов, а потом подожгли пальмовые листья и ими опалили лицо и волосы несчастного. Но, невзирая на тяжкие пытки, он так и не признался, что у него есть деньги. Тогда его освободили и привязали к столбу в той церкви, в которой находился арсенал; его морили голодом, выдавая ежедневно лишь крохотный кусочек мяса, ровно столько, чтобы он совсем не протянул ноги. Пробыв в оковах дней пять, он подозвал одного дружелюбно настроенного пленника и сказал, что хочет достать денег для выкупа — пятьсот реалов. Едва пленник сообщил об этом пиратам, как те задали бедняге великую взбучку. Ему сказали, что с него теперь сдерут уж не сотню, а тысячу реалов, иначе не жить ему на свете. Португалец стал торговаться, настаивая на том, что он человек бедный и торговлей спиртными напитками едва зарабатывал себе на жизнь, но пираты упорно требовали от него тысячу реалов. А бедняга видел, каким пыткам подвергают испанцев, требуя сказать, где спрятаны деньги. Некоторых подвешивали

⁷⁵ ...привести пиратов к своей инхенио... Инхенио — мельница, на которой разделяют сахарный тростник.

за половые органы и многократно шпиговали испанскими саблями, а затем истерзанная жертва умирала в муках на глазах мучителей, причем порой несчастные еще жили четыре-пять дней. Других привязывали к деревянному кресту и всовывали между пальцами рук и ног горящие фитили. Некоторых связывали, разводили огонь и совали в огонь ноги, предварительно намазав их салом, так что люди эти тотчас же вспыхивали; обожженных пленников затем бросали. Перерезав хозяев, принялись за рабов. Наконец нашелся один раб, который согласился провести пиратов к выходу из лагуны, где стояли корабль и четыре барки, груженные ценными товарами из Маракайбо. Одновременно пиратам удалось отыскать раба, который знал, где прятались губернатор и большая часть женщин Гибралтара. Вначале, когда этого раба схватили, он отказался им отвечать; когда же его связали и повели на виселицу, он согласился привести пиратов в то место, где скрывался комендант. Пираты отрядили человек сто на двух маленьких судах к выходу из лагуны, где стояли корабли, а остальные направились на поиски губернатора. Пленных доставили на суда и на следующий день вышли в путь. Сам Морган с отрядом в триста пятьдесят человек отправился на поиски губернатора, который ушел вверх по реке в глубь страны и там основательно укрепился. Но, узнав от гонца о приближении пиратов, собрал своих людей и ушел в горы по такой узкой дороге, что пройти по ней можно было только гуськом. Кроме того, испанцы сделали на ней засаду, откуда можно было перестрелять всех пиратов, если бы те отважились погнаться за ними.

Но все получилось совсем иначе. Пошел дождь, вода хлынула потоками, и мулы с деньгами и добром, женщины и дети начали тонуть. У пиратов часть оружия стала явно непригодной, порох подмок. Если бы испанцы выделили пятьдесят человек, вооруженных пиками, они без труда перекололи бы всех разбойников. Но испанцы были в такой панике, что зашумит дерево, а они уже думают, что это ладронес (так они называли пиратов). Наконец с большими трудностями пираты перебрались через потоки воды. Испанцы могли бы еще спастись, но женщины и дети так устали, что на них просто жалко было глядеть. Они должны были бежать через лес почти по пояс в воде: почва в тех местах низкая и во время больших дождей, когда вода сливается с гор, буквально все оказывается затопленным.

Спустя двенадцать дней пираты вернулись в Гибралтар и привели с собой новых пленников, однако замысел их до конца осуществить не удалось. Еще через два дня появились корабли, которые ходили в лагуну. Они привели с собой испанское судно и четыре барки с товарами и пленными. Но им удалось захватить не всю добычу: испанские каное успели сообщить о приближении пиратов, испанцы выгрузили большинство товаров и были готовы сжечь корабли. Только они принялись за дело, как судно захватили пираты. Таким образом, пиратам удалось захватить корабль, где оставалось лишь полотно и шелк. Совершив еще несколько набегов и проведя в Гибралтаре в общей сложности пять недель, пираты решили покинуть город. Они послали несколько пленников к скрывавшимся горожанам и сообщили через них, что ждут выкупа: если денег не будет, город сожгут. Вскоре эти посланцы вернулись и сказали, что никого не нашли, хотя губернатор согласен заплатить выкуп. Если бы Морган мог подождать, они согласились бы и на пять тысяч реалов. Испанцы дали пиратам заложников, и Морган увез их в Маракайбо, не отпуская до тех пор, пока не принесут все деньги. Морган не был в Маракайбо уже довольно долго и совершенно не знал, как там обстоят дела. Поэтому испанцам он не дал времени собраться с силами, боясь, чтобы они не закрыли ему выход в море. Он торопился с отъездом и согласился на предложения испанцев, взяв четырех заложников, а остальных отпустил, конечно, после того, как они заплатили выкуп. Но рабов Морган оставил. Испанцы хотели заплатить выкуп и за того негра, который привел пиратов, но Морган не выдал его. Если бы он попал в руки испанцев, его бы сожгли заживо. Затем корабли подняли якоря и вышли в море. Через четыре дня пираты прибыли в город Маракайбо, где выполнили все, что задумали. Но там их ждали совершенно неожиданные известия. К Моргану привели одного бедняка, который лежал в лазарете в Маракайбо. Он сообщил, что в лагуну вошли три боевых испанских корабля и подстерегают пиратов, а в крепости испанцы снова установили пушки. Пираты тотчас же снарядили легкое судно, чтобы выяснить, что это за корабли. На следующее утро судно вернулось, и слова старика полностью подтвердились. С кораблей, о которых этот старик говорил, заметили пиратов и обстреляли их. Вполне возможно, что на каждом из них могла быть сильная команда. Самый крупный корабль был вооружен сорока пушками, поменьше — тридцатью, а самый маленький — двадцатью четыремя. Пираты видели и гарнизон, стоявший в крепости. Силы испанцев намного превышали силы Моргана: ведь на самом тяжелом его корабле было всего четырнадцать пушек. Никто не знал, что предпринять, даже Морган; думали, какой выход из положения будет лучше — выбраться из жерла лагуны было нельзя, потому что там стояли испанские корабли; и никакого шанса не было пройти сушей. Моргану хотелось скорее вернуться в город, чем оставаться здесь, потому что испанцы на тяжелых кораблях могли причинить ему много бед. Господь, однако, к большому огорчению испанцев, дал пиратам возможность выскользнуть из рук достойного противника.

Стремясь показать, что пираты совсем не пали духом, Морган потребовал от испанцев выкупа за Маракайбо, угрожая в случае отказа сжечь город. Через два дня он получил письмо от испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы, стоявшего с кораблями у выхода из лагуны. Вот это письмо:

«Письмо испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы Моргану, адмиралу пиратов.

От своих друзей и соседей я получил сообщения, что вы осмелились предпринять враждебные действия против страны и города, находящихся под властью Его Католического Величества, короля Испании, моего господина. Поэтому моим долгом было прийти сюда и занять крепость, которую вы захватили у горсти трусов, установить в ней пушки и тем самым укрепить выход из гавани — словом, сделать все, как велит долг. Тем не менее; если вы смиренно вернете все, что вами награблено, и освободите рабов и пленников, я из-за мягкосердия и жалости к вам отпущу вас, чтобы вы смогли добраться до вашей родины. Но если, несмотря на мои добросердечные предложения, вы станете упрямыми, я приведу из Каракаса более легкие суда и прикажу моим войскам в Маракайбо уничтожить вас без всякой пощады. Вот мое последнее слово: отдавшись в мои руки, вы будете вознаграждены, в ином случае я прикажу моим храбрецам отомстить вам за все те обиды, которые вы нанесли испанскому народу в Америке.

Дано на корабле Его Католического Величества «Магдалена», коим я команду, стоящем у входа в лагуну Маракайбо, 24 апреля 1669 года.

Подписал:

дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса».

Морган прочел это письмо и приказал собрать всех пиратов. Он огласил его сперва по-английски, потом по-французски, а затем спросил: хотят ли они отдать добычу в обмен на право свободного выхода или готовы сражаться? Все ответили, что лучше сражаться до последней капли крови, чем отдать добычу: ради нее они однажды уже рисковали жизнью и готовы снова поступить точно так же. Из толпы вышел один пират и объявил Моргану, что готов с двенадцатью товарищами подорвать самый большой испанский корабль. Он предложил превратить судно, которое пираты захватили в лагуне, в брандер⁷⁶, но снарядить как обычный боевой корабль, подняв флаги и установив на его борту чурки с шапками, чтобы казалось, будто на нем настоящая команда, а вместо пушек выдвинуть из портов⁷⁷ деревянные чурки, которые называют негритянскими барабанами, то есть отрезки полых древесных стволов длиной около полутора футов. Поскольку пираты находились в столь бедственном положении, совет был одобрен, но Морган все еще надеялся найти другие способы одолеть испанского адмирала. Итак, он еще раз обратился к испанцам со следующим предложением: пираты готовы уйти из Маракайбо, не спалив города и не причинив ему вреда, даже без выкупа они готовы отдать половину рабов и выпустить остальных пленников безвозмездно, а также отказаться от выкупа за Гибралтар и освободить заложников.

Испанский генерал ответил, что и слушать не желает о таких предложениях и дает пиратам еще два дня. Если они не выполнят за этот срок его требований, он уничтожит их огнем и мечом. Получив такой ответ от генерала, Морган решил пойти на все, лишь бы выйти из лагуны, не отдавая добычи. Он запер всех пленников и приказал наблюдать за ними построже. Рабов, которые носили воду и выполняли всякую другую работу, заковали в кандалы, и теперь все, чем раньше занимались рабы, пираты делали сами. Тем временем часть пиратов собрала в городе всю смолу, воск и серу и соорудила огромный зажигательный снаряд. Трюмы судна набили пальмовыми листьями, перемешав их с воском, смолой и серой; на эту смесь положили большие полотнища холста, которыми накрывали пушки; под каждой чуркой поставили шесть горшков с порохом; чтобы взрыв оказался еще сильнее, подпилили наполовину бимсы⁷⁸. Кроме того, проделали новые пушечные порты и вместо пушек вставили в них «негритянские барабаны». На палубе поставили несколько деревянных чурок и надели на них шапки, чтобы издали они выглядели как люди; наконец подняли адмиральский флаг. Когда корабль-брандер был готов, решили идти под всеми парусами к устью лагуны, посадив в одну из барок всех пленных, а во вторую — добычу и женщин. Каждую из барок

⁷⁶ ...нужно превратить в брандер... Брандер — судно, предназначенное для сожжения неприятельского флота.

⁷⁷ ...вместо пушек выдвинуть из портов... Порты — люки для корабельных пушек.

⁷⁸ ...подпилили наполовину бимсы... Бимсы — балки, служащие для соединения шпангоутов противоположных бортов и основанием для палубного настила.

охраняло по двенадцать вооруженных пиратов; там, где были индейцы, погрузили несколько тюков с товарами, а где были женщины — положили весь запас золота и драгоценностей. Всем баркам было дано указание держаться позади в определенном месте, но по условному сигналу они должны были поравняться с флотилией и как можно быстрее выйти в море. Брандеру дано было указание идти перед флагманом и взять на abordаж самый большой корабль, но если в силу каких-либо обстоятельств это ему бы не удалось, то на abordаж должен был кинуться сам адмирал. Позади флагмана шло еще одно судно, которое должно было оказать помощь брандеру: если бы враг что-либо заметил, с него должны были подкинуть смолы и прочую легковоспламеняющуюся рухлядь. Когда Морган отдал все приказания, пираты дали клятву драться плечом к плечу до последней капли крови, а если дела обернутся плохо, то не давать врагу пощады и биться до последнего человека; тому, кто проявит особую храбрость, совершит какое-нибудь геройство или захватит неприятельский корабль, обещана была из общей добычи особая премия. Когда все было решено, Морган поставил паруса и 30 апреля 1669 года вышел навстречу испанцам, стоявшим на якоре в самой середине пролива. Подойдя на расстояние чуть больше пушечного выстрела, Морган отдал якоря, поскольку вступать в бой было уже поздно. Вечером вахту брандера по боевому обычаю сменили. В течение ночи и с той и с другой стороны были выставлены бдительные дозоры; на следующий день пираты уже были готовы к бою. Когда забрезжило утро — был отлив, — пираты двинулись. Испанцы решили, что пираты готовы на все, лишь бы выйти из пролива; и их корабли, подняв якоря, пошли навстречу пиратским. Корабль-брандер двинулся на самый большой испанский корабль и таранил его. Когда испанский генерал сообразил, что это за судно, он отдал приказ своим людям перебраться на его палубу и срубить мачты, чтобы судно унесло течением. Но испанцы не успели ничего сделать: брандер внезапно взлетел на воздух, просмоленное полотно облепило такелаж «испанца» и, охваченный мощным пламенем, корабль генерала заволокло густым дымом. Когда со среднего корабля увидели, что флагман горит, капитан его тотчас же умчался под прикрытие форта и наскочил на мель; третье судно хотело повторить этот маневр, но пираты погнались по пятам и захватили его. Ворвавшись на корабль, они мгновенно перетасили к себе все, что было возможно, и запалили судно. Горящий корабль погнало к берегу, на нем почти никто не уцелел. Пираты стали вылавливать людей, плывущих между судами, но те предпочитали идти ко дну, а не в руки пиратов по причине, о которой я скажу позже. Все пираты были очень уверены в себе и, увидев, что одержали такую победу всего за два-три часа, пожелали и дальше преследовать испанцев. Они сошли на берег, где из крепости их яростно стали обстреливать из тяжелых пушек. У пиратов же были только ружья и ручные гранаты; пушки на их кораблях были слишком малого калибра, и ядра их не могли сокрушить мощные стены крепости. Весь остаток дня они обстреливали крепость из ружей, и стоило появиться кому-нибудь над ее стенами, по этому человеку стреляли, как по мишени. Но когда пираты попытались влезть на крепостные валы, чтобы забросать испанцев ручными гранатами, их довольно скоро отбили. Испанцы открыли сильный огонь и принялись бросать горшки с порохом, который взрывался от горящих фитилей; пираты вынуждены были отойти и насчитали тридцать человек убитыми и много раненых. К вечеру несолоно хлебавши они поднялись на борт своих кораблей.

Испанцы, опасаясь, что на следующий день пираты могут перенести на сушу пушки, работали всю ночь, срывая пригорки у крепостных стен и надеясь огнем из крепости помешать атаке пиратов. Вечером несколько испанцев вызвалось подплыть к обломкам взорванного корабля, однако им помешали. Одновременно пираты захватили несколько пленников, и Морган, перед тем как отплыть, спросил у захваченного штурмана самого маленького корабля, каковы были силы испанцев, не ожидали ли они более значительного подкрепления и откуда они прибыли. Штурман ответил ему по-испански следующим образом. Господин, сказал он, я чужеземец, не велите меня казнить, и я вам расскажу всю правду о том, что произошло. Наши шесть кораблей были посланы из Испании в Западные Индии, чтобы поймать пиратов и искоренить их. После захвата Пуэрто-Бельо наш двор очень обеспокоился, и была подана жалоба английскому двору; английский король ответил, что никогда не давал указаний творить подобные бесчинства в отношении подданных Его Католического Величества. Тогда в Испании и снарядили эти шесть кораблей и послали их сюда под командой дона Агустино де Бустоса, следовавшего на корабле «Нуэстра Сеньора-де-ла-Соледад», который был вооружен пушками и восемнадцатью басами. Вице-адмиралом был дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса, он шел на корабле «Ла Консепсьон» с сорока четырьмя пушками и восемнадцатью басами. Затем были еще четыре корабля: первый из них — «Магдалена» — был вооружен тридцатью шестью пушками и двенадцатью басами, а команда его состояла из двухсот пятидесяти человек; второй — «Святой Луис» — нес двадцать шесть пушек, двенадцать басов и на нем было двести человек; третий — шестнадцать пушек, восемь басов, и команда его насчитывала сто пятьдесят человек, и, наконец, последний — «Нуэстра сеньора дель Кармен» — имел шестнадцать пушек, восемь басов и сто пятьдесят человек. Прежде всего мы прибыли в Картагену, откуда два первых корабля пришлось отправить в Испанию, потому что они оказались слишком тяжелыми для крейсирования в этих

водах. Там же мы потеряли во время северного шторма корабль «Нуэстра сеньора дель Кармен» и с тремя остальными кораблями добрались до острова Эспаньола, где зашли в гавань Санто-Доминго. Как только мы пришли туда, жители города рассказали нам, что неподалеку видели судно с Ямайки и что в местечке Альта-Грасиа высадились группа людей. Один пленник, участвовавший в высадке, рассказал им, что готовится нападение на Каракас. Дон Алонсо тут же приказал поднять якоря, и мы отправились к материковым берегам. Но в виду острова Кюрасао нам повстречалась барка, и мы узнали, что флотилия с Ямайки насчитывает семь больших кораблей и один бот⁷⁹ и находится в Маракайбо. Получив это известие, мы подняли паруса и, чтобы благополучно войти в лагуну, миновав всякие преграды, выстрелом дали знать, что нуждаемся в лоцмане. Когда люди на побережье заметили, что мы идем на испанских кораблях, они поднялись на борт и сказали, что англичане уже заняли Маракайбо и сейчас стоят в Гибралтаре. Тогда дон Алонсо призвал нас к битве и пообещал отдать всю пиратскую добычу, какую только захватим у англичан; пушки с поврежденного корабля он приказал установить в крепости и добавил к ним еще два шестнадцатифунтовых баса со своего корабля. Нас ввели в лагуну, и дон Алонсо приказал, чтобы жители присоединились к его отряду; так крепость усилили еще на сто человек. Вскоре мы получили известие, что вы снова появились в Маракайбо, и тогда-то дон Алонсо написал вам письмо. Но когда он понял, что вы не склонны отдавать добычу без боя, он снова подбодрил нас, пообещав деньги, а затем, по римскому обычаю, собрал всю команду и потребовал не щадить англичан, потому что они тоже не дадут никому пощады. По этой причине мы много выпили и уж после этого и решились никому не давать пощады. Спустя два дня после вашего прихода к дону Алонсо пробрался один негр я сообщил, что вы соорудили судно-поджигатель, однако он не поверил ему и сказал, что пираты не додумаются до этого, да у них для этого и нет инструментов.

Морган обошелся с этим штурманом очень ласково и пообещал ему часть своей добычи наряду со всеми. Штурман принял предложение и остался у пиратов: ему больше ничего не оставалось делать. Он сказал, что на большом корабле было три тысячи реалов, как раз поэтому испанцы и пробирались к нему.

Морган тут же приказал оставить на месте один корабль и начать искать серебро с большого корабля, при этом он велел следить за испанцами; сам же отправился на другом корабле в Маракайбо, где заставил отремонтировать захваченный корабль и заменить им тот, который был у него. Потом он послал к генералу человека и потребовал выкупа за Маракайбо, грозясь сжечь все дома. Испанцам стало ясно, что попали они в беду и что у них не хватит сил, чтобы избавиться от пиратов; поэтому они решили заплатить выкуп, хотя дон Алонсо не желал даже и слушать об этом. Итак, этот человек вернулся и спросил, сколько же потребует Морган в качестве выкупа. Морган потребовал тридцать тысяч реалов и пятьсот голов скота и обещал не причинять городу никакого вреда и выпустить всех пленников. В конце концов пираты согласились на двадцать тысяч реалов и пятьсот голов скота.

На следующий день испанцы привели весь скот, который от них требовался, и внесли часть денег. Пираты перебили все стадо и засолили мясо. Вскоре испанцы принесли остальные деньги и потребовали освободить пленников. Однако Морган не хотел ничего знать и сказал, что передаст пленников тогда, когда отойдет на расстояние пушечного выстрела от крепости: таким путем он желал обеспечить себе свободный выход. Пираты подняли якоря и направились к выходу из лагуны, где оставили один из своих кораблей. Он еще стоял там, и его команда выловила среди обломков судна серебряных слитков на пятнадцать тысяч реалов и множество шпаг и кинжалов, отделанных серебром. От пожара серебро сплавилось, и попадались обломки весом до тридцати фунтов. После этого Морган сообщил пленникам, что они должны выпросить у генерала для него свободный проход; если генерал не сделает этого, то он повесит всех пленников. Пленники посоветовались друг с другом и послали к дону Алонсо человека просить его, чтобы он дал возможность пиратам выйти мирно, иначе это может им стоить жизни; они пытались склонить его к этому на разные лады и говорили, что от этого зависит судьба их жен и детей, и убеждали генерала, что только его решение спасет их всех. Однако генерал не внял их мольбам и дал отрицательный ответ; он обвинил их в малодушии. Если бы, сказал он, они обороняли крепость от пиратов так же, как он, то не так-то легко далась бы она в руки разбойников. Он не хочет и думать о сдаче крепости или о том, чтобы пиратам дать возможность ускользнуть; напротив, он всех их намерен пустить ко дну; крепость настолько сильна, что с ее помощью он может выиграть битву, к вящей славе короля и к его, генерала, чести. Безутешные испанцы возвратились к Моргану и передали ему слова дон Алонсо. Морган ответил, что он уже нашел способ выйти из лагуны.

Тем временем Морган решил, что настало время для дележа добычи, поскольку обычные места сбора были далеко, а ближайшие находились на Эспаньоле; по пути же туда бури могли разогнать корабли, так

⁷⁹ ...и один бот... Бот — небольшое одномачтовое судно, предназначенное для перевозки грузов.

что на тех судах, где не было добычи, пираты рисковали не получить ничего. Поэтому собрали все деньги, а также драгоценности и чеканное серебро, и общая сумма достигла двухсот пятидесяти тысяч реалов, не считая разных товаров и рабов. Добычу распределили по кораблям, а затем на каждом из них совершили ее дележ. Когда все честь по чести было сделано, пираты дали клятву, что никто из них не утаит ни шиллинга, будь то золото, серебро, драгоценности, жемчуг или камни — алмазы, смарагды или безоаровые камни⁸⁰. Морган первый поклялся в том на Библии, и так же поступили все остальные пираты.

Когда дележ добычи закончился, встал вопрос, как же выйти из лагуны. Пираты решили пуститься на такую хитрость: днем, в канун ночи, которая намечена была для бегства, часть пиратов села на каноэ якобы для того, чтобы высадиться на берег. Берег этот был в густых зарослях, и пираты незаметно вернулись назад, легли в каноэ и потихоньку снова подошли к своим кораблям. Такой маневр они предприняли неоднократно, причем ложная эта высадка шла со всех кораблей. Испанцы твердо уверились, что пираты попытаются этой ночью броситься на штурм и захватить крепость; они стали готовить все необходимое для защиты с суши и повернули туда все пушки.

Настала ночь, и, когда Морган убедился, что все пираты наготове, он приказал поднять якоря, поставить паруса. Корабли понеслись в струе течения, и их прибило почти к самой крепости. В этот момент пираты поставили паруса так, чтобы использовать ветер с суши, и пронеслись мимо крепости. Испанцы тотчас повернули часть пушек в сторону моря, однако пираты успели уже осуществить свой маневр, и их корабли почти не пострадали от крепостных орудий. Впрочем, испанцы так и не решались повернуть все пушки в сторону моря, опасаясь, что основные силы пиратов нападут на них с суши. На следующий день Морган отправил к крепости каноэ, чтобы обменять пленных пиратов, которых вот-вот должны были предать смерти, на испанских пленников. Для этого Морган выдал пленникам барку и дал возможность уйти всем, кроме заложников из Гибралтара, за которых еще не было уплачено. Их отпустить Морган не хотел, потому что надеялся получить положенный выкуп. На прощанье он выстрелил по форту из семи пушек, однако ответного залпа не последовало.

В тот же день Морган пересек часть лагуны, однако затем разразился шторм от норд-оста. Флотилия Моргана отдала якоря на глубине пяти футов, море было столь беспокойным, что корабли были вынуждены выйти в открытые воды. Вскоре одно судно дало течь, и пираты попали в беду; если бы их захватили испанцы, то уж, конечно, никого не пощадили бы, попади же они в руки индейцев, их бы тоже не помиловали. Но наконец после долгих дней испытаний подул попутный ветер.

Пока Морган захватывал богатую добычу и одерживал блестящие победы над испанцами, его товарищи, расставшиеся с ним у мыса Лобос, в предвкушении набега на английский корабль были жестоко разбиты у Куманы, на побережье Каракаса.

Сперва они прибыли на место встречи к острову Савоне, но письма Моргана, оставленного в кувшине, не нашли и не знали, куда он отправился. Поэтому решили сами атаковать какой-нибудь город. Их было человек четыреста, и располагали они пятью кораблями и одной баркой. Командовал этими пиратами известный капитан Ансель, который отличился еще при захвате Пуэрто-Бельо. Провозгласив его командиром, или адмиралом, пираты посоветовались между собой и решили отправиться в город Куману. Кумана расположена на материковом побережье Каракаса, примерно в шестидесяти милях западнее Тринидада, южнее острова Тортилья. Дойдя до тех мест, пираты высадились обычным способом и напали на индейцев, живших на берегу; однако, когда они дошли до города, их окружили испанцы и индейцы, так что у них сразу же пропала охота к грабежам и явилось желание как можно скорее добраться до своих кораблей. Во всяком случае пробивались они к кораблям довольно смело и в конце концов пробились, правда ряды их основательно поредели. Человек сто погибло на месте высадки, пятьдесят буквально принесли на борт. Когда же эти пираты вернулись на Ямайку, всякий, кто ходил с Морганом в Маракайбо, донимал их вопросом: много ли выручили они в Кумане и по какой причине остались в дураках?

⁸⁰ ...безоаровые камни... — отложения, образующиеся в кишечнике некоторых жвачных животных, например коз, газелей и т.д. Настоящие безоаровые камни ценились очень высоко (персидский шах в 1808 году послал один такой камень в подарок Наполеону).

Часть третья

повествующая о разграблении и сожжении города Панама, лежащего в Южной Америке, пиратом Морганом, захватившим еще много других городов; путешествие автора вдоль берегов Коста-Рики и описание того, что он видел там

Глава первая

Морган прибывает на остров Эспаньола, чтобы снарядить новую флотилию и отправиться к испанским берегам

Жизненный опыт учит нас, что удача вселяет мужество и желание добиваться еще больших успехов: воинам удача сулит славу, купцам — страсть к приумножению своего богатства, ученым — к знаниям. Итак, когда счастье улыбнулось Моргану и он убедился, что буквально все его предприятия оказываются успешными, он задумал еще более смелые походы, и надо сказать, что счастье вновь сопутствовало ему. Мы кратко опишем его последние походы, и любознательный читатель должен будет согласиться, что, несомненно, господу угодны были те бесчинства, которыми этот разбойник донимал испанцев.

Когда Морган убедился, что его люди спустили все, что захватили в Маракайбо, и стали еще беднее, чем прежде, он стал обдумывать планы новых походов. Он учел, однако, что теперь совершать нападение на испанские берега будет куда труднее. Морган сообщил пиратам, что местом сбора он назначил южное побережье острова Тортуги. Одновременно он написал письмо губернатору Тортуги и всем плантаторам и охотникам Эспаньолы. В нем он сообщил о своем намерении собрать силы для нападения на какое-нибудь значительное поселение. И коль скоро победа будет одержана — и губернатор, и плантаторы, и охотники пожнут ее плоды. Получив это письмо, пираты Тортуги и Эспаньолы потянулись во флотилию Моргана: после столь счастливых походов да еще при столь доброжелательном отношении к французам пираты относились к Моргану лучше, чем когда бы то ни было. На Тортуге все капитаны пиратских судов тотчас же изъявили желание выйти в море и взять на борт столько людей, сколько могли их суда вместить; однако не все могли разместиться на кораблях, и многие на каноэ поплыли вдоль берега, чтобы пристать к флотилии, остальные пошли лесом к южному берегу острова, дабы сесть там на корабли англичан.

24 октября 1670 года корабль Моргана достиг южного побережья острова Эспаньолы⁸¹ и вошел в гавань, которую французы называют Пор-Куильон. Она лежит против острова Ваку, там-то и было назначено место встречи. В гавани собралась большая часть пиратов, и Морган стал держать совет, что же лучше предпринять, чтобы добиться успеха. Морган предложил выслать вперед четыре корабля и одну барку с отрядом в четыреста человек: они должны были захватить какое-нибудь местечко на побережье материка, где можно было бы раздобыть маис. Предложение было одобрено сперва всеми капитанами и офицерами, а затем и остальными пиратами. Морган решил идти к Рио-де-ла-Аче⁸², а потом к Ранчерии, поскольку места эти особенно славились своим маисом. Кроме того, там можно было встретить и захватить барки, идущие из Картахены за жемчугом. Когда решение было принято, корабли подготовили к отплытию и взяли на борт необходимое количество людей. Остальные пираты отправились в лес, чтобы заготовить и засолить говядину. На кораблях, стоявших у берегов Эспаньолы, осталось ровно столько пиратов, сколько было нужно для того, чтобы просмолить борта и выполнить все прочие ремонтные работы.

Глава вторая

Рассказ о захвате Рио-де-ла-Аче и всем наиболее значительном, что там произошло.

Спустя шесть дней после отплытия с Эспаньолы четыре пиратских корабля Моргана подошли к Рио-де-

⁸¹ ...южного побережья острова Эспаньолы... Очевидно, неточность в тексте, ибо ранее было сказано, что Морган назначил сбор на южном побережье Тортуги.

⁸² ...Идти к Рио-де-ла-Аче... Рио-де-ла-Аче — поселение на побережье Колумбии неподалеку от полуострова Коахира, в устье реки Аче.

ла-Аче, но тут они попали в штиль и были замечены испанцами, которые из предусмотрительности немедленно вооружились, хотя и не знали, пристанут ли корабли к берегу. Тамошние испанцы уже привыкли, что пираты всегда высаживаются на берег, и поэтому приняли меры предосторожности и спрятали свое имущество (впрочем, это они сделали прежде всего), чтобы заблаговременно скрыться в надежных местах. Недалеко от берега стоял корабль, прибывший из Картахены за маисом; капитан его хотел было ночью при ветре с суши проскочить мимо пиратов, но его окружили, и, выйдя в море, он угодил прямо в самую пиратскую гущу. Корабль был в общем-то не нужен пиратам, но на нем неожиданно и негаданно оказалось именно то, ради чего предпринят был поход, а именно маис. На следующий день корабли подошли к берегу как можно ближе, чтобы произвести высадку. Это пиратам удалось, несмотря на сильное сопротивление испанцев, которые успели соорудить на берегу брустверы. Вскоре испанцы были вынуждены покинуть их и ретироваться к своим домам, где они еще надеялись дать пиратам отпор. Пираты подошли к селению, и бой разгорелся снова, продлившись до самого вечера; испанцы потеряли много людей, а пираты понесли потери весьма незначительные. Когда селение было захвачено, стало очевидно, что в нем остались лишь пустые дома: испанцы бежали со всем своим добром. Пираты тотчас же вышли из селения и погнались за беглецами, настигли одну из групп и захватили ее в плен. На следующий день пленников стали пытать обычным образом, чтобы узнать, где спрятаны добро и деньги, причем некоторые пленники это знали, а другим ничего не было на этот счет известно. Пираты разделились на группы и сумели захватить довольно много всякого добра и рабов. Испанцы, которые не осмеливались перед этим выйти из леса, устроили все же несколько засад, чтобы остановить пиратов. Но это не помогло, ибо, кто пытался повредить пиратам, тут же попадал в плен. Спустя четырнадцать дней, разграбив дотла селение, пираты решили вернуться на Эспаньолу к своим товарищам. Напоследок они дали знать жителям Рио-дела-Аче, что требуют выкупа за город, иначе все селение будет сожжено. Испанцы думали перехитрить пиратов и ответили, что пусть лучше город сгорит — деньги они все равно не заплатят. Поскольку пиратам маис был важнее денег, они решили потребовать вместо них партию маиса. Испанцы хотя и упорствовали, но, заметив, что пираты и впрямь готовы запалить город, стали торговаться. В конце концов согласились доставить четыре тысячи фанег⁸³ маиса (примерно тысячу ластен⁸⁴). Они постарались сбыть его с рук как можно быстрее, чтобы поскорее спровадить гостей. Через три дня маис был доставлен, пираты погрузили его на борт вместе с захваченными рабами и, разделив груз по кораблям, взяли курс на остров Эспаньолу, где их уже поджидали главные силы флотилии.

С тех пор как Морган послал четыре корабля и барку, уже прошло пять недель, и им овладело беспокойство; он не знал, что и думать: то ли пираты захватили богатую добычу и поэтому задержались, то ли они разбиты; в те места испанцам могло прийти подкрепление из Картахены и Санта-Марии⁸⁵, кроме того, пираты могли нарваться на боевые корабли из Картахены. Морган готов был уже изменить свой первоначальный план, но тут подоспели долгожданные корабли. Их стало даже больше. И Морган, и все его товарищи чрезвычайно обрадовались и еще больше возликовали, когда узнали, что корабли полны маиса.

Суда Моргана были готовы, больше никого не ждали, поскольку все уже пришли; корабли с маисом тотчас же разгрузили, и пираты, промышлявшие в лесу, поднялись на борт. Тем временем только что прибывшие суда были также подготовлены для похода; на все корабли погрузили мясо, разделив его, как и маис, в соответствии с численностью команд. Затем Морган назначил место сбора — мыс Тибурон, на западном побережье Эспаньолы; там пираты должны были сообща решить, какое же место им лучше атаковать. Вскоре корабли добрались до мыса Тибурон, где их уже поджидал Морган; пришли сюда суда с Ямайки, которые вышли оттуда в поисках флотилии Моргана. Теперь вся флотилия состояла из тридцати семи кораблей и нескольких небольших барок. После генерального осмотра выяснилось, что на них насчитывается две тысячи один человек; все хорошо вооружены ружьями, пистолетами, саблями, у всех были порох и пули, а также все прочее необходимое боевое снаряжение. На каждом корабле были пушки соответственно водоизмещению кораблей; на адмиральском корабле было двадцать две пушки и шесть басов, и он был тяжелее всех, на других было по двадцать, восемнадцать, шестнадцать, четырнадцать пушек, а на самом малом корабле насчитывалось всего лишь четыре пушки; все корабли были снабжены порохом, гранатами и прочим артиллерийским припасом. Когда Морган все осмотрел, он разделил свои силы, иначе говоря, составил две эскадры под двумя различными флагами — королевским флагом Англии

⁸³ ...доставить четыре тысячи фанег... Фанега — старинная мера жидкости и сыпучих тел, равная 55 л.

⁸⁴ ...примерно тысячу ластен... Ластен — старинная голландская мера жидкости, равная 30 гл.

⁸⁵ ...подкрепление из Санта-Марии... Вероятно, из Санта-Марты, порта на побережье Венесуэлы, расположенного неподалеку от Картахены.

и белым флагом; потом он назначил вице-адмирала и контр-адмирала. Всем кораблям, которым не было дано особых поручений, он отдал приказ: овладевать испанскими поселениями, захватывать все корабли, которые встретятся в море или в гавани, а также разрешил репрессии, исходя из того, что испанцы — это открытые враги английской короны. Точно так же он дозволил, не испрашивая у испанцев на то разрешения, брать в их гаванях воду и все, что необходимо для плавания.

Приведя дела в окончательный порядок, он созвал всех офицеров и капитанов флота, чтобы договориться, какую сумму они должны получить за свою службу. Офицеры собрались и решили, что у Моргана должно быть для особых поручений сто человек; это было сообщено всем рядовым, и они выразили свое согласие. При этом было решено, что каждый корабль должен иметь своего капитана; потом собрались все низшие офицеры-лейтенанты и боцманы — и решили, что капитану нужно выдать восемь долей и еще сверх того, если он отличится; хирургу нужно дать двести реалов на его аптеку и одну долю; плотникам — по сто реалов и одну долю. Кроме того, была установлена доля для особо отличившихся и пострадавших от врага, а также для тех, кто первым водрузит флаг на укреплении врага и провозгласит его английским; они решили, что за это следует добавить еще пятьдесят реалов. Тот, кто будет подвергаться большой опасности, получит сверх своей доли еще двести реалов. Гренадеры, которые забрасывают крепость гранатами, должны получать по пять реалов за каждую гранату.

Затем было установлено возмещение за увечья: кто потеряет обе руки, должен получить сверх своей доли еще полторы тысячи реалов или пятнадцать рабов (по выбору пострадавшего); кто потеряет обе ноги, должен получить тысячу восемьсот реалов или восемнадцать рабов; кто потеряет руку, безразлично левую или правую, должен получить пятьсот реалов или пять рабов. Для потерявшего ногу, безразлично левую или правую, полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За потерю глаза полагалось сто реалов или один раб. За потерю пальца — сто реалов или один раб. За огнестрельную рану полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За парализованную руку, ногу или палец полагалась такая же плата, как и за утраченную конечность. Сумма, необходимая для выплаты подобных возмещений, должна была изыматься из общей добычи перед ее дележом. Предложения были единодушно поддержаны как Морганом, так и всеми капитанами флота.

Когда Морган все уладил, он собрал капитанов кораблей на военный совет, дабы решить, куда же прежде всего отправиться. На совете капитаны предложили атаковать либо Картахену, либо Панаму, либо Веракрус. Спорили не о том, сильны ли эти города и какой из них укреплен лучше всех, — ни один из городов в той стороне не был так хорошо укреплен, как Панама, — однако пираты решили отправиться прежде всего в Панаму и разграбить ее. Но первым делом они пожелали вторгнуться на остров Санта-Каталина, чтобы взять там провозатого, который вывел бы их к Панаме, поскольку на этом острове было больше всего ссыльных из разных местностей испанского побережья.

Кроме того, решили предпринять еще вот что: если какой-нибудь корабль первым захватит в море или гавани вражеское судно, выделить его команде из общей добычи премию в тысячу реалов, а если добыча на таком судне оценена будет суммой свыше десяти тысяч реалов, то добавить еще по тысяче с каждых десяти тысяч. Также под страхом телесного наказания или казни было установлено, что никто не смеет, захватив судно, разрушать его, если на нем нет врагов.

Глава третья

Отплытие Моргана и его флотилии с острова Эспаньолы и захват острова Санта-Каталины.

Пиратский флот под командованием Моргана был оснащен всем необходимым (по возможностям этих мест) и 16 декабря года 1670 вышел в море. Через четыре дня показались берега острова Санта-Каталины, о котором я уже рассказывал во второй части этой книги. На острове был испанский гарнизон, и туда свозили всех преступников. Остров этот гористый, имеет примерно семь испанских миль в окружности: три испанских мили в ширину и три в длину. Он лежит на 13°20' северной широты, примерно в ста испанских милях от Картахены и в двухстах шестидесяти милях от Пуэрто-Бельо, севернее Рио-дель-Чагре. Охотиться там можно лишь раз в год: когда на остров прилетают стаи диких голубей. Есть там четыре реки, две летом пересыхают. Никакой торговли не ведется, и местные жители выращивают все, что необходимо им для питания, а земля на этом острове вполне пригодна для разведения хорошего табака.

Подойдя к острову, Морган выслал вперед хорошо вооруженное судно, на борту которого было четырнадцать пушек; люди с этого судна должны были, войдя в гавань, разведать, нет ли там кораблей,

помешать им уйти к материку, дабы беглецы не сообщили, что приближается пиратский флот. На следующее утро корабли Моргана отдали якорь близ местечка Агуада-Гранде, где находилась испанская батарея с четырьмя пушками. Морган приказал высадить на берег около тысячи человек и сам сошел вместе с ними. Пираты высадились, привели в порядок все свое боевое снаряжение и прочесали лес, но проводника не нашли; им встретился лишь один пират, который уже бывал на этом острове во время похода Мансфельда. Вечером пираты отправились на то место, где в старину была резиденция губернатора. Там находилась батарея, которая называлась Платформой Сантьяго, однако людей на ней не было, поскольку все испанцы, чтобы лучше защищать остров, перебрались на малый островок, расположенный совсем близко от большого, так что на него можно было бы перекинуть мост. Испанцы укрепили его со всех сторон фортами и батареями, и он казался неприступным. Завидя пиратов, они сразу же стали открывать с малого острова огонь тяжелых пушек, однако урона пиратам не причинили. Наступила ночь, пираты не могли продвигаться дальше и вынуждены были расположиться на ночлег, по старому обычаю, под звездами, с пустыми желудками: весь день у них во рту не было ни крохи.

Около часа ночи пошел сильный и долгий дождь. Пираты сожгли несколько хижин, чтобы обогреться, однако дождь был столь пронизывающим, а одеты они были так легко (на них ничего не было, кроме рубахи и штанов), что холод пробирал их до костей. К утру дождь утих, и пираты принялись чистить оружие: оно сильно подмокло и было в не слишком хорошем состоянии. Если бы этой ночью на пиратов напала сотня хорошо вооруженных воинов, они без труда отправили бы всех разбойников на тот свет. Приведя оружие в порядок, пираты двинулись в путь, однако дождь припустил еще сильнее, и одновременно испанцы открыли огонь из пушек, показывая, что у них-то порох не отсырел. Во время дождя пираты не смогли подойти к фортам и принялись искать укрытие, чтобы спасти ружья от сырости; все они стали сооружать шалаши, сдирая для этого листья с веток. В добавление ко всем неприятностям у них в еще большей мере разыгрался аппетит, и все думы их были заняты поисками пищи. Неподдалеку бродил старый мерин, брошенный испанцами, эта скотина не в состоянии была работать, и вся ее спина была покрыта гнойными язвами. Мерины убили, и каждому досталось по куску с палец величиной, и эту старую скотину ели как самое изысканное блюдо, какое только можно пожелать; и зевать при этом не приходилось: каждый норовил перехватить кусок соседа.

Между тем дождь не стихал, и Морган, видя, что его люди уже ворчат и поговаривают о возвращении на корабль, послал к испанцам каноэ под белым флагом с требованием сдать остров; и в случае отказа Морган грозил истребить всех защитников. После полудня каноэ вернулось с ответом губернатора; губернатор писал, что желает обсудить предложение Моргана со своими офицерами и просит два часа на размышление; он добавил, что об окончательном решении поставит Моргана в известность. Наконец от испанцев пришло каноэ под белым флагом, на нем находилось два человека, которым было поручено подписать капитуляцию. Но перед тем как сойти на берег, испанцы — комендант и знаменосец — потребовали, чтобы в качестве заложников пираты дали им двух своих капитанов. Оба испанца, представ перед Морганом, заявили, что готовы передать остров неприятелю, поскольку у них нет сил, чтобы отстоять его; однако они обратились к нему с просьбой такого рода: пусть, если на то будет его воля, он спасет честь губернатора и офицеров и с этой целью прибегает к следующей уловке. Пираты должны ночью взойти на мост, соединяющий малый остров с большим, и захватить форт Сан-Херонимо. Одновременно они должны подвести все свои корабли к крепости Санта-Тереса, захватить ее и приготовить каноэ, чтобы высадить отряд у батареи Санта-Матео. Поступая так, пираты перехватят губернатора на пути из форта Сан-Херонимо в крепость и захватят его в плен. В этом случае губернатор сдаст крепость, то есть впустит в нее англичан, сделав вид, будто это его собственные войска. С обеих сторон пусть откроют яростную пальбу, но без ядер, вхолостую, так, чтобы никому не причинить никакого вреда. Кроме того, испанцы попросили Моргана высадить их на побережье материка в любом месте, где угодно будет Моргану, дабы они могли добраться до своих. Морган согласился на это при одном условии, чтобы никто из его людей не пострадал при этой операции. Если, сказал он, такое случится, испанцам пощады не будет. Посланцы поклялись, что выполнят все, как было условлено, простились с Морганом и отправились к своему губернатору.

Морган немедленно отдал приказ по кораблям войти в гавань, как договорились с губернатором. Одновременно он распорядился к вечеру подготовиться к занятию форта Сан-Херонимо, что также предусматривалось соглашением. Вечером в соответствии с уговором начался штурм всех укреплений маленького острова, но, несмотря на то что условились стрелять только вхолостую, Морган приказал своим людям зарядить ружья как можно тщательнее, но стрелять в испанцев только в том случае, если будет замечено, что они ведут огонь ядрами и пулями. Этот якобы бой начался: с обеих сторон весело падали из тяжелых пушек и перестреливались из маленьких, не причиняя при этом друг другу никакого вреда.

Наконец глубокой ночью пираты достигли маленького острова, захватили все форты, согнали испанцев в церковь и приказали губернатору собрать всех своих людей. Они боялись, что кто-нибудь из них ночью может напасть на стражу возле церкви. Но поскольку ничего не произошло и соглашение с испанцами было подписано, началось истребление кур, свиней, телят и овец; варили и жарили всю ночь; когда нужны были дрова, валили постройки. Пищу варили всем скопом, и, когда насытились, остатки снесли в церковь женщинам — мужчинам же не дали ничего.

На следующий день пираты пересчитали жителей острова. На нем оказалось всего четыреста пятьдесят человек: сто девяносто солдат гарнизона, сорок женатых поселенцев, сорок три ребенка, тридцать один раб Его Величества с восьмью детьми, восемь ссыльных, тридцать девять рабов-негров, принадлежащих частным лицам с двадцатью двумя детьми, собственность различных частных особ и просто двадцать семь негров с двенадцатью детьми. Всех испанцев разоружили. Мужчинам приказали отправиться на плантации заготавливать провиант, а женщин заперли в церкви. После этого пираты обошли все форты — а их было десять, и все они были превосходно укреплены.

Форт Сан-Херонимо, расположенный на горе, был вооружен восьмью пушками, стрелявшими двенадцати-, восьми- и шестифунтовыми ядрами. Кроме того, там были мушкеты, порох, свинец, фитили и боевой припас.

Вторая батарея называлась Платформа-де-Сан-Матео. Третья, и самая важная, носила имя Св. Тересы Кастильской, на ней было двенадцать пушек, стрелявших двенадцати-, восьми- и шестифунтовыми ядрами, мушкеты, связанные по десятку, и девяносто обычных мушкетов, а также гранаты, порох, фитили и разный боевой припас. Крепость была построена из камня на известковом растворе. Стены ее поражали необычайной толщиной, вокруг крепости был ров хотя и без воды, но весьма внушительный — глубина его достигала двадцати футов. Войти в крепость можно было только по мосту. В самом центре крепости был холм, обнесенный со всех сторон кирпичными стенами. На нем было четыре пушки, которые могли вести огонь и по гавани, и по острову. Со стороны гавани крепость была совершенно неприступна: гора обрывалась вниз, а течение под берегом было очень сильное. Со стороны суши взять крепость силой было тоже непросто — к ней вела дорога не шире трех-четырех шагов, сжатая с обеих ее сторон скалистыми крутыми обрывами.

Четвертая батарея называлась Платформой-де-Сан-Аугустин. На ней было три пушки, стрелявшие восьми- и шестифунтовыми ядрами.

Пятая батарея называлась Платформой-де-ля-Консепсьон. На ней было две пушки, стрелявшие восьмифунтовыми ядрами.

Шестая батарея называлась Платформой-де-Нуэстра-сеньора-де-Гваделупе. На ней было две пушки, стрелявшие двенадцатифунтовыми ядрами.

Седьмая батарея называлась Платформой-де-Сан-Сальвадор. На ней было две пушки, стрелявшие восьмифунтовыми ядрами.

Восьмая батарея называлась Платформой-де-лос-Артильерос. На ней было две пушки, стрелявшие шестифунтовыми ядрами.

Девятая батарея называлась Платформой Санта-Крус. На ней было три пушки, стрелявшие восьми- и шестифунтовыми ядрами.

Десятая батарея называлась Эль-Фуэрте-де-Сан-Хосе. На ней было шесть пушек, стрелявших двенадцати- и восьмифунтовыми ядрами. Кроме того, там были два десятка связанных мушкетов, двадцать обычных мушкетов, запасы пороха, свинца, фитилей и прочего боевого припаса.

На острове имелся также специальный арсенал, и в нем хранилось более трех тысяч фунтов пороха, а также различные боевые припасы. Все это снаряжение было доставлено на пиратские корабли, батареи разоружены, орудия заклепаны, а лафеты сожжены. Не разоружены были лишь крепость Санта-Тереса и форт Сан-Херонимо. Там пираты выставили стражу.

Когда Морган все уладил, он приказал узнать у пленных, нет ли среди них разбойников, которые знали бы окрестности Панама или Пуэрто-Бельо. На призыв пиратов отозвались трое, они утверждали, что хорошо знают эти места. Морган обласкал их и стал затем допытываться, не смогли ли бы они провести его войска к Панаме и вообще хотят ли они быть его проводниками; при этом он обещал их выпустить на волю и взять с собой на Ямайку, наделив такой же добычей, как и всех остальных пиратов. Когда пленники уяснили, чего от них, собственно, хотят, они с радостью согласились служить Моргану. Один из них был метисом, и он вызвался добровольно сопровождать пиратов, ибо желал отомстить за все те утеснения, которым подвергнулся у испанцев, а в жизни ему и впрямь не повезло, и, пылая злобой, он убивал,

насилничал и воровал. Этот злодей уговорил двух своих товарищей служить пиратам. А эти двое были индейцами, знавшими испанские обычаи, и им ведомы были все местные дороги. Метис угрожал им смертью, если они не пойдут служить пиратам. Моргану он сказал, что те двое дорогу знают отлично, но их нужно нещадно бить, если они позволят себе послушаться тех, кто им приказывает.

Морган хотел, посоветовавшись с командирами, послать вперед четыре корабля и барку, чтобы завладеть крепостью на реке Чагре. Так нужно было поступить, чтобы у испанцев не возникло никаких подозрений, а они у них появились бы, если бы к берегам материка двинулся весь флот Моргана, и они догадались бы, что готовится нападение на Панаму. Согласно принятому решению, со всей флотилии собрали четыреста человек. Они и должны были пойти на четырех кораблях и захватить форт Чагре.

Теперь мы на время покинем Моргана с его войском, оставшимся на этом острове, и последуем за четырьмя кораблями, чтобы поглядеть, как же им удалось захватить крепость Чагре.

Глава четвертая

Повествование о том, как четыреста пиратов Моргана захватили крепость Сан-Лоренсо-де-Чагре.

Командира этих четырех кораблей звали Бродели; он уже не раз ходил на разбой и успел совершить много злодеяний. Покинув остров Санта-Каталина, три дня спустя пираты подошли к крепости Чагре, которая стояла на высокой горе в устье одноименной реки. Крепость со всех сторон была защищена палисадами с земляными насыпями, а гору пересекал глубокий ров глубиной футов в тридцать. По дороге в крепость через него был перекинут узкий мост, по которому мог пройти только один человек; со стороны суши у крепости было четыре бастиона, а с моря — один. С юга гора была очень крута и взобраться на нее было совершенно невозможно, с северной же стороны протекала река. У самой воды на скале стояла башня, и на ней было установлено восемь пушек, которые уничтожили бы каждого, кто появился со стороны реки; немного дальше было еще две батареи по шесть пушек, державших под обстрелом берег. На горе было несколько складов с боевым снаряжением и провиантом. Грузы доставляли сверху по течению реки или с горы. В гору вела лестница, по которой поднимались в крепость. К западу от крепости имелась гавань, где могли найти пристанище корабли с осадкой в три, четыре и даже семь футов. Перед крепостью также была недурная якорная стоянка, глубина воды достигала там восьми футов; в устье реки была скала, едва скрытая водой.

Заметив пиратские корабли, испанцы открыли огонь из тяжелых пушек. Но пираты вошли в меньшую гавань и стали на якорь примерно в миле от стен крепости. На следующий день на рассвете пираты высадились и углубились в лес, чтобы захватить крепость и дать возможность флотилии войти в реку. Прежде чем добраться до крепости, пиратам пришлось побродить немало времени — шли они с рассвета до двух часов дня; лес оказался труднопроходимым, надо было прорубаться через густые заросли и обходить болота и скалы. У пиратов в отряде были рабы с острова Санта-Каталина, им-то и пришлось прокладывать путь.

Когда пираты подошли к крепости, испанцы встретили их залпом из тяжелых пушек и нанесли пиратам большой урон: ведь у них не было никакого прикрытия. Место, по которому должен был пройти отряд, чтобы захватить крепость, было совсем плоское и голое. Испанцы их видели, сами же оставались невидимыми. Отряд попал в тяжелое положение, пираты не знали, как лучше захватить крепость, которая застряла у них, словно кость в горле. Вернуться назад они тоже не могли, дабы не опозориться перед своими товарищами. Поэтому они решили взять крепость штурмом, пусть бы даже она не стоила этого. Они храбро пошли в атаку с ружьями и гранатами, но испанцы были надежно прикрыты и не несли почти никаких потерь. Они стреляли сверху из пушек и мушкетов и кричали: «Vengan los demas, perros ingleses enemigos de Dios y del Rey; Vosotros no habeis de ir a Panama!» Это означало: «Приведите и остальных, английские собаки, враги бога и короля, вам все равно не пройти в Панаму!»

В конце концов пираты были вынуждены отступить. Вечером они снова подошли к стенам и, бросая гранаты, попытались прорваться за палисады. Однако им снова не повезло. Одному из пиратов пробили стрелой плечо. Кляня все на свете, он вытащил ее, схватил кусочек ситца, который был у него в кармане, обмотал стрелу и сунул ее в огонь. Стрела вспыхнула, он забил ее в ружье и выстрелил в один из крепостных домиков, покрытый пальмовыми листьями. Его товарищи поступили так же. Вскоре они изловчились и подожгли два или три дома. Испанцы были так увлечены обороной, что даже не заметили, как занялась у них над головой крыша; от пожара взорвалась часть порохового запаса, и много испанцев

погибло. Пираты, завидя взрыв, стали наступать еще яростнее, но пожар не поколебал испанцев, они стали гасить огонь. Однако воды им не хватало, чтобы остановить пламя, дерево было совсем сухое, дул свежий бриз, и все их труды пропали даром. Как только пираты заметили, что огонь усилился и перешел на другие дома внутри крепости, они догадались, как зажечь ее и снаружи. Сначала они пытались поджечь палисады. Однако дело это оказалось тяжелым, и пираты понесли большие потери. В ров, куда спустились пираты, испанцы бросали горшки с порохом, вставляя в эти бомбы горящие фитили. Много пиратов погибло. Но остальные шли на штурм, несмотря на сопротивление испанцев. К ночи палисады охватил огонь, и пираты ползком пробирались через завесу пламени: иначе действовать они не могли, в противном случае их сразу заметили бы испанцы и мгновенно расстреляли. К утру все палисады сгорели дотла. Земля начала оседать в ров, а вместе с ней стали отваливаться и пушки. Испанцы остались без защиты, но продолжали мужественно отстреливаться. Губернатор крепости отдал жестокий приказ: несмотря ни на что, ни один человек не должен был покидать свой пост. Он велел подкатить к брешу, образовавшейся от пожара, новые пушки и продолжать стрельбу. Однако, когда укрытий не стало, испанцы пали духом. Пираты, ослепленные яростью, уже не могли приметить ни одного защитника крепости — то ли они где-то прятались, то ли уже бежали.

Между тем огонь разрастался. Как только была прорублена большая брешь, пираты сами стали тушить пламя, засыпая его землей. Часть пиратов принялась тушить пожар, часть пустилась преследовать врага. В конце концов большинство испанцев испустило дух — одни сгорели, другие погибли от пуль. Около полудня пираты прорвались через брешь, и, хотя огонь все еще пылал, губернатор с оставшимися двадцатью пятью солдатами сопротивлялся, причем те, кто уже не мог стрелять из ружей, дрались пиками или кидали в пиратов камни. Однако, несмотря ни на что, пиратам удалось проникнуть в крепость и овладеть ею. Оставшихся в живых добились без пощады. Их сбросили в ров, где они переломали себе кости. Губернатор отступил к арсеналу, там стояли еще две пушки. Он решил защищаться до конца и не сдавался, поэтому пиратам пришлось убить его. В крепости осталось еще человек тридцать, десять из них были совершенно невредимы. Они признались, что человек восемь или десять скрылись в сторону Панамы. Вот и все, что осталось от гарнизона в триста четырнадцать человек. Среди уцелевших не было ни одного офицера. Пленники рассказали, что губернатор Панамы три недели назад получил из Картахены известие, что с острова Эспаиьолы отошел английский флот и что пираты намерены разграбить Панаму. Это сообщение, как они сказали, доставил один ирландец, который дезертировал из отряда пиратов на Рио-дела-Аче. Он сказал, что пираты захватили Рио-де-ла-Аче, дабы обеспечить припасами команды своих кораблей. После таких новостей президент Панамы приказал отправить в крепость отряд в сто шестьдесят человек и снабдил ее запасами провианта и боевым снаряжением; гарнизон пополнился, и в нем стало триста четырнадцать человек, причем все были отлично вооружены. Пленники сообщили также, что президент устроил засады по течению реки и что такие же засады делаются в саванне. Его войско — две тысячи четырехста белых, шестьсот мулатов и шестьсот индейцев со стадом в две тысячи быков.

Пираты захватили крепость, но сделать это оказалось труднее, чем на острове Санта-Каталине. Они подсчитали убитых — их было больше ста, кроме того, без малого шестьдесят человек было ранено. Пленников заставили перенести трупы испанцев с горы в долину, вырыть там могилы и похоронить их. Раненых испанцев принесли в церковь, где уже были женщины. Когда пленники разделались с трупами, их заставили привести в порядок укрепления, пострадавшие от огня.

После отплытия четырех кораблей Морган не стал задерживаться на острове Санта-Каталине. Он приказал погрузить на суда весь провиант, который у него был, — маис и касаву, рассчитывая пополнить припасы в крепости Чагре. Он решил прибыть туда дня через два после захвата крепости и, не останавливаясь, пойти по реке, не дав испанцам времени собраться с силами. Поэтому он приказал сбросить все крепостные пушки в воду, однако в таком месте, откуда их можно было бы снова извлечь, ибо он надеялся еще вернуться на остров и похозяйничать на нем. Пираты сожгли также все дома, за исключением церкви, которая почти не пострадала. Всех пленных они увели с собой. Затем Морган вместе с флотом отправился к Рио-де-Чагре. Он достиг ее на восьмой день после захвата крепости. Как только Морган увидел над крепостью английский флаг, он тут же вошел в реку. Но его корабль и еще три судна наскочили на утес в самом устье реки. Правда, Морган не потерял ни одного человека. У пиратов не было времени, чтобы перенести грузы на берег, устранить последствия аварии: внезапно налетел северный ветер, разбил суда в щепки и выбросил их на берег.

Когда Морган вошел в крепость и допросил пленных (а они ему вторично сообщили то, что уже рассказали раньше пиратам), он заставил их тут же взяться за работу, укрепить форт и обнести его новыми палисадами. Тем временем в реку, которую испанцы называют Чаттен, вошло еще несколько кораблей; по виду они были похожи на баржи, которые используются вместо паромов; плавают на них, отталкиваясь

шестами, как это делают в Голландии на больших баржах; они, однако, используются в этих местах при переходах из Пуэрто-Бельо в Никарагуа. На каждой из них было установлено по две пушки и по четыре баса, кроме того, пираты снарядили еще четыре легких судна, на которых можно было бы плавать по реке на веслах, и спустили все каноэ, которые были на борту кораблей. Четыреста человек оставили в крепости, сто пятьдесят — на кораблях, стоявших на реке. Все остальные пираты — примерно тысяча двести человек — должны были идти в Панаму. Они не взяли с собой никаких припасов, надеясь пополнить их в тех местах, где выше по течению испанцы соорудили засады.

Глава пятая

Морган идет на Панаму из крепости Рио-де-Чагре с отрядом в тысяча двести человек.

Морган все тщательно взвесил, основательно усилил крепость и благодаря счастливому случаю обеспечил всех своих людей боевым снаряжением. Затем он вышел в поход на Панаму. Это произошло 18 января 1670 года⁸⁶. У Моргана было пять кораблей с пушками и тридцать два каноэ, на всех были полные команды. Опишем этот поход день за днем, начиная с выхода из крепости Чагре и до вступления в город Панаму.

Пираты подняли паруса и гребли по течению. В первый же день они прошли примерно шесть испанских миль и к вечеру достигли места, которое называлось Рио-де-дос-Брадос, где часть отряда сошла на берег, чтобы отоспаться; на плаву об этом нечего было и думать — в такой тесноте сидели на палубах. На берегу были возделанные поля. Пираты надеялись найти какие-нибудь овощи или фрукты, чтобы утолить голод, однако испанцы унесли буквально все и дома оставили совершенно пустыми. Пираты расположились на ночлег, надеясь, что на следующий день им удастся найти, чем набить желудок. На этот раз у них хоть был табак, и они курили вволю.

На следующий день, второй день, пираты вышли на рассвете и к полудню достигли местечка Крус-де-Хуан-Гальего, где должны были оставить свои корабли, потому что река стала очень мелкой — в верховьях ее давно не было дождей. Кроме того, в воде плавало много бревен, которые мешали продвигаться дальше, и приходилось предпринимать большие усилия, чтобы проводить корабли через эти заторы. Проводники сказали нам, что в двух-трех милях выше начинается участок, где удобно идти берегом; решено было часть отряда направить по суше, а часть по воде на каноэ. В этот вечер команды пожелали остаться на кораблях: ведь в случае нападения многочисленного отряда они все равно должны были бы отойти на суда, под защиту корабельных пушек. Когда Морган двинулся дальше, он оставил на кораблях сто шестьдесят человек. Им было запрещено сходить на берег, чтобы никто из них не попал в плен и чтобы никто не узнал численность экипажей.

На следующий день, это уже был третий по счету, ранним утром несколько пиратов вышли в сопровождении проводника, чтобы поглядеть, можно ли высадиться на берег. Пираты, естественно, опасались, что враги могут устроить засаду: ведь леса на побережье были очень густые; кроме того, вокруг тянулись болота, и это еще больше осложняло все дело. Морган счел необходимым высадить часть отряда на каноэ в местечке Седро-Буэно; вечером каноэ вернулись и забрали еще одну партию. Пираты рвались в бой, чтобы раздобыть чего-либо съестного — уж больно они страдали от голода.

На четвертый день большинство пиратов уже шло по суше, их вел провожатый; часть отправилась на каноэ с другими проводниками. Они плыли на двух каноэ впереди флотилии на расстоянии примерно трех мушкетных выстрелов и должны были первыми обнаружить засады испанцев. Но у испанцев были лазутчики, которые обогнали пиратов и сообщили обо всем, что видели; они предупредили испанцев о приближении пиратов за полдня до того, как те появились. К обеду отряд добрался до селения Торна Кабальос. Там их уже поджидали ушедшие вперед каноэ, которые обнаружили испанскую засаду. Пираты тотчас же приготовились к бою, да с таким воодушевлением и радостью, будто шли на свадьбу, надеясь разжиться пищей и питьем. Они теснили друг друга, каждый стремился вырваться вперед; однако, захватив укрепление, они убедились, что птицы покинули гнездо; нашли они здесь лишь полтораста кожаных мешков из-под хлеба и мяса, в них лишь несколько краюшек хлеба, а этого было явно недостаточно, чтобы накормить такую ораву. Хижины, построенные испанцами, были снесены. Поскольку ничего больше не было, пираты съели кожаные мешки, да с таким аппетитом, словно это было мясо.

⁸⁶ Здесь и далее у автора указана неправильная дата. Захват Панамы произошел не в 1670 г., а в 1671 году.

Каждый готовил их по своему вкусу, некоторые даже дрались из-за них; те, кто успел захватить мешки, были рады, что им достался лакомый кусочек. Вероятно, в этой засаде было не меньше пятисот испанцев. Передохнув и немного утолив голод кожей, пираты снова отправились в путь.

К вечеру они достигли поста Торна Муни, где была устроена еще одна засада. Однако и ее испанцы покинули. Это открытие не вызвало у пиратов радости: я говорю радости, а не печали, потому что, нарвись пираты на испанцев, они испытали бы истинное счастье, бой окрылял их надеждой на пищу и питье. Вторую засаду они захватили мгновенно и сразу принялись за поиски съестного, однако, увы, испанцы оставили очень мало пищи; поэтому те, у кого не было даже кожи, должны были довольствоваться только водой.

Вероятно, люди, которые никогда не покидали домашнего очага, полагают, что кожа совершенно несъедобна; и, разумеется, им любопытно было бы дознаться, как же пираты готовят ее; делают они это так: растягивают кожу на берегу, придавив двумя камнями, и оставляют, чтобы она отсырела, потом из нее выдергивают волосы и поджаривают на углях, а потом режут на куски и жуют.

На следующий день, пятый по счету, с наступлением дня пираты двинулись дальше. К обеду добрались до местечка под названием Барбакоа, где наткнулись на еще одну покинутую засаду. Вокруг было много возделанных полей, и пираты отправились обшаривать их в надежде хоть как-нибудь утолить страшный голод. Однако испанцы и здесь почти ничего не оставили. В конце концов после долгих поисков, обнюхав и обшарив все углы, пираты заметили яму, которая, очевидно, была вырыта совсем недавно; в ней оказалось два мешка муки, две большие бутылки вина и бананы. Морган, зная, что от голода многие его люди размякли и ослабели, отдал приказ разделить найденные запасы между теми, кто в этом больше всего нуждался. Когда пираты кое-как утолили голод, отряд снова отправился в путь; те, кто от усталости уже не мог идти, сели в каноэ, а те, кто до этого плыл в них и раньше, сошли на берег. Так они плелись до самого позднего вечера, пока не добрались до какого-то поля и там заночевали. Испанцы и здесь поступили так же, как и в других местах, — они опустошили плантацию.

На следующий день, а это был день шестой, будить никого уже не надо было — всех томила голодная бессонница. Пираты продолжали путь обычным образом: одни шли через лес, другие плыли на каноэ. Когда делали привал, кто-нибудь отправлялся в лес в поисках пищи; одни ели листья, другие — семена деревьев или траву, настолько все оголодали. В тот же день пиратам удалось дойти до плантации, на которой стояла хижина, набитая маисом; ее тотчас же разнесли, и каждый получил столько маиса, сколько хотел; его ели прямо из горсти. Поделив маис, пираты отправились дальше; примерно через милю они наткнулись на индейскую засаду. Пираты бросили маис, надеясь, что встретят здесь людей и найдут съестные припасы, но, подойдя поближе к тому месту, где видели индейцев, не нашли ни людей, ни продовольствия; только на другом берегу они заметили сотню индейцев, пустившихся наутек. Кое-кто из пиратов бросился в воду, чтобы догнать индейцев; они решили, что если не будет ничего съестного, то съедят самих беглецов. Однако индейцы моментально скрылись в зарослях и успели ранить при этом двух или трех пиратов, причем один был убит наповал. Индейцы закричали: «На, perros, a la savanna, a la savanna!» Это означало: «Вот вам, собаки, какова саванна!» Пираты в этот день уже не могли идти дальше, ибо, чтобы продолжать путь, надо было переправиться на другой берег.

На ночлеге они стали роптать. Одни хотели вернуться назад, другие — таких было большинство — принялись ругать их. Однако вскоре все ожили: один из проводников сказал, что неподалеку должно быть селение, жители которого, без сомнения, окажут сопротивление, и поэтому там найдется кое-что съестное.

На следующий день, это был уже день седьмой, пираты проверили и прочистили ружья, чтобы при встрече с врагами не случилось осечки. Потом они переправились на каноэ на другую сторону реки; место, где они ночевали, называлось Санта-Крус. Когда все переправились и привели себя в порядок, отряд тронулся, надеясь напасть на защитников селения и, как я уже говорил, утолить голод. Около полудня они подошли к деревне Крус и увидели густой дым. Все приободрились — испанцы, мол, уже готовят вертелы, чтобы встретить нас. Однако когда они подошли поближе, то убедились, что хоть огонь и полыхал, но пищи никакой в этом месте не было: испанцы сожгли все постройки, исключая укрепления и казенные скотные дворы. Коров, которые паслись неподалеку, куда-то увели, так что нигде не было ни одной скотины, кроме собаки, которую пираты тотчас же убили и разодрали на части. В королевском складе нашли не то пятнадцать, не то шестнадцать глиняных сосудов с испанским вином и кожаный мешок с хлебом. Пираты, захватив вино, напились без всякой меры и чуть не умерли, и их вырвало всем, что они ели в пути, листьями и всякой прочей дрянью, — всем, чем они набили себе желудки. Им невдомек была истинная причина, и они было подумали, что испанцы добавили в вино яд; на следующий день они не в состоянии были передвигаться и вынуждены были заночевать в селении Крус, которое они накануне разорили. Это селение лежит на 9°20' северной широты, примерно в шестнадцати испанских милях от реки

Чагре и в восьми милях от Панама. В это селение по реке приходят суда, потому что здесь есть склады, где хранят товары; отсюда грузы везут на ослах в Панаму. Морган был вынужден оставить каноэ и со всем своим отрядом двинулся по суше, а каноэ он вернул назад, туда, где остались корабли. Одно каноэ он приказал спрятать, чтобы в случае необходимости использовать его для сношений с остальными пиратами. Неподалеку от селения и на полях, окружавших его, пираты временами замечали испанцев и индейцев. Поэтому Морган решил сделать высадку с отрядом по меньшей мере в сто человек. Несмотря на голод, на предложение Моргана откликнулось довольно много пиратов. Они разбились по трое и по четверо, а также группами в пять-шесть человек и отправились на поиски пищи. Индейцы и испанцы, которые внимательно наблюдали за их действиями, напали на одну из таких партий и захватили ее в плен; остальные пираты вернулись и сообщили об этом Моргану, однако Морган скрыл от пиратов этот случай, чтобы они не пали духом, а на ночь выставил сильную стражу.

На следующий день, это был день уже восьмой, Морган двинулся к Панаме. Он выслал вперед хорошо вооруженный отряд в двести человек, дабы разузнать, нет ли на пути засад. Сделать их было очень легко: дорога сузилась и стала почти непроходимой; по ней могли идти не больше двенадцати человек в ряд, местами она была еще уже. Часам к десяти пираты подошли к местечку Кебрада-Обскура. Там в них выпустили три или четыре тысячи стрел, причем, откуда сыпались эти стрелы, нельзя было понять. А затем дорога вступила в ущелье и так сузилась, что по ней едва мог пройти только один навьюченный осел. Это вызывало большую тревогу, поскольку пираты никого не видели, а стрелы сыпались на них градом. Они храбро бросились в лес, некоторые открыли огонь по испанцам, которые показались на склонах ущелья, но те через заросли отошли в глубь леса, к выходу из теснины, и там встретили пиратов тучей стрел. Испанцам помогал отряд индейцев, причем индейцы держались очень стойко до тех пор, пока не ранило их командира; он пытался подняться, чтобы поразить одного из пиратов дротиком, но был убит и остался лежать на месте рядом с еще двумя или тремя павшими в бою индейцами. Пираты шли на все, только бы захватить пленных, но это никак не удавалось, потому что индейцы бегали значительно быстрее. В этом бою пираты потеряли восемь человек убитыми и десять ранеными, и, если бы у индейцев было чуть больше выдержки, ни один из пиратов не ушел бы живым; к тому же индейцы стреляли из луков через заросли, из-за деревьев их стрелы в полете теряли силу и, никого не поражая, падали на дорогу. Немного спустя пираты вышли в большую долину, сплошь заросшую травой; все вокруг было видно далеко, и пираты заметили на горе несколько индейцев, недалеко как раз от той дороги, по которой им предстояло идти. Когда раненые были перевязаны, пятьдесят наиболее проворных пиратов тут же погнались за индейцами, чтобы взять кого-нибудь из них в плен, однако все было тщетно. Но как только все пираты двинулись вперед, индейцы снова вынырнули перед ними и закричали, как и прежде: «*A la savanna, a la savanna, Cornudos perros ingleses!*»⁸⁷. Они были на горе, и пираты, находясь в долине, предположили, что где-то должна быть еще одна засада. Чтобы обезопасить путь, Морган послал вперед двести человек, а остальных пиратов оставил на склоне горы. Как только испанцы или индейцы увидели спускавшихся в долину пиратов, они тотчас же туда помчались, словно хотели вступить в бой, но скрылись из виду и ушли через лес, оставив пиратов в покое. Вечером начался дождь, поэтому пираты уклонились в сторону, чтобы отыскать место для ночлега и там подсушить оружие. Но индейцы сожгли все свои жилища и увели коров, так что, страдая от голода, пираты были вынуждены вернуться. Они нашли несколько жилищ, но ничего съестного там не было. Все люди не могли разместиться в этих хижинах, поэтому от каждой группы было выделено несколько человек, чтобы охранять оружие, которое и сложили в хижинах: в случае необходимости каждый мог бы взять свое оружие. Остальные спали под открытым небом, но сон был плохим, потому что дождь лил всю ночь не переставая.

На следующий день, день девятый, когда забрезжила заря, причем было еще весьма прохладно, Морган приказал снова отправиться в путь, и путь этот был труднее, чем когда бы то ни было прежде, потому что солнце палило немилосердно. Спустя два или три часа пираты заметили десятка два испанцев, которые следили за их действиями. Пираты попытались догнать их, но тщетно: испанцы были очень хитры и хорошо знали дорогу, и, когда пираты думали, что испанцы где-то впереди, оказалось, что они идут в хвосте отряда. Наконец пираты взобрались на гору, откуда открылся вид на Южное море и на большой корабль с пятью или шестью барками: суда эти шли из Панама на острова Тобаго и Тавагилья. Тут отвага снова наполнила сердца пиратов; и еще больше они возликовали, когда спустились с горы в обширную долину, где паслось много скота. Они тотчас же разогнали стадо и перебили всю скотину, которую удалось им догнать. Все делалось очень рьяно: одни пираты охотились, другие разводили огонь, чтобы без промедления приступить к приготовлению пищи. Кто волок быка, кто корову, кто лошадь, кто осла; туши

⁸⁷ В саванне, в саванне мы с вами разделяемся, грязные английские собаки! (исп.)

тотчас же разрубили и неободренные куски мяса бросили в огонь; едва опалилась шерсть, как пираты накинулись на сырое мясо так, что кровь текла по их щекам. В разгар пиршества Морган приказал бить ложную тревогу: кто вскочил, кто пустился бежать, однако никто не расстался с мясом, свои куски они прихватили с собой. Наконец все собрались и построились для дальнейшего похода. Отряду почти в пятьдесят человек было приказано выступить вперед, чтобы добыть пленных, поскольку Морган весьма опасался, что так и не получит никаких сведений о силах испанцев. Вечером снова показался отряд испанцев человек в двести, они что-то кричали, однако понять ничего было нельзя; за ними погнались, но испанцы словно провалились сквозь землю. Пройдя еще немного, пираты заметили башни Панамы, трижды произнесли слова заклятия и принялись кидать вверх шляпы, заранее уже празднуя победу. В эту ночь они решили выспаться, надеясь вступить в Панаму на следующий день рано утром. Они расположились в чистом поле и стали бить в барабаны, трубить в трубы и махать флажками, будто наступил большой праздник. На звуки труб прискакало около пятидесяти всадников, которые остановились на расстоянии выстрела; у них тоже были при себе трубы, и, дудя в них, они кричали: «Manana, manana pegos nos veremos!» (Завтра, завтра, собаки, мы вернемся!) С этим они ускакали, оставив на месте человек семь или восемь для наблюдения за пиратами. Однако дозор этот не встревожил пиратов: все принялись резать траву, сооружая себе на ночь постель. Отряд в двести человек, который был выслан вперед, вернулся и попытался поймать испанцев. Пираты вообще не очень-то тревожились: мясо у них еще оставалось, а наелись они досыта. Каждому из них было заранее сказано, что делать, если ночью нападут испанцы; вокруг лагеря (если это стойбище можно было назвать лагерем) выставили караулы. Испанцы всю ночь вели из города огонь из тяжелых пушек.

На следующий день, это уже был день десятый, рано утром, с восходом солнца, пираты приготовились к бою с испанцами; и, как только Морган все привел в надлежащий порядок, отряд выступил под бой барабанов с развевающимися знаменами. Проводники, шедшие вместе с пиратами, предупредили Моргана, что лучше было бы здесь свернуть с большой дороги и поискать другой путь, ибо испанцы на главной дороге безусловно устроили засады и, сидя в них, могут причинить много вреда; этот совет был принят, и пираты пошли через лес на расстоянии мушкетного выстрела от большой дороги; и, хотя идти было очень трудно, они не унывали: ведь для пиратов не существует неудобств и они уже столько пережили, что совсем не считались с новым затруднением. Испанцы, как и говорил проводник, укрепились на большой дороге и, заметив, что пираты избрали другой путь, вынуждены были выйти им навстречу. Испанский военачальник построил своих солдат в боевой порядок и двинулся вперед. Испанские силы состояли из двух эскадронов, четырех батальонов пехоты с двумя косяками быков, кроме того, у них было много индейцев, негров и мулатов. Пираты стояли на небольшом холме и хорошо видели испанцев, причем каждому теперь хотелось быть от страха подальше, поскольку силы испанцев были несравненно больше, а уклониться от боя было невозможно. Тогда Морган решил сам напасть на испанцев и биться до последнего вздоха: ведь на пощаду никто не мог надеяться. Итак, решив вступить в бой, они разбили свой отряд на три батальона, но вперед выставили двести французских буканьеров, поскольку у них были наилучшие ружья и все они слыли прекрасными стрелками. Буканьеры двинулись вперед, остальные последовали за ними, спустились с холма, а испанцы уже поджидали их на широком открытом поле. Когда большая часть пиратов спустилась в долину, испанцы стали кричать: «Viva el Roy!» (Да здравствует король!) Одновременно пиратов атаковала конница, но тут всадникам помешало болото, и они продвигались очень медленно. Двести охотников, на которых как раз и мчались всадники, подпустили их поближе. Часть буканьеров вдруг встала на колени и дала залп, потом то же самое сделали остальные, так что огонь велся непрерывно. Испанцы же не могли причинить им никакого вреда, хотя стреляли довольно метко и делали все, чтобы отбить пиратов. Пехота попыталась прийти коннице на помощь, но ее обстрелял другой пиратский отряд. Тогда испанцы решили выпустить с тыла быков и привести пиратов в замешательство. Однако пираты мгновенно перестроились; в то время как остальные сражались с наступающими спереди, люди в арьергарде махали флажками, затем дали по быкам два залпа; быки обратились в бегство вопреки стараниям их погонщиков, которые побежали вслед за ними. Бой продолжался примерно часа два, пока испанская конница не была разбита наголову: большинство всадников было убито, остальные бежали. Пехота, убедившись, что нападение их кавалерии принесло мало пользы, и не имея дальнейших приказов, которые должен был бы отдать их предводитель, выстрелили из мушкетов, бросили их и побежали во всю прыть; пираты, измотанные голодом и утомленные долгой дорогой, не смогли пуститься в погоню. Некоторые испанцы, не надеясь на свои ноги, спрятались в зарослях тростника у небольших прудов, однако пираты находили их и тут же убивали, словно это были собаки. Они взяли в плен группу серых монахов; те предстали перед Морганом, но он приказал их перебить без всякой пощады, не желая выслушать от них ни единого слова. После этого к нему привели командира конницы, который был ранен в бою. Морган приказал допросить его, и тот сообщил, каковы у испанцев силы; он признался, что в бою участвовали

четыреста всадников и двадцать рот пехоты, в каждой роте по сто человек, а также шестьсот индейцев, негров и мулатов и что в бой ввели две тысячи быков, чтобы расстроить ряды пиратов и затем перебить их всех до единого; кроме того, в различных местах города испанцы устроили баррикады из мешков с мукой, за которыми они поставили пушки со стороны той дороги, по которой должны были пройти пираты; были устроены редуты и на них установлено по восемь бронзовых пушек и выставлено пятьдесят человек. Услышав об этих приготовлениях, Морган отдал приказ избрать другую дорогу.

Вскоре он приказал барабанщикам дать сигнал к сбору своего воинства; на смотре подсчитал потери. Испанцы исчезли совсем, остались на поле битвы лишь трупы да пленники. Подсчитав людей, Морган установил, что убитых почти не было, а ранено всего несколько человек; между тем испанцы потеряли убитыми шестьдесят человек, помимо раненых и потерявшихся. Столь небольшие потери воодушевили всех, и после небольшой передышки пираты стали готовиться к походу на город и поклялись держаться дружно и сражаться до последнего человека.

После этого они решительно направились к городу, прихватив с собой пленных. Когда пираты вошли в Панаму, им открылось нежданное и нежданное зрелище. Они ведь предполагали, что все бежавшие с поля битвы укрылись в городе. Между тем улицы были закрыты брустверами из мешков муки, на которых стояли великолепные бронзовые пушки. Хотя пираты и бросились на штурм, однако взять баррикады было гораздо труднее, чем драться в чистом поле, потому что пушки стреляли картечью и наносили куда больший урон, чем мушкеты в только что выигранном бою. Однако, несмотря на все это, спустя два часа город был в руках пиратов, и они перебили всех, кто им сопротивлялся. Хотя испанцы и вывезли из города все имущество, остались в нем склады, набитые всевозможными товарами, шелком, полотном и прочим добром.

Как только сопротивление было подавлено, Морган приказал собрать всех своих людей и запретил им пить вино; он сказал, что у него есть сведения, что вино отравлено испанцами. Хотя это и было ложью, однако он понимал, что после крепкой выпивки его люди станут небоеспособными. Впрочем, угроза появления врага была маловероятной.

Глава шестая

Морган посылает несколько кораблей в Южное море, сжигает город Панаму и предаёт разграблению всю страну, совершая все жестокости, на которые только способны пираты, и возвращается в крепость Чагре.

Когда люди Моргана обшарили в Панаме все углы, они посадили двадцать пять человек на барку, которая не могла уйти из гавани из-за сильного отлива; в тех местах вода бывает то очень высокой, то очень низкой, как в каналах в Англии. Во время прилива гавань так глубока, что в нее свободно могут войти галионы, а при отливе море отходит на милю от города. Дно там илистое.

После полудня Морган приказал тайно поджечь дома, чтобы к вечеру большая часть города была охвачена пламенем. Пираты же пустили слух, будто это сделали испанцы. Местные жители хотели сбить огонь, однако это им не удалось: пламя распространилось очень быстро; если загорался какой-нибудь проулок, то спустя полчаса он уже весь был в огне и от домов оставались одни головешки. Хотя большинство построек были деревянные, однако выстроены они были довольно основательно — из крепкого кедра. Внутри многие дома были украшены великолепными картинами, которые сюда завезли испанцы. Кроме того, в городе было семь мужских монастырей и один женский, госпиталь, кафедральный собор и приходская церковь, которые также были украшены картинами и скульптурами, однако серебро и золото монахи уже унесли. В городе насчитывалось две тысячи отличных домов, в которых жили люди иных званий; было здесь много конюшен, в которых содержались лошади и мулы для перевозки серебра к Северному берегу⁸⁸. Вокруг города было еще много разнообразных сооружений и превосходные сады со всевозможными фруктовыми деревьями и зеленью. Кроме того, там был великолепный дом, принадлежащий генуэзцам, и в нем помещалось заведение, которое вело торговлю неграми⁸⁹. Его тоже сожгли. На следующий день весь город превратился в кучу золы; уцелели лишь двести складов и конюшни: они стояли в стороне. Все животные сгорели вместе с домами, и погибло много рабов, которые спрятались

⁸⁸ ...для перевозки к Северному берегу... Здесь имеется в виду Атлантический океан.

⁸⁹ ...и в нем помещалось заведение, которое вело торговлю неграми... Генуэзцы получили патент на торговлю неграми от Карла V в 1518 г.

в домах и уже не смогли вырваться наружу. На складах пострадало много мешков с мукой, после пожара они тлели еще целый месяц.

Пираты всю ночь простояли вокруг города, опасаясь нападения испанцев. Они видели, сколько у испанцев сил, и это их крайне беспокоило. На следующий день всех раненых собрали в монастырской церкви, которая еще уцелела; вокруг нее были сделаны арсеналы и поставлены пушки. После этого Морган сделал войскам смотр, чтобы подсчитать потери. Оказалось, что при захвате города было убито двадцать человек и примерно столько же ранено. На седьмой день Морган послал отряд в сто пятьдесят человек в крепость Чагре, чтобы в тот же день известить ее гарнизон о счастливой победе. Через город отряд провозжали все. Испанцы, стоявшие за городом, заметив их, отошли.

После полудня Морган снова вернулся в город, каждый отряд занял положенное ему помещение, а одна группа пиратов отправилась к руинам сожженных домов, где еще была надежда выудить знатную поживу: серебряную посуду и слитки серебра, которые испанцы бросали в колодцы. На следующий день было снаряжено еще два отряда, каждый по сто пятьдесят человек, чтобы разыскать жителей города, рассеянных по окрестностям. Через два дня пираты вернулись и привели с собой двести пленников — мужчин, женщин и рабов. В тот же день посланная Морганом барка вернулась еще с тремя захваченными барками, однако самый ценный приз — галион, груженный королевским серебром и драгоценностями самых богатых торговцев Панамы, — был упущен; исчезли и монахи со всеми церковными украшениями, серебром и золотом. На этом галионе было семь пушек и десять или двенадцать мушкетов, и стоял он только под нижним парусом, причем у команды не была заготовлена вода. Пираты захватили шлюп с этого корабля с семью матросами. Эти испанские моряки и сообщили разбойникам обо всем, что уже было сказано. Кроме того, они добавили, что галион не мог выйти без воды в открытое море, однако предводителю пиратов было намного милее пьянствовать и проводить время с испанскими женщинами, которых он захватил в плен, нежели преследовать корабль. На следующий день пиратские барки отправились на поиски галиона, но эти поиски оказались бесполезными, поскольку на корабле уже узнали, что пираты выходили в море и захватили шлюп. На галионе тотчас же подняли паруса. Когда пираты увидели, что корабль ушел, они напали на барки, груженные различными товарами, которые направлялись на острова Товаго и Тавагилья, и затем вернулись в Панаму. По возвращении они сообщили Моргану обо всем, что произошло. Пленных матросов допросили, и те ответили, что догадываются, куда отправился галион, однако за это время его команда могла получить пополнение. Морган приказал собрать все суда, которые были в Панаме, снарядить их и догнать корабль; пираты вышли в море на четырех барках с командой в сто двадцать человек. Они пробыли в море целых восемь дней, но никого не встретили. Галион улизнул быстро и бесследно. У пиратов не было больше никакой надежды догнать этот корабль, и они решили отправиться на острова Товаго и Тавагилья. Там они повстречали судно, шедшее из Пайты⁹⁰; оно было гружено шелком, сукном, сухарями и сахаром; на нем было примерно на двадцать тысяч реалов чеканного серебра. С этим судном и сопровождавшей его баркой, на которую они погрузили добро и пленных, захваченных на островах Товаго и Тавагилья, пираты вернулись в Панаму.

Люди, посланные Морганом в Чагре, прибыли с радостной вестью. Они сообщили, что два корабля, вышедшие из Чагре, крейсируя близ устья реки, встретились с испанским кораблем; пираты погнались за ним, а поскольку над крепостью были испанские флаги, судно, попав в столь бедственное положение, решило войти в гавань и пристать к берегу. Уж лучше бы они полезли волку в пасть... Войдя в реку, испанцы вскоре обнаружили, что попали прямо в руки своих врагов. Судно было нагружено съестными припасами, что было весьма кстати, потому что в крепости запасы провианта были уже на исходе.

Это дало возможность Моргану остаться в Панаме, обшарить всю страну и разграбить ее. В то время как часть пиратов грабила на море, остальные грабили на суше: каждый день из города выходил отряд человек в двести, и, когда эта партия возвращалась, ей на смену выходила новая; все они приносили большую добычу и приводили много пленников. Эти походы сопровождались невероятными жестокостями и всевозможными пытками; чего только не приходило в голову пиратам, когда они допытывались у всех без исключения пленников, где спрятано золото. Пиратам удалось отыскать где-то за городом одного старика. На бедняге было отличное платье и шелковые штаны, и на поясе у него висел ключ из чистого серебра. Пираты спросили у него, где тот сундук, от которого этот ключ. Он ответил, что у него нет никакого сундука и что вообще нет у него ничего, что можно было бы открыть этим ключом. Пираты не могли добиться от него никакого признания и избili так, что вывихнули обе руки, его глаза вылезли наружу, словно яйца. Поскольку он продолжал отпираться, его привязали за половой орган и стали снова бить; один из пиратов отрезал ему нос, другой ухо, третий подпалил кожу; вряд ли можно было обращаться с

⁹⁰ ...там они повстречали судно, шедшее из Пайты... Пайта — порт в Перу на берегу Тихого океана.

человеком более жестоко. В конце концов, когда он уже потерял дар речи и пиратам надоело его мучить, беднягу отдали на растерзание негру, который его пронзил копьем. Подобных жестокостей они натворили очень много. Пираты не давали пощады даже монахам, хотя и не рассчитывали получить с них деньги; они просто убивали всех подряд. Женщин тоже не щадили, кроме тех, с кем им хотелось позабавиться; разумеется, если те упирались, их заставляли. Пираты вытаскивали женщин из церкви, где они находились, чтобы якобы дать им возможность умыться, а потом делали, что хотели: их истязали, били, морили голодом, подвергали различным пыткам. Морган, как генерал, должен, казалось бы, дать пример достойного обращения с пленницами, однако он сам был не лучше других, и, если привозили хорошенькую женщину, он сразу же творил с ней всяческие бесчинства. Весьма кстати поведать здесь читателю историю одной женщины, стойкость которой вошла в легенду.

Пираты, возвращавшиеся с моря, привезли с собой с островов Товаго и Тавагиля группу пленных, и среди них была жена одного богатого купца, молодая и красивая. Я не стану описывать ее красоту, а только скажу, что и в Европе краше не было и нет никого. Ее муж отправился в Перу с товарами, и она скрывалась от пиратов со своими родственниками, пытаясь утаить свое добро. Как только ее привезли к Моргану, он тотчас же приказал отделить ее от ближних и поместить вместе с рабыней в особые покои, хотя эта женщина со слезами на глазах молила оставить ее вместе со всеми. Он приказал дать ей все, что нужно, и послал ей к ужину блюда с собственного стола, хотя пищу ей и готовила рабыня. Сперва эта женщина сочла все эти знаки внимания проявлением благородного нрава Моргана, и она была очень удивлена этим и решила было, что пираты вовсе не такие злодеи, как о том ей говорили другие испанские женщины. Когда испанцы вышли из города навстречу пиратам, одна женщина попросила принести ей что-нибудь на память об этих ладронах⁹¹ (так испанцы называли пиратов). Более любопытные просили, чтобы им позволили полюбоваться хотя бы издали битвой, однако мужья сказали им, что предстоит не бой, а резня, на которую противно смотреть, поскольку, добавляли они, разбойники эти не люди, как мы, а звери. Они обещали своим женам, что принесут им головы пиратов. Поэтому многие женщины, увидев позднее пиратов, были очень удивлены и кричали: «Jesus, los Ladrones son como los Espanoles!» (Господи, разбойники такие же люди, как и испанцы!) Морган каждый день заходил в церковь, где содержались пленники, и проходил мимо помещения, где находилась эта женщина, здоровался с ней и иногда даже занимал разговором (он довольно хорошо говорил по-испански); Морган обещал дать ее друзьям и родственникам свободу, — словом, все шло, казалось бы, как подобает. Так продолжалось три дня, а затем он попытался ее обесчестить и предложил ей стать его наложницей, за что посулил разные драгоценности. Женщина эта была весьма добродетельна, она его поблагодарила и сказала, что находится в его власти; но сперва она думала, что он человек порядочный, и не предполагала, будто его благородству скоро придет конец; она сказала, что представить себе не может, как это у него появилась такая мысль, тем более что командиру столь сильного войска не следует подобные требования предъявлять к человеку, жизнь которого полностью в его руках. Эти слова не могли угасить все более и более распявшегося вождения Моргана, он еще настойчивее стал добиваться своего, обещая ей возратить все потерянное богатство, причем в драгоценностях, которые ей было бы легко сохранить. Но она отклоняла все его предложения со всей учтивостью, на которую только была способна. Однако Морган, не добившись ничего по-хорошему, решил применить силу, но она сказала, что достанется ему только мертвой. После этого она окончательно умолкла. В конце концов сопротивление этой женщины так разозлило Моргана, что он приказал перевести ее в другое помещение и запретил кому бы то ни было приходить к ней. Он приказал также отнять у нее платье и давать лишь столько пищи, чтобы она не умерла с голоду. Но она нисколько от этого не опечалилась и проявляла такую же стойкость, моля бога, чтобы он дал ей силы выдержать издевательства Моргана. Но Морган обращался с ней невероятно жестоко под тем предлогом, что она якобы переписывается с испанцами и однажды будто бы послала к ним раба с письмом. Я никогда не предполагал, что женщина может вести себя с такой стойкостью; сам я ее не видел и не беседовал с ней, хотя изредка тайно приносил ей немного еды. Скажу еще, что она испытала затем много бед не только от врагов, но и от своих друзей.

Морган, пробыв в Панаме недели три и добросовестно разграбив все, что попадалось ему под руку на воде и на суше, отдал приказ готовиться к отъезду.

Каждый отряд должен был достать мулов, чтобы перевезти добычу к реке, протекавшей примерно в восьми милях от города. Тем временем около ста пиратов Моргана стали готовить к отплытию корабль, который стоял в гавани; пиратам хотелось еще кого-нибудь ограбить в этих водах, и, кроме того, они рассчитывали захватить большой корабль и на нем возвратиться через Восточные Индии в Европу. Для

⁹¹ ...на память об этих ладронах... Ладрон по-испански вор, разбойник.

этого они запаслись всевозможным боевым снаряжением, порохом и пулями, мукой и хлебом, взяв даже бронзовые пушки на тот случай, если под руку подвернется какой-нибудь остров, где можно будет сделать роздых. Их приготовления увенчались бы успехом, если бы об этом не узнал сам Морган. Он приказал срубить на этом корабле мачты и сжечь их, то же самое сделать и с барками, которые стояли неподалеку; таким образом, все планы этих пиратов были сорваны. Тем временем привели мулов, и Морган послал одного пленного испанца, чтобы тот доставил выкуп за женщин, детей и рабов, а также за монахов, которые были оставлены в качестве заложников за всех их собратьев. Одновременно Морган приказал заклепать все орудия и сжечь лафеты. За два дня до выхода он послал особый отряд, который должен был добыть сведения о губернаторе Панамы; он узнал от пленных, что губернатор собрал большие силы и устроил много засад, с тем чтобы отрезать пиратам путь к отступлению. Однако пираты, возвратившись, сообщили Моргану, что они не обнаружили никаких укреплений; несколько пленников, которых они прихватили с собой, сказали, что губернатор хотел собрать большой отряд, однако все разбежались и его замысел не осуществился из-за нехватки людей.

24 февраля 1670 года Морган вышел из Панамы со всеми своими силами, он вел за собой сто пятьдесят семь мулов, груженных ломаным и чеканным серебром, пятьдесят или шестьдесят мужчин, женщин, детей и рабов.

В тот же день разбойники достигли прекрасной равнины на берегу реки, примерно в миле пути от города; они расположились по кругу, а пленных поместили в середину. Всю ночь только и слышались вопли и стоны женщин, младенцев; одни поминали отца, другие — своих друзей, третьи — своих сородичей. В довершение всего эти бедные люди страдали от жажды и голода. Печальнее всего было смотреть на бедных женщин, прижимавших к груди детей, которых им нечем было кормить. Они просили Моргана на коленях, чтобы он отпустил их, однако жалобы этих несчастных не вызывали у него никакого отклика. Он отвечал, что не желает слушать их стенания: ему нужны деньги и без денег и не подумает кого бы то ни было выпустить из своих рук. Муки этих горемык доставляли Моргану великое наслаждение.

На следующий день он приказал своим людям выступить в путь, прихватив с собой всех пленных; снова поднялся всеобщий стон. Один отряд пиратов с пленниками в середине выступил вперед, другие следовали за ними. Красавице, о которой мы уже говорили выше, Морган приказал идти с двумя пиратами, и бедняжка испытывала те же страдания от палящего солнца и трудностей пути, как и остальные женщины. Морган не запрещал оказывать женщинам услуги, но на эту несчастную (я не без основания называю ее именно так, поскольку судьба подстерегала ее повсюду) дозволение его не распространялось. У нее были друзья-монахи, и она попросила их заплатить за нее выкуп; однако монахи за деньги этой несчастной женщины выкупили своего собрата; ей не удалось отправить и рабов с письмом: Морган перехватил письмо и рабов увез с собой на Ямайку. Но пираты все же узнали, что деньги на выкуп дала эта женщина, и отпустили ее, а монаха схватили.

Когда Морган вошел в поселение на берегу реки Чагре, он сообщил всем пленным, что они должны внести свой выкуп в трехдневный срок, иначе он заберет их с собой. Тем временем он принялся заготавливать рис и маис. Часть пленных была выкуплена.

5 марта Морган вышел из селения Крус со всей своей добычей и еще не выкупленными пленниками, в том числе и с тем монахом, который хотел откупиться чужими деньгами. Однако не успели пираты пройти и половины пути, как подоспели деньги, и этого монаха тут же освободили. Вскоре Морган созвал своих людей и потребовал от них, по старому обычаю, дать клятву (о чем я уже упоминал во второй части повествования), что никто не утаит ни шиллинга, будь то серебро, золото, серая амбра, алмазы, жемчуг или какие-нибудь другие драгоценные камни. Правда, бывали случаи, когда люди давали ложную клятву; чтобы предупредить подобные происшествия, он после того, как дана была клятва, обыскивал пиратов, причем обыску подвергались все до единого. Товарищи Моргана, и в частности капитаны, которым он сообщил о своем намерении, нашли, что обыск необходим. В каждом отряде был выделен человек для этой цели. Морган приказал обыскать и себя самого, а также всех капитанов, и чаша эта никого не миновала. Французские пираты были недовольны, однако их было меньше, и им пришлось смириться с обыском, хотя им было ведомо, что Морган именно французов подозревал в утайке ценностей. После того как все были обысканы, пираты сели на каноэ и на корабль, стоявшие на реке, и 9 числа того же месяца прибыли в крепость Чагре, где все в общем было в порядке, плохо приходилось лишь раненым, которые вернулись туда после боя. Большая часть из них умерла от голода; здоровые тоже чувствовали себя довольно плохо; они пробавлялись лишь птицами, которых испанцы называют гальинакос⁹². Эти птицы обычно питаются

⁹² ...они пробавлялись лишь птицами, которых испанцы называют гальинакос... *Catorista aura* *Caterista atrata* — птицы, похожие на чаек.

падалью, и поэтому они стаями слетались к трупам испанцев. По величине и внешнему виду они напоминают индеек, и когда я впервые увидел их, то принял за индеек и парочку подстрелил. Эти птицы пожирают мясо с необыкновенной жадностью; за день четыре птицы могут съесть целого быка или лошадь. Они переваривают пищу очень быстро. Птицы эти невероятно трусливы и поэтому никогда не нападают на живую добычу, даже если иной пищи у них нет на примете. Сдрать шкуру со своей жертвы они не могут, поэтому сначала выкалывают глаза и проклевывают дыру, потом с большим трудом вспарывают у туши живот и пожирают внутренности, и в конце концов от туши остаются лишь кожа да кости — все мясо они выедают.

Птицы приносят большой вред скотоводам: у только народившихся телят и жеребят они выклевают глаза. Эти птицы всегда сопровождают охотников целыми стаями; они летели и за пиратами на всем их пути к Панаме: всякие скопления людей или зверей сулят им добычу. Испанцы научились распознавать по ним приближение пиратов и, если замечали в воздухе этих птиц, предупреждали друг друга о появлении врага. Об этом они рассказывали сами. Такие птицы встречаются по всему побережью, а также на многих островах, например на Кубе и на Ямайке. Некоторые говорят, что они прежде во множестве водились и на Эспаньоле, однако там внезапно, словно по волшебству, исчезли. Чаще всего они встречаются близ городов и даже в самих городах и очищают улицы от всех нечистот, которые выбрасывают жители: они постоянно сидят на домах и церковных шпилях и ждут, не перепадет ли им что-нибудь, и, если почему-либо из жилищ долго не выбрасывают объедков, они облетают дома раз по десять или двадцать. Эти птицы могут довольно долго поститься. Те, кто за ними наблюдал, говорили, что они порой не едят целый месяц. Пираты в крепости Чагре рассказывали, что вначале, когда они хоронили мертвых, птицы были так худы, что мяса в них было едва ли на две унции. Дней через четырнадцать они отяжелели и уподобились индейкам. Обо всем этом я упоминаю, потому что в Европе таких птиц нет.

Когда Морган со своим отрядом прибыл в Чагре, он решил, что лучше всего здесь и разделить награбленную добычу; провиант уже кончился. Поэтому сделали так: по совету Морганя отправили корабль в Пуэрто-Бельо, чтобы высадить пленных на острове Санта-Каталина и потребовать выкуп за крепость Чагре. Спустя два дня люди с этого корабля привезли известие, что испанцы не помышляют ни о каком выкупе. На следующий день каждый отряд получил свою часть добычи, чуть побольше или чуть поменьше той доли, которую выделил Морган; каждому досталось по двести реалов.

Слитки серебра оценивали в десять реалов за штуку, драгоценности пошли буквально за бесценок, и много их пропало, о чем Морган предупредил пиратов. Заметив, что дележ этот вызвал у пиратов недовольство, Морган стал готовиться к возвращению на Ямайку. Он приказал разрушить крепость и сжечь ее, а бронзовые пушки доставить на борт своего корабля; затем он поставил паруса и без обычных сигналов вышел в море; кто хотел, мог следовать за ним. За Морганом пошли лишь три, а может быть, четыре корабля, на которых были его единомышленники, те, кто был согласен с дележом добычи, учиненным Морганом. Французские пираты погнались за ним на трех или четырех кораблях, рассчитывая, если догонят, совершить на них нападение. Однако у Морганя были изрядные запасы всего съестного и он мог идти без стоянок, что его врагам было не под силу: один остановился здесь, другой — там ради поисков себе пропитания, иначе они не могли бы добраться до Ямайки.

Глава седьмая

Автор повествования отправляется вдоль берегов Коста-Рики и рассказывает обо всем, что там произошло и что ему удалось увидеть самому.

Когда Морган покинул нас, мы взяли курс вдоль берегов Коста-Рики, чтобы найти места, где бы мы смогли запастись продовольствием и проконопатить корабль, который дал течь и требовал ремонта. Вскоре мы достигли мыса Бока-дель-Торо, где нам представился удобный случай нарезать тростника и запастись черепаховым мясом. Мыс этот достигает в окружности десяти миль и со всех сторон окружен островками, так что защищен от всех ветров. В его окрестностях обитают различные племена индейцев, которых испанцы никак не могут подчинить себе и поэтому называют их индиос бравос. На столь малой земле помещается столь много различных народностей, что друг друга они даже не понимают и постоянно воюют между собой. На восточном побережье этого мыса живут индейцы, которые раньше вели торговлю с пиратами; они поставляли все, в чем те нуждались, — маис, касаву и различные овощи, а также кур, свиней и прочих животных, встречающихся в этих местах. Пираты давали им за это старые железные вещи, кораллы и прочие предметы; эти люди использовали их как украшение. Если было нужно, пираты всегда могли найти среди них прибежище; однако впоследствии с этими индейцами произошла ссора, и ни один

из пиратов больше не появлялся в этих местах; а все качалось из-за того, что пираты как-то выкрали у них одну женщину и убили одного мужчину; с тех пор индейцы и не желают торговать с ними.

Добравшись до этого мыса, мы немедленно отправились к тому месту, где надеялись поправить свои дела, однако никого не встретили и были вынуждены довольствоваться крокодилами, зарывшимися в прибрежный песок. Мы отправились к восточной части мыса, где стояло три наших корабля, также ходивших с Морганом; у этих пиратов дела были настолько плохи, что команды сели на строгий рацион, то есть ели один раз в день, и так длилось все время, пока корабли чинились в этом месте. Увидев, в сколь бедственном положении эти люди, мы ушли оттуда и направились к западной части мыса; там мы успешно наловили черепах, и жизнь у нас стала довольно роскошной. Однако со временем у нас иссякли запасы воды, но мы ничего не могли сделать, потому что на берегу были индейцы. В конце концов, без воды нам стало невыносимо, и мы отправились к реке; одна партия людей проникла в лес, другая несла порожние сосуды к воде. Не успели наши люди пройти и часу, как один из наших дал сигнал тревоги. «Aux armes!»⁹³ — крикнул он. Мы тотчас же нырнули в лес, и нас никто не заметил. Вскоре среди деревьев мы увидели бегущих индейцев и помчались за ними, открыв на ходу огонь. Они убежали, но двое остались на месте. Один был явно важной персоной; у него был пояс из коры дерева, который закрывал бедра. Эту кору растягивают между двух камней и бьют, пока она не станет мягкой и тонкой, как шелк. У него была золотая борода, вернее, золотая пластинка примерно в три пальца шириной и в три дюйма длиной, весом около трех лотов; она была подвешена на шнурке через прорезы в нижней губе. Другой индеец был совсем голый; у него не было ни золотой бородки, ни повязки. Все вооружение индейцев состояло из дротиков из дерева пальмисте, примерно семи футов в длину, заостренных с обоих концов; на одном конце был крюк из этого дерева, обе стороны дротика были обожжены. Мы стали искать обиталище индейцев, но нигде его не нашли и решили, что они живут где-нибудь в глубине леса. Нам очень хотелось обнаружить этих людей, чтобы завязать с ними дружбу и купить чего-нибудь съестного; однако это вряд ли удалось бы: ведь они были дикарями. В конце концов мы набрали воды, в которой так нуждались, и ушли. Ночью мы слышали громкие крики и подумали, что индейцы призывают своих собратьев на помощь и одновременно своих погибших товарищей. Мы ничего не смогли рассмотреть и вышли в море.

Когда мы убедились, что ничего съестного здесь не достанешь, а пищи у нас было в обрез, то решили поставить паруса и идти на Ямайку. Повернув к реке Чагре, мы заметили корабль, который погнался за нами. Мы приняли его за испанское судно, шедшее из Картахены, которое должно было доставить гарнизон в крепость Чагре, и пошли по ветру, сделав все, что можно, чтобы оторваться от него; однако судно шло значительно быстрее и после двадцатичетырехчасовой погони догнало нас. Но когда корабль приблизился, мы увидели, что он из нашей флотилии и, вероятно, тоже решил побродить по морю, прежде чем отправиться в Номбре-де-Дьос, а затем в Картахену. Поскольку ветер и течение были встречные, мы решили, что лучше всего отправиться в Бока-дель-Торо. Но путь оказался слишком трудным, и мы потеряли за два дня больше, чем выиграли за все четырнадцать. Вскоре мы решили снова вернуться на старое место, что и сделали, однако долго засиживаться не стали.

Немного спустя мы отправились к проливу Бока-дель-Драгон, чтобы заняться там ловлей животных, которых испанцы называют манатинами⁹⁴, а голландцы — морскими коровами, ибо нос, пасть и зубы у них совсем как у коров. Они не вылезают из воды и пасутся в тех местах, где дно покрыто травой. Вид у них весьма необыкновенный: голова, как у коров, однако без ушей и с обеих сторон маленькие отверстия, в которые нельзя просунуть и пальца. На шее — два плавника, тело, как у акулы, однако длиннее и на хвосте три зубца. Под плавниками два сосца, похожие на груди негритянки; шкура гладкая до самого хвостового плавника, тело плоское и сзади круглое шириной в три или четыре фута, если животное большое. Самые крупные экземпляры в длину достигают примерно двадцати четырех футов, шкура по цвету, как у собаки. На спине шкура в толщину достигает полутора дюймов; если ее высушить, то она становится такой же крепкой, как шкура кита, и годится на изготовление тросов. На животе шкура толще и мягче. У этих животных есть печень, легкие, кишки — короче говоря, все внутренности, как и у быка, вплоть до почек. На каждой стороне у них по шестнадцать ребер, они круглые и посередине имеют утолщение, а к концам острые. Самцы покрывают самок и трутся брюхо о брюхо; у самцов есть такие же органы, как и у иных животных, а у самок щель, словно у коров, она довольно широкая и находится под пупком. Самки рожают не больше одного детеныша; как они их вынашивают, я сказать не могу, потому что мне не представлялось случая видеть это. Слух у этих зверей довольно острый, и, если издашь хоть малейший шум, поймать их

⁹³ К оружию (франц.)

⁹⁴ ...которых испанцы называют манатинами... французы называют их ламантинами. Ламантины — чрезвычайно редкое морское животное из семейства млекопитающих отряда сирен.

почти невозможно. Поэтому, когда их ловят, вместо весел используют маленькие лопатки, которые называют пагайос, а испанцы — канелетас. Гребя ими, можно подбираться к этим животным так тихо, что они не замечают опасности. Ловцы не должны переговариваться между собой, они только смотрят, куда показывает гарпунер, стоящий в лодке. Этим манатинов ловят точно так же, как черепах; но гарпуны, которыми бьют черепах, четырехугольные в поперечнике и без крюков, а на этих гарпунах крюки, да и сами они длиннее обычных. У манатинов глаза небольшие, и видят они довольно плохо в отличие от черепах, у которых зрение необычайно остро, а слух никудышный. Мясо манатинов похоже на телятину, но по вкусу напоминает свинину, однако они не обрастают, как свиньи, салом. Мясо засаливают и коптят точно так же, как свинину и говядину, о чем мы уже писали в первой части, — словом, точно так, как это делают буканьеры. Из крупного манатина может выйти две тонны мяса без костей и сала; на хвосте сало у манатинов прозрачное, пираты перетапливают его в испанских горшках и едят с маисом, который они готовят наподобие гречки. У этого сала нет привкуса рыбы, оно даже лучше масла или свиного жира. Вот и все, что я могу сообщить о манатинах, больше я ничего на сей счет не выведал.

В этом заливе нам встречалось такое множество манатинов, что мы запаслись всем, чем нужно. Однако, засолив мясо для себя, мы варили только печень, легкое, кишки, почки и мясо с костей. Однажды, когда мы ничего не поймали, а запасов нам трогать не хотелось, то решили пойти вдоль берега, чтобы наловить рыбы и пострелять птиц. Тут мы заметили каноэ с четырьмя индейцами. Увидев нас, они мгновенно скрылись. Но мы весьма проворно погнались за этими индейцами, чтобы поглядеть, нет ли какой-нибудь возможности завязать с ними торговлю и запастись провиантом. Индейцы, однако, не хотели иметь дело ни с какими христианами. Они высадились и побежали со своим каноэ через заросли. Мы преследовали их по пятам, поэтому они вынуждены были бросить каноэ на произвол судьбы. Вчетвером они дотасили лодку почти до самых зарослей, не дошли они до них шагов двести. В каноэ было до двух тысяч фунтов весу, так что просто удивительно, как сильны эти люди: нас было одиннадцать человек, и мы с трудом дотасили это каноэ до воды. Когда индейцы заметили, что мы взяли каноэ, они подняли крик. Мы выстрелили в ту сторону, откуда раздавались их вопли, но добиться ничего не добились, потому что углубляться в лес не решались: ведь индейцев на этом острове довольно много. Наш боцман, который привел нас к побережью и бывал там уже не раз, рассказал, что однажды попал в эти края со всем пиратским флотом. Они спустили на воду несколько каноэ, чтобы войти в реку и наловить там рыбы и пострелять птиц. А на деревьях спрятались индейцы. Как только каноэ вошли в реку, они прыгнули и мгновенно схватили несколько пиратов и утащили их в заросли. Произошло это так быстро, что никто не успел броситься на помощь товарищам. На следующий день на берег высадился сам капитан с отрядом в пятьдесят человек, чтобы вызволить тех пиратов, которых утащили индейцы; однако ему в этом не повезло, и он вскоре вернулся на борт.

Мы решили, что с нашими-то силами вообще ничего нельзя добиться и с индейцами справиться мы не сумеем, и поэтому довольно быстро вернулись на корабль.

В каноэ мы не нашли ничего, кроме сети длиной примерно четыре фута и шириной с полфута и подобной платью со шлейфом, четырех пик из пальмового дерева семи футов длиной. Мы внимательно рассмотрели оружие индейцев. На одном конце пики было семь или восемь крючков, другой конец был заострен так, как это показано на рисунке.

Каноэ было из дикого кедра и довольно неуклюжее, поэтому мы предположили, что у индейцев нет железных инструментов. Остров, на котором живут эти индейцы, довольно маленький — в окружности он не достигает и трех миль. Кстати, у этих индейцев нет другой земли, потому что они постоянно воюют с племенами с материка и друг друга не понимают. Идти на материк мы не решались: тамошние индейцы вообще никого не выносят.

Эти люди, по-моему, стали такими дикими после того, как здесь появились испанцы и причинили им столько бед, что, объятые ужасом, они должны были уйти в глубь страны. Они жили в лесах, не строили никаких хижин, ловили рыбу в реках и собирали плоды, которые давала тамошняя земля. С тех-то пор и перестали верить всем белым, потому что всех принимали за испанцев, которые их так жестоко мучили. Может быть, они скрылись и по другим причинам: из-за различий в языке и естественной враждебности; однако вряд ли столь большая вражда между двумя народностями могла произойти лишь из-за того, что они не понимали друг друга: ведь вообще невозможна ни вражда, ни любовь между людьми, если они не понимают друг друга. Эти дикие люди воюют между собой, не проявляя никаких поползновений на землю, и не требуют никаких долгов, потому что они не знают друг друга. Если они захватывают кого-нибудь в плен, то передают пленников самым жестоким пыткам, а затем обращают их в рабов. Вот и все, что я хотел сообщить о тех диких людях, которые живут у пролива Бока-дель-Драгон.

В конце концов мы решили покинуть эти места. Мы видели, что добыть провиант невозможно, а у нас

уже не хватало выдержки, чтобы придерживаться скудного рациона. Мы отправились вдоль побережья на запад. Спустя двадцать четыре часа достигли реки Суэра, где живут испанцы; эти места находятся в округе города Картаго. Там мы думали наловить черепах, которые как раз в это время приплывают класть яйца; но мы ничего не нашли, потому что до нас там уже побывали испанцы. Нам не досталось ровным счетом ничего, разве только пустые хижины; завидев нас, их обитатели тотчас же скрылись. Итак, мы были вынуждены питаться одними бананами. Я не хочу описывать их, потому что каждый, кто побывал в дальних краях, знает, как они выглядят. Набив корабль бананами доверху, мы двинулись вдоль берега в поисках удобной гавани, где можно было бы откилывать наш корабль, который дал течь; несколько рабов постоянно стояли у помпы: иначе бы корабль затонул. На четырнадцатый день мы вошли в большую бухту, которую пираты называют заливом Блексвельдт. Это название восходит к имени одного из пиратов, который часто посещал эту бухту для починки кораблей. Так нам представился случай, не откладывая, заделать течь. Одни занялись конопачением, другие пошли в лес на охоту. В тех местах водятся дикие свиньи, у которых на спине какое-то утолщение, а кроме того, там встречаются барсуки, правда довольно редко. Свиней и барсуков удалось забить мало, чаще попадались обезьяны и фазаны. И ими-то мы и питались; правда, больше мы ели обезьяньего мяса — эти твари водились там в изобилии. Хотя мы и очень нуждались в мясе, но стреляли по обезьянам скорее ради забавы: нужно было поразить пулями пятнадцать или шестнадцать обезьян, чтобы принести три или четыре туши. Если их не убить наповал, поймать их почти невозможно. Они цепляются хвостами за ветки и висят совершенно неподвижно, будто мертвые, а потом внезапно убегают. Самки носят детей на животе, как негритянки. Если мать убита, а детеныш еще жив, он крепко держится за мать хвостом и не бросает ее до тех пор, пока она не упадет. Если встать под дерево, где сидят обезьяны, то они начинают бросать в людей калом и сучьями. Если выстрелить в стаю обезьян и ранить одну из них, другие тут же окружают ее и закрывают рану; если кровь все еще хлещет, они прикрывают рану до тех пор, пока кровь не стихает, а тем временем остальные отыскивают мох или траву и затыкают рану, причем траву они жуют, прежде чем приложить к больному месту. Я часто с удивлением наблюдал, как ловко эти звери помогают друг другу в беде и отыскивают друг друга в минуту опасности.

Мы наварили и нажарили за эти дни столько обезьяньего мяса, что привыкли к нему, и оно казалось нам даже вкуснее фазаньего.

Мы могли бы рассказать о многих достопримечательностях, привести еще много других соображений, однако, чтобы не утруждать читателя, ограничимся лишь тем, что нам повстречалось в пути. Мы прожили там примерно дней восемь, каждый усердно занимался своим делом, как я уже говорил. Одни конопатили судно, другие выполняли прочие корабельные работы, а третьи охотились. Нам прислуживало несколько рабов и рабынь: мужчины рубили дрова и дробили известь (известь мы употребляли вместо воска, когда конопатили обшивку), женщины носили воду из колодца, который мы вырыли на берегу. Вскоре корабль был готов, и поэтому рабыням был отдан приказ как можно быстрее наполнить сосуды. На следующий день, как только рассвело, рабыни сошли на берег, и две из них чуть отошли к зарослям, чтобы полакомиться фруктами. Внезапно рабыни, которые находились у колодца, услышали крики своих подруг. Они решили, что на них напал какой-нибудь дикий зверь, но когда подбежали, то заметили в зарослях индейцев. Они бросили свои горшки и закричали: «Индейцы! Индейцы!» Мы тотчас же схватили ружья и бросились туда, где рабыни увидели индейцев. Там мы нашли тела обеих негритянок: каждая из них была пронзена двенадцатью или тринадцатью стрелами, стрелы эти пронзили им шею, туловища и ноги. Казалось, будто индейцы стреляли в зверя; бедные рабыни были буквально истыканы стрелами, хотя и пары стрел хватило бы, чтобы лишить их жизни. Это были весьма необычные стрелы, изготовленные на особый лад. Представляли они собой толстые прутья, почти в палец толщиной и длиной около восьми футов; на одном конце сухожилиями был прикреплен крючок, также деревянный, и в него был вставлен кремень, на другом конце была закреплена деревяшка в форме трубочки, заполненная мелкими камешками, и они, когда стрела шла к цели, слегка гремели. Часть стрел была из пальмового дерева, и цвет у них был красный, так что выглядели они знатно, и казалось, будто поверхность их тщательно отлакирована. Мы предположили, что это стрелы предводителя индейцев, и заметили, что они угодили негритянкам в самое сердце. Вот составные части стрел:

- 1) кремень, венчающий стрелу;
- 2) деревянный крючок, прикрепленный к наконечнику;
- 3) само тело стрелы;
- 4) трубочка на другом конце стрелы.

Эти стрелы были изготовлены без каких бы то ни было железных инструментов; сперва индейцы обжигали стрелу, а потом зачищали ее кремнем. Эти индейцы бегали в зарослях весьма быстро, и за собой они не оставляли никаких следов. Они были так осторожны, что даже «гребешки» с камнями обертывали листьями, чтобы те не издавали ни единого звука. Прочесав лес, мы вышли из него и, не обнаружив ни индейских каноэ, ни других подозрительных признаков, вернулись снова на свой корабль, полностью снарядились и погрузили все наше добро. Затем мы подняли паруса, не желая больше оставаться на этом месте и опасаясь, что индейцы нападут на нас с такими силами, что нам уж не удастся справиться с ними.

Глава восьмая

Автор прибывает на мыс Грасиас-а-Дьос. Рассказ о том, как пираты торгуют с индейцами, живущими в тех местах. Образ жизни индейцев. Автор покидает эти места и прибывает на остров Пинос, а затем возвращается на Ямайку.

После гибели наших рабынь от рук индейцев нас обуял ужас, и мы немедленно отплыли и взяли курс на залив Грасиас-а-Дьос, где надеялись передохнуть, то есть найти спокойное место и запастись провиантом; там жили индейцы, которые торговали с пиратами и встречали их довольно хорошо. На шестой день мы достигли бухты Грасиас-а-Дьос и благодарили господ, ибо мы были в положении человека, который совсем уже шел ко дну и внезапно выбрался из воды: воистину, от смертельной опасности спас нас господь. Мы благодарили бога за то, что он вызволил нас из глубокой нужды, в которую мы попали, и привел нас на это место, где можно было рассчитывать на дружелюбие жителей и на пополнение наших запасов. Став на якорь, мы заметили на берегу двух христиан, которые поджидали нас и очень приветливо нас встретили. Пираты настолько дружны с тамошними индейцами, что могут жить среди них совершенно ни о чем не заботясь, и часто они живут палец о палец не ударяя; ведь индейцы дают пиратам все, в чем они нуждаются, в обмен на старые ножи, топоры и разные иные инструменты. Когда пират пристает к берегу, за старый нож или топор он покупает себе женщину, и та остается у него до тех пор, пока он здесь живет; бывает, что года через три или четыре пират возвращается, и эта женщина снова приходит к нему. Тот, кто завел себе женщину индианку, уже не должен ни о чем заботиться, потому что, по обычаю индейских женщин, она приносит ему все необходимое. Итак, мужчины там почти ничего не делают, лишь иногда только ходят на охоту или на рыбную ловлю, а белые вообще не работают — они все заставляют делать индейцев. Индейцы довольно часто ходят с пиратами в море и остаются с ними года на три или четыре, не поминая о своем доме, так что среди них есть много таких, кто хорошо говорит по-французски и по-английски. Среди пиратов тоже немало людей, которые бойко говорят на индейском языке. Эти индейцы очень выгодны пиратам: почти все они отличные гарпунеры, рыболовы и ловцы черепах и манатинов, так что один индеец может обеспечить едой целую команду в сто человек, стоит ему только попасть на место, где можно чем-то поживиться. Когда мы сошли на берег, индейцы вышли навстречу с различными плодами. Они выискивали среди нас своих знакомых, и таких оказалось двое; они хорошо понимали их язык и прожили в этих местах довольно долгое время. Мы остались у этих индейцев на отдых, причем я получил возможность наблюдать за их образом жизни и обычаями, о которых и хочу кратко рассказать читателю.

У этих индейцев нечто вроде маленькой республики. У них нет правителя, которого бы они признавали господином или королем. Живут они на территории, которая по окружности тянется примерно миль на тридцать. Со своими соседями они не дружат, а испанцев считают своими злейшими врагами. Этих индейцев немного, не больше ста пятидесяти — ста шестидесяти человек, среди них есть несколько негров, которых они держат в рабстве; однажды к этим берегам прибило корабль, который был захвачен неграми, а индейцы взяли их в плен и сделали своими рабами, должно быть, и до сих пор люди эти живут в неволе. Поселения индейцев делятся на две части, или, если можно так сказать, на две провинции: одни живут вдали от моря и обрабатывают поля, другие селятся на побережье. Те, что живут в глубине страны, склонны к работе больше, чем прибрежные жители, поскольку они вынуждены строить себе жильё. А прибрежные индейцы от дождя ничем не прикрываются, лишь иногда используют с этой целью пальмовые листья, которые не пропускают воды, устраивают из них заслоны, поворачивая листья против ветра, который несет дождь. Одежды у них нет никакой, разве что пояс, прикрывающий бедра; эти пояса делают из коры деревьев, которую предварительно бьют и размягчают. Эти повязки они называют либо просто поясами, либо кабале. Некоторые делают пояса из ситца и надевают их на манер гвинейских. Пальмовые

листья употребляют и как подстилку — на них индейцы спят. В качестве оружия они используют асегайи⁹⁵ — палки с наконечником из железа или зуба акулы.

У этих индейцев есть представления о всемогущем боге, однако они обходятся без богослужений; я, например, ни разу не видел, как они молятся. В дьявола они не верят, как и многие индейцы в Америке, вероятно, он их не терзает так, как всех прочих смертных. Их пища состоит чаще всего из плодов: бананов, баковы, ананасов, бататов, касавы, а также крабов и рыбы, которую они ловят в море. Индейцы готовят различные напитки, довольно приятные на вкус; чаще всего они пьют ахиок; его готовят из определенного сорта семян пальмового дерева, замачивая их в теплой воде и оставляя ненадолго, затем сок процеживают и пьют. На вкус он очень приятный и весьма питательный. Индейцы делают напитки и из бананов: когда плоды созревают, их кладут в горячую золу и, как только бананы нагреются, переносят в сосуд с водой, а затем мнут руками, пока масса не станет мягкой, как тесто. После чего это месиво едят, а отцеженный сок пьют.

Из бананов делают вино, которое по крепости не уступит испанскому. Когда фрукты созревают, их замешивают с холодной водой в больших сосудах, основательно перемешанную массу оставляют дней на восемь; масса эта бродит, затем сок, который она испускает, действует как крепкое испанское вино. Индейцы угощают этим вином друзей и гостей. Они делают и другое вино, более вкусное и приятное; готовят его следующим образом: берут ананасы, поджаривают и месят так же, как мякоть бананов, и в эту смесь вливают дикий мед и выдерживают ее до тех пор, пока жидкость не примет цвет испанского вина и не станет очень вкусной. Напитки — это лучшее, что есть у индейцев, поскольку готовить пищу они не умеют. У них существуют прекрасные обычаи гостеприимства. Приготовленным вышеописанным способом вином они угощают друзей; гости перед визитом тщательно причесываются, умащивают волосы пальмовым маслом и раскрашивают лица черной краской. Жены гостей также делают прически и раскрашивают себя красной краской. Затем хозяева берут свое оружие — каждый захватывает три или четыре асегайя — и отправляются к месту, расположенному в трехстах шагах от своего дома, и там ожидают друзей. Заметив гостей, хозяин падает ниц и лежит не шевелясь, словно мертвый; друзья помогают ему подняться и ведут в дом. У входа в дом ниц падают гости, таким же образом, как это делал только что хозяин, и тот поднимает их, ведет в свое жилище и усаживает на почетное место. Женщины, однако, как я заметил, этих церемоний не придерживаются. Когда все гости рассаживаются, каждому подается сосуд с банановой смесью, и смесь эта похожа на густую кашу. В эту посудину вмещается примерно две пинты⁹⁶; гости должны все съесть и выпить; если чья-то посуда опорожняется, хозяин дома берет сосуд и развлекает затем гостя — начинается церемония учтивой беседы (так разъяснили мне те, кто понимает их язык). Затем они выпивают все вино, которое было приготовлено, но не прикасаются к пище (как правило, плодам) и принимают петь, плясать и ухаживать за женщинами. Чтобы показать свою склонность к какой-либо женщине, они берут один из своих дровиков и в присутствии дамы касаются им своего мужского хвоста. Я часто слышал, как об этом рассказывали пираты, однако на слово им не верил, но затем все это увидел воочию. Так же мужчины-индейцы поступают, когда выбирают себе жену и желают показать, что та или иная девушка им подходит. Во хмелю они буйствуют и случается, что друг друга убивают, но подобное бывает, однако, редко.

У индейцев существуют особые свадебные церемонии, они не могут взять девушку без согласия ее родителей или родичей. Если кто-либо пожелает жениться, то прежде всего он должен ответить на вопросы будущего тестя: хорошо ли он охотится и ловит рыбу и умеет ли он вить веревки. Если его ответы удовлетворяют отца невесты, то тот берет из рук девушки сосуд, пьет из него первым, а затем передает его жениху и невесте. По обычаю индейцев полную чашу надо пить до дна; но при свадебной церемонии пьют, чтобы показать, что они роднятся. Такая же церемония бывает и в том случае, если индейскую девушку берет в жены пират, однако отец невесты не задает ему вопросов, а принимает в дар нож или топор; когда пират покидает эти места, его жена возвращается к отцу, и индейцев не обижает поведение мужа-пирата. Среди индейцев нет таких, которые не берегли бы честь своей семьи, однако они не слишком огорчаются, когда кто-нибудь приходит к жене после того, как брак уже заключен. Женщины рожают детей где придется, как это делают карибы; роженица, разрешившись от бремени, тотчас же встает и купает младенца в реке или отмывает его водой, а затем привязывает к своему поясу, который они называют кабале, и приступает к обычной своей работе. Как это им удастся, я не знаю — пусть судят об этом женщины; ведь опыта у них больше.

У этих индейцев существуют особые похоронные церемонии. Когда умирает мужчина, жена должна

⁹⁵ ...используют асегайи... Асегайи — небольшие копья. Название это африканского происхождения.

⁹⁶ ...вмещается примерно две пинты... Пинта — старинная французская мера жидкости и сыпучих тел, равная 0,931 л.

похоронить его вместе со всеми его поясами, асегайями, приспособлением для ловли рыбы и всеми украшениями, которые он носил в ушах и на шее; каждый день на могилу мужа жена приносит пищу и питье, а по утрам она кладет на могилу связку бананов и ставит сосуд с питьем; если на могилу прилетают птицы и клюют бананы, все радуются, и ежедневно жена ходит на могилу, чтобы сменить пищу и питье, предназначенные покойнику. Так ведется целый год; а счет месяцев у них лунный: в одном году насчитывается пятнадцать месяцев. Некоторые авторы отмечали, что пища, которую индейцы приносят мертвым (так же поступают и карибы), предназначается дьяволу, однако я не разделяю этого мнения, поскольку я сам часто видел, что на могилу приносят самые зрелые и вкусные плоды. По истечении года женщина приходит на могилу, выкапывает останки своего мужа, извлекает все кости, моет их и сушит на солнце. Затем, когда кости основательно высыхают, она кладет их в свой кабале и носит на себе столько же, сколько они лежали в земле, а именно целый год из пятнадцати лунных месяцев: она спит с ними, работает с ними — словом, никогда с ними не расстаётся. А по прошествии этого времени вешает их на крышу хижины или, если у нее нет жилья, то на хижину ближайшего друга. По индейским законам женщина имеет право выйти замуж только спустя два года после смерти мужа. Костей человека, умершего не своей смертью, на себе не носят, но пищу и питье доставляют ему на могилу так же, как и всем прочим покойникам. Мужчины также не носят на себе костей своих умерших жен. Если умирает пират, вступивший в брак с индианкой, его кости носят на поясе так же, как и кости покойников-индейцев.

Негры, которые живут среди индейцев, исполняют все местные обычаи. Пленников, взятых в битвах, индейцы обращают в рабство. Индейцы, так же как и белые люди, подвержены тяжелым болезням. У них бывают кровотечения и оспа. Когда их треплет лихорадка, они забираются в воду и сидят, пока приступ не пройдет. Вот, собственно, и все, что мне удалось заметить за то время, которое я провел среди индейцев.

Когда мы отдохнули и запаслись всем, что нам могли дать индейцы, мы вышли в море и взяли курс на остров Кубу; на четырнадцатый день достигли острова Пинос, лежащего к югу от Кубы; туда мы пришли, нуждаясь в удобной гавани, где бы можно было отремонтировать корабль, поскольку не могли идти дальше из-за течи. Когда мы вошли в гавань, два индейца, которых мы прихватили с собой на Грасиас-а-Дьос, отправились на ловлю рыбы, а некоторые из наших людей направились на охоту — на этом острове много бродячего скота; животных завезли испанцы, и они очень расплодились здесь. Не прошло и четырех часов, как мы добыли столько рыбы и мяса, что снеди этой хватило бы и на две тысячи человек; у нас теперь были говядина, черепаховое мясо и разная рыба. И мы позабыли о былых невзгодах и стали друг друга называть не иначе как братьями (когда же у нас не было пищи, мы держались друг от друга поодаль шагов за пять-шесть!). Корабль мы могли отремонтировать без помех — никто нам ничем не угрожал, даже испанцы. Однако на ночь мы все равно выставляли дозор: вокруг было много крокодилов, а когда они голодны, то отваживаются нападать даже на человека. О таком случае рассказал один из наших товарищей; однажды он пробирался через лес в сопровождении негра и неожиданно наткнулся на крокодила, лежащего в болоте. Тот схватил его за ногу и потянул к себе, однако наш пират был человеком отважным и сильным. Он тотчас же выхватил нож и убил крокодила: однако, потеряв много крови, он упал без сил. Раб, который убежал, когда крокодил напал на его хозяина, вернулся и дотащил раненого до сухого места и там соорудил ему гамак. Выслушав все это, мы уже не ходили в лес в одиночку и отправлялись туда партиями по десять или двенадцать человек, справляясь всем скопом с крокодилами. Ночью мы возвращались на корабль, отрубали крокодилам передние лапы, потом обвязывали канатом шею и поднимали на борт. Когда мы вдоволь запаслись провиантом и подлатали свой корабль, то вышли в море и направились к Ямайке. Там мы убедились, что треть кораблей из флотилии Моргана не вернулась восвояси.

Морган хотел снова снарядить корабли и захватить остров Санта-Каталину, откуда он в свое время отозвал пиратов, однако все его планы были сорваны: на Ямайку пришел английский военный корабль и от имени короля губернатор был отозван в Англию, чтобы дать отчет за весь ущерб, причиненный испанцам пиратами. На этом же корабле доставлен был на Ямайку новый губернатор; Морган тоже отправился в Англию⁹⁷. Этот новый губернатор тотчас же послал суда во все испанские гавани, дабы сообщить губернаторам испанских владений хорошие вести и заверить их, что с Ямайки больше не выйдет в море ни один пират. Тем временем этот же губернатор, уповая на мирные отношения с испанцами, стал с ними торговать и послал в испанские владения в качестве посредников нескольких евреев, живших на Ямайке.

⁹⁷ ...губернатор был отозван в Англию... С 1666 года на Ямайке стали действовать правила, согласно которым губернатор острова назначался английским правительством и при нем был исполнительный и законодательный совет, выбираемый из колонистов. Отзыв губернатора объяснялся тем, что как раз в описываемое время между Англией и Испанией шли мирные переговоры о дележе американских земель. Договор был подписан в октябре 1670 года, и затем губернатор и Морган были отправлены в Англию. Вскоре, однако, Морган вернулся в Америку и был признан вице-губернатором Ямайки. Он умер в 1688 году и был похоронен в Порт-Ройале в церкви Св. Екатерины.

Те пираты, которых вести о всех этих событиях застали в пути, не возвратились вообще на остров и продолжали грабить всех, кто попадался им под руку. Позднее на северном берегу Кубы они захватили местечко Ла-Вилья-де-лос-Кайос и учинили там, по старым обычаям, не меньше злодейств, чем прежде.

Новому губернатору в конце концов удалось хитростью поймать двух пиратов, и он приказал их повесить. Когда об этом узнали остальные пираты, они нашли прибежище у французов на острове Тортуге, где прожили некоторое время; они совершали свои разбои таким образом, что решительно ничего нельзя было против них предпринять; когда у них отбивали одну гавань, они отправлялись в другую, а так как в этих местах много прекрасных гаваней, то они в изобилии получали все, что им было необходимо для пропитания и для починки своих кораблей.

Рассказ о кораблекрушении, которое претерпел мосье Бертран д'Ожерон, губернатор Тортуги, а также о том, как он со своим войском оказался в руках испанцев и каким образом ему удалось все же спасти жизнь; далее повествуется о его походе на Пуэрто-Рико, который он предпринял для спасения своих людей, о его неудаче и жестокостях испанцев по отношению к пленным французам.

В год 1673⁹⁸ жители островов, состоящих во владении короля Франции, собрали довольно большие силы, чтобы разграбить и уничтожить поселения, находившиеся под властью государственных штатов Голландии⁹⁹. Французский генерал от имени короля дал распоряжение всем судам нападать на врага, когда им представится возможность. Сам он собрал флот из торговых и военных кораблей, прибывших из разных мест, чтобы отправиться в поход на остров Кюрасао. Сам губернатор Тортуги сел на один из военных кораблей, который как раз стоял на рейде; на этом корабле уже был отряд из четырехсот или пятисот охотников или буканьеров с Эспаньолы; они хотели присоединиться к французскому генералу и идти вместе с ним на Кюрасао. Однако замысел губернатора не осуществился по причине несчастья, случившегося с ними, когда корабль уже дошел до южного берега острова Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико; ночью начался сильный шторм и корабль наскочил на рифы недалеко от островов Гваданильяс, лежащих к югу от Пуэрто-Рико. Вскоре корабль разбился в щепы, и мосье д'Ожерон был вынужден сойти со своими людьми на берег.

На следующий день, в час рассвета, на берегу появились испанцы и, решив, что эти люди пришли, чтобы разграбить их остров (этого они всегда ждали от французов), собрали достаточные силы и напали на пришельцев. Пираты попали в крайне тяжелое положение, и многие из них были склонны скорее просить пощады и не желали сражаться; они думали лишь, как бы спасти свою жизнь.

Испанцы напали на них, собрав все свои силы — в их войске были негры, индейцы и полукровки, однако белых было мало. Пираты выступили им навстречу, чтобы сдать в плен и испросить пощады; пираты пытались умиловить испанцев, утверждая, что они европейцы, которые попали на французские острова, чтобы вести торговлю, и что их корабль во время шторма налетел на рифы и был разбит в щепы. После того как они смиренно запросили пощады, испанцы ответили им: «На perros ladrones no hay quartel para vos otros» (Вы разбойничьи псы, вам не будет никакой пощады). Испанцы напали на французов и перебили большую часть пришельцев. Однако, убедившись, что сопротивления им никто не оказывает, у многих пришельцев даже нет оружия, они прекратили резню, хотя и остались при своем мнении, будто французы высадились, чтобы разграбить остров. Они захватили оставшихся в живых, связали их по двое и по трое и увели с собой в саванну, то есть на плоское место.

При этом испанцы стали допрашивать, кто из них главный, но те ответили, что предводитель их утонул (так приказал им говорить мосье д'Ожерон в канун встречи с испанцами). Испанцы не поверили пиратам и стали их пытать, требуя, чтобы они выдали своего начальника, причем некоторые из них, не выдержав пыток, умерли.

Сам Ожерон притворился дурачком и показывал жеста, что не умеет говорить; поэтому испанцы оставили его в покое и не причинили ему никакого вреда, напротив, они даже кормили его объедками, в то время как все другие пленники страдали от голода: пищи было так мало, что ее не хватало и многие умирали. Когда один из пиратов тяжело заболел и был уже при смерти, испанцы проделали над ним

⁹⁸ ...в год 1673... Согласно дате, сообщенной самим Экскевелином, он пробыл среди пиратов до 1672 года, но, поскольку данный рассказ напечатан в основном тексте в первом издании книги, его надо считать неотъемлемой частью повествования Экскевелина. Впоследствии, при переиздании книги в Голландии в начале XVIII века, в нее уже включались разделы, написанные другими авторами и вошедшие в английские и французские переводы.

⁹⁹ ...под властью государственных штатов Голландии... То же — государственных штатов Нидерландов. Экскевелин допускает такой оборот, вероятно, потому, что Голландия была одной из самых густонаселенных и богатых провинций Нидерландов (в нее входил и Амстердам) и поэтому пользовалась значительным перевесом над другими провинциями. Поэтому нередко у правление страной шло от имени генералитета Голландии.

следующую шутку: его привязали к дереву, сели на лошадей и стали бросать в него пики, соревнуясь в меткости: это был своего рода турнир.

Мосье д'Ожерон, человек умнейший, продолжал притворяться дурачком. Но его возмутили зверства, которые творили испанцы, и он решил рискнуть жизнью, чтобы освободить французов. Все французы были связаны, и, кроме того, их зорко стерегли испанцы; д'Ожерона, как простачка, никто не трогал, и он бродил повсюду с цирюльником Франсуа ля Фаверье, который перешел на службу к испанцам, причем пленнику разрешено было ходить, куда ему вздумается. Он держал при себе д'Ожерона в качестве шута, и испанцы с удовольствием смотрели на все проделки, которые по велению цирюльника совершал д'Ожерон.

Тем временем д'Ожерон и Фаверье договорились, каким образом лучше всего осуществить побег. Они решили отправиться к берегу, там соорудить плот и на нем перебраться на остров Санта-Крус, принадлежащий французам, этот остров лежит у восточной оконечности Пуэрто-Рико, примерно в десяти милях от него. Когда они обсудили этот план, то предупредили остальных пленников и отправились в путь, не имея при себе никакого оружия, кроме секача, или мачете; этот секач они прихватили у испанцев. Прежде чем попасть на берег, они целый день пробирались через лес и долго выжидали удобного случая, чтобы соорудить плот; однако время шло, а случай этот им не представлялся. Их мучил голод, но на берегу ничего съестного нельзя было добыть, и им пришлось, забираясь в лес, питаться плодами.

Однако нужда учит и заставляет находить наилучшие решения: оба беглеца придумали различные способы добыть себе пищу. У берега они увидели множество рыбок, испанцы называют этих рыбок — карлабадос. Беглецы заметили, что маленькие рыбки, спасаясь от больших рыб, выпрыгивают и попадают на сухой песок. Мосье Ожерон стал ловить их, и это ему удалось, к неописуемой его радости. Оба тотчас же стали охотиться за ними и вскоре наловили их столько, что насытились. Затем беглецы наловили рыб про запас и развели огонь; а огонь добывали они так: терли друг о друга два куса дерева четверть часа и дерево загоралось; жарили рыбу они в лесу, потому что боялись, как бы на берегу их не заметили; тогда они снова попали бы в плен и их умертвили бы без всякой пощады.

Беглецы принялись сооружать плот и целый день искали подходящие деревья. Внезапно они увидели каноэ, которое направлялось к ним со стороны моря, и тотчас же скрылись в лесу неподалеку от того места, куда пристала лодка, ибо не знали, что это за люди. Они заметили, что в ней было только два человека, и приняли этих людей за рыбаков, и так оно на деле и оказалось. Беглецы подкараулили их и решили захватить каноэ. Подойдя к нему поближе, они рассмотрели обоих рыбаков; один из них был испанец, другой — полукровка, испанцы таких называют мулатами. Было видно, что они пристали к берегу, чтобы запастись водой и ночью наловить рыбы у прибрежных утесов. Вскоре мулат отправился с кувшином к реке, которая протекала неподалеку. Оба наших беглеца стремглав ринулись на мулата, сбили его с ног, проломили ему секачом череп, а затем напали на испанца, который сидел в каноэ и чинил рыболовные сети. Его также убили и труп оставили в каноэ. Затем они перенесли в каноэ и другой труп, чтобы сбросить тела в море и не оставлять на берегу следов. При этом они запасли столько питьевой воды, сколько могло вместить каноэ, и отправились на поиски удобной стоянки, чтобы провести там ночь.

Наутро они пошли вдоль берега Пуэрто-Рико к мысу Кабо-Рохо, а затем добрались до Эспаньолы, где находились их земляки. Ветер и погода благоприятствовали им настолько, что они добрались до тех мест довольно скоро и уже в Самане, на острове Эспаньола, встретили своих людей. Ожерон приказал цирюльнику обойти побережье и собрать людей, а сам направился на Тортугу, где на рейде стоял его собственный корабль, и тоже стал собирать народ. Он всем сообщил, что намерен освободить остальных пленников; кроме того, он посулил богатую добычу и возбудил этим страсти. Цирюльник обошел все места вдоль побережья Эспаньолы, где жили французы, призывая их вызволить товарищей, и также посулил им большую добычу. За короткий срок он собрал довольно много народу.

Тем временем Ожерон снарядил много кораблей, посадил на них своих соратников и пошел вдоль берега Эспаньолы, чтобы захватить людей, которых собрал цирюльник. Он воодушевил их и воспламенил призывом мести, рассказал при этом о нечеловеческих жестокостях, которые творили испанцы над французами. Все торжественно поклялись, что пойдут за Ожероном туда, куда он пожелает, и что на деле докажут свое сочувствие страдальцам, которых испанцы подвергли таким мукам. Когда Ожерон убедился, что его люди уже готовы к отплытию и во всем поддерживают его замыслы, он взял курс на Пуэрто-Рико. Они двигались так близко к суше, что реи оказывались на линии уреза берега. Корабли шли только под нижними парусами, и все это делалось, чтобы испанцы их не заметили до тех пор, пока они не придут на место. Эти предосторожности были совершенно бесполезны, потому что на берегу были наблюдатели — испанцы послали конников, и те следили за всеми передвижениями пиратов. Ожерон, заметив это, счел необходимым на некоторое время остановиться и отдал приказ быть всем готовым к высадке. Флотилия подошла теперь совсем близко к берегу, и Ожерон намерен был под прикрытием огня с кораблей внезапно

высадиться и стремглав ринуться на испанцев.

Однако вышло совсем по-другому: когда с кораблей открыли стрельбу из пушек, испанцы спрятались в зарослях и залегли там, а как только пираты вошли в лес, они неожиданно напали на них и многих перебили, так что пираты вынуждены были переправиться на свои корабли, оставив на берегу много трупов. Хотя мосье Ожерон снова уцелел, но он был убит горем, сознавая, что его замыслы рухнули и он подобно всем остальным пиратам может попасть в руки этих варваров. Одна мысль об этом приводила его в содрогание. И он никак не мог найти способ вызволить своих людей, дела шли очень плохо, и его людей одолевал страх. Нечего было и думать о высадке: один испанец на берегу стоил десятка пиратов, выходящих на сушу, к тому же враг был намного сильнее, и французы были вынуждены отказаться от столь безрассудных планов.

Испанцы оставались на берегу до тех пор, пока Ожерон не скрылся из виду. Тогда они перебили всех раненых, лежащих у воды, отрезали им носы и уши и принесли эти трофеи в лагерь и показали их пленникам как свидетельство одержанной победы. Испанцы отпраздновали победу и зажгли фейерверк. Затем привязали несколько пленников к деревьям и устроили такое соревнование: верхом они гарцевали мимо пленников и на всем скаку метали в них копья, и тот, кто лучше всех попадал в цель, получал приз. Кроме того, они поставили перед пленниками мясо, а те не ели дня два или три, и тех, кто пытался дотянуться до него, били мачете по рукам. Они швыряли пленникам кости, чтобы те обгладывали их, как собаки; если пленники их не брали, испанцы издевались над ними и кричали, что жертвы все еще недостаточно голодны.

Господин Якоб Бинкес, который был тогда командиром одного из военных кораблей, крейсировавшего у берегов Америки, попал туда, чтобы запастись свежим провиантом, и был свидетелем этих бесчинств; он спас пять или шесть этих пленников, взял их к себе на корабль и привез в Голландию. Когда испанцы обнаружили это, они доставили оставшихся в главный город острова, где их заставили таскать известь и камень для ремонта укреплений. Тем временем пленники немного восстановили свои силы: ведь рабов все же надо было кормить, а они работали, как невольники; жить им стало чуть полегче, и у них затеплилась надежда на избавление. Когда укрепления были усилены и им уже больше нечего было делать в городе, губернатор отправил их в Гавану, где их использовали так же, как в Пуэрто-Рико, однако воли давали меньше: днем они должны были работать, а на ночь их заковывали в ножные и ручные кандалы. Губернатор боялся, как бы они чего-либо не вывели в городе; в этом случае, попав к своим, они смогли бы захватить город врасплох — такое уже прежде бывало. Поэтому губернатор искал удобного случая, чтобы отправить их в Испанию.

На все корабли, идущие из Новой Испании, направлял он по два или три француза, которые должны были заменять матросов на случай их смерти или бегства. Именно об этом долго мечтали французы, и они благодарили бога, что он помог вырваться из рабства.

Ждать им пришлось недолго; они все были переправлены в Испанию, где затем собрались, чтобы прорваться во Францию, а оттуда при первой же возможности снова вернуться на остров Тортугу. Они помогали друг другу как только могли: кто имел деньги, ссужал их тому, у кого не было. Некоторые из них так и не могли забыть того, что они претерпели от испанцев, и точили ножи с крюками, надеясь захватить мучителей и содрать с них кожу, а затем разрезать их тела на куски. Часа мести они ждали днем и ночью.

С первым же кораблем, который встретили, французы вернулись назад на Тортугу; часть из них снова занялась разбоем и присоединилась к флоту, который стоял тогда на Тортуге под командой мосье Ментенона, француза по происхождению. Они заняли остров Тринидад, который лежит между островом Тобаго и побережьем Парии¹⁰⁰, и захватили сто тысяч талеров выкупа. После этого они замыслили разграбить город Каракас, лежащий неподалеку от Кюрасао.

Конец истории о пиратах

¹⁰⁰ ...и побережьем Парии... Побережье залива Пария — западный участок венесуэльского берега.